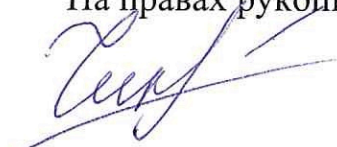

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ЧИКОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

**ГОРОДСКАЯ ПОЛИЦИЯ КАК ОРГАН ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО
ПОРЯДКА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1825-1862 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Специальность: 5.6.1 - Отечественная история
(исторические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Никитина Наталья Владимировна,
Кандидат исторических наук, доцент

Смоленск 2026

Содержание

Введение	3
Глава 1. Эволюция правовых основ организации полицейских органов в XVIII - первой половине XIX вв.	34
1.1. Формирование и развитие регулярных органов правопорядка в XVIII - первой четверти XIX века	34
1.2. Централизация полицейского управления и кодификация законодательства во второй четверти XIX века.....	51
Глава 2. Кадровое обеспечение городской полиции в Смоленской губернии в 1825-1862 гг.....	67
2.1. Институционально-правовая основа формирования кадров городской полиции	67
2.2. Организация городской полиции: общий штат, иерархия должностей и система финансирования.....	80
Глава 3. Деятельность городской полиции Смоленской губернии в 1825-1862 гг.	114
3.1. Административно-хозяйственные функции городских полиций	114
3.2. Правоохранительная деятельность городских полиций	138
Заключение.....	168
Список источников и литературы.....	175
Приложения.....	205

Введение

Актуальность темы исследования. Во второй трети XIX века городская полиция занималась не только розыском преступников. На неё возлагались надзор за торговлей и передвижением населения, содержание городских улиц, противопожарные и санитарные меры. Исполнять эти обязанности приходилось при небольших штатах и зависимости от городских средств. Поэтому изучение полиции позволяет рассмотреть, как действовало местное управление и что определяло исполнение законов в провинциальном городе.

Для Смоленской губернии эти вопросы остаются недостаточно изученными. Н.В. Никитина исследовала деятельность первых смоленских полицмейстеров, А.В. Тихонова и О.В. Козлов - отдельные стороны надзора за иностранцами. Однако организация городской полиции, порядок её комплектования и повседневная служба в 1825–1862 гг. ещё не получили общего рассмотрения. Архивные материалы губернии позволяют сопоставить распоряжения центральных учреждений с действиями местных властей и установить, какие возможности имела полиция для исполнения возложенных на неё обязанностей.

Объект исследования - провинциальные правоохранительные органы в Российской империи в 1825-1862 гг.

Предмет исследования - деятельность городской полиции как органа охраны общественного порядка в провинции в 1825-1862 гг. (на материалах Смоленской губернии).

Хронологические рамки работы обусловлены изменениями в политико-правовых и организационных методах комплектования и функционирования полицейских органов. Нижняя граница совпадает с воцарением Николая I, который усилил политический контроль над обществом. Верхняя граница связана с реформой правовых органов в 1862 году, когда полностью изменился способ формирования полицейских органов, в результате чего городская полиция прекратила своё существование

как отдельный правовой субъект. При этом по отдельным вопросам, прежде всего при анализе правовых основ и кадровых механизмов, заложенных в XVIII веке, исследование выходит за нижнюю границу рамок, что необходимо для понимания генезиса института, сложившегося к николаевской эпохе.

Территориальные рамки диссертационного исследования включают Смоленскую губернию в административных границах 1802-1918 гг. В этот период времени в губернии включала Смоленск, который одновременно был центром губернии и уезда, а также 11 уездных городов: Белый, Вязьма, Гжатск, Дорогобуж, Духовщина, Ельня, Красный, Поречье, Рославль, Сычёвка, Юхнов. Города имели экономические особенности, влиявшие на формы и практики социально-хозяйственной жизни, но сохраняли однотипную структуру самоуправления и управления, что позволяет экстраполировать результаты, полученные в отношении одного города, на другие.

Категории исследования. В российском законодательстве термин «общественный порядок» впервые был закреплён в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений, вошедшем в Свод законов 1832 года¹. При этом в общественном поле и на теоретическом уровне это понятие уже встречалось в работах М.М. Сперанского, который трактовал его в контексте «общественной безопасности». Под этим он подразумевал предупреждение преступлений, непрерывное исполнение законов и сохранение общественного спокойствия со стороны полицейских органов. Выражалось это спокойствие в том числе, по мнению М.М. Сперанского, в отсутствии страха и хаоса, поэтому полиция обязана была не только охранять правопорядок, но и вести наблюдение за продовольствием, народным здоровьем, состоянием дорог и мостов, а также применять другие меры, необходимые для повседневной жизни подданных².

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XIV. Свод уставов благочиния: Ч. 1: Свод устава о предупреждении и пресечении преступлений.

² Сперанский М.М. План государственного преобразования. М., 1905. С. 124-138.

Такое понимание общественного порядка восходило корнями и было неразрывно связано с понятием «благочиние», получившим законодательное выражение в «Уставе благочиния, или Полицейском» 1782 года. Благочиние понималось как соблюдение приличий, поведения и порядка, было неразрывно связано с морально-этическими нормами, охрана которых возлагалась на полицию, что находит отражение в названии нормативно-правового акта. Поэтому полиция должна была не только пресекать нарушения, но и наблюдать за торговлей, чистотой улиц, исправностью мостов, соблюдением санитарных и противопожарных правил. В первой половине XIX века этот широкий круг обязанностей сохранялся. При этом термин «общественный порядок» в царствование Николая I получил законодательное закрепление и развитие. В Своде 1832 года соответствующие положения были распределены между отдельными уставами, в том числе Уставом о предупреждении и пресечении преступлений и Уставом о паспортах и беглых³. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года определяло ответственность за преступления и проступки, включая нарушения по службе⁴.

Поэтому в настоящем исследовании городская полиция рассматривается как орган охраны общественного порядка в совокупности возложенных на неё обязанностей. Ограничение этого понятия предупреждением и пресечением правонарушений оставило бы за пределами исследования значительную часть полицейской службы рассматриваемого времени. Для жителей города безопасность зависела не только от защиты от преступных посягательств, но и от предупреждения пожаров и эпидемий, исправности городских сооружений, наличия продовольствия и соблюдения правил торговли. По общероссийскому законодательству наблюдение за этими вопросами

³ Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XIV. Свод уставов благочиния: Ч. 1: Свод устава о предупреждении и пресечении преступлений; Ч. 2: Свод уставов о паспортах и беглых.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XX, отд. 1. № 19283.

поручалось городской полиции. В Смоленской губернии содержание её повседневной работы определялось также транзитным положением территории, хозяйственными нуждами городов и средствами, которыми располагали местные учреждения.

Для последовательного изучения этого круга обязанностей деятельность городской полиции в диссертации разделяется на административно-хозяйственную и правоохранительную. К первой относятся благоустройство, санитарный и противопожарный надзор, наблюдение за торговлей и другие дела, связанные с повседневными нуждами города; ко второй – предупреждение и пресечение правонарушений, розыск и первоначальное расследование. Такое разделение принято для построения исследования, поскольку в самой службе эти обязанности были тесно связаны. Проверка паспортов сопровождалась выявлением беглых, а надзор за торговлей позволял обнаруживать обман покупателей и продажу запрещённых товаров. Рассмотрение обеих сторон деятельности городской полиции позволяет раскрыть содержание охраны общественного порядка в городах Смоленской губернии и показать, как общероссийские требования исполнялись в местных условиях.

Степень изученности проблемы. Изучение истории городской полиции как органа охраны общественного порядка даже в ограниченных территориальных рамках Смоленской губернии требует тщательного рассмотрения существующих историографических наработок, анализирующих различные аспекты деятельности правоохранительных органов Российской империи. Поскольку настоящее исследование затрагивает не только вопросы организации и функционирования провинциальной полиции, но и эволюцию её нормативно-правовой базы на протяжении XVIII-XIX веков, то одновременно изучены и приняты во внимание основные оценки как дореволюционных правоведов, так и современных историков. Историография проблемы традиционно делится на три периода:

дореволюционный, советский и современный - каждый из которых характеризуется своими исследовательскими подходами и акцентами.

Дореволюционная историография уделяла внимание эволюции полицейских органов, правовым основам их деятельности и законодательству в Российской империи.

Работа П.Н. Гуляева стала первой, посвящённой изучению полиции⁵. В ней автор попытался систематизировать правовую основу полицейских органов.

Исследователь середины XIX века А.И. Вицин в своей работе «Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств»⁶ затрагивает деятельность полицейских органов в первой половине XIX века.

К 200-летию юбилею Санкт-Петербургской столичной полиции был издан очерк И.П. Высоцкого «Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703-1903 г.)»⁷, содержащий значительное количество копий документов, раскрывающих повседневную деятельность столичной полиции. Автор также кратко осветил структуру и деятельность Санкт-Петербургской полиции во второй трети XIX века.

В 1913 году был опубликован исторический обзор эволюции органов правопорядка в Российском государстве⁸. Авторы обзора ограничились изложением фактов, не давая оценок описываемым институтам. Это снижает аналитическую ценность работы, однако делает её полезной в качестве свода фактических данных.

⁵ Гуляев П.Н. Права и обязанности градской и земской полиции и всех вообще жителей российского государства, по их состояниям в отношении к полиции. Ч. 2. М.: Унив. Тип., 1824. 247 с.

⁶ Вицин А.И. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств. Казань, 1855. 298 с.

⁷ Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703-1903 г.): Крат. ист. очерк. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 326 с.

⁸ Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1913. 42 с.

Е.Н. Анучин, в отличие от предшественников, не ограничился только лишь описанием⁹. В своей монографии он провёл критический анализ политической системы, особо уделив внимание разбору её слабых сторон. Работа особенно ценна тем, что Анучин предложил пути преодоления сложившихся недостатков через реформирование, основанное на историческом опыте, акцентировав внимание также на городских полицейских органах.

Системный анализ городской и сельской полиций провёл Е.П. Карнович. Его в первую очередь интересовало, как эти два звена взаимодействуют между собой и как устранить противоречия, возникавшие из-за пересечения их компетенции¹⁰.

Знаменитый дореволюционный российский правовед И.Т. Тарасов исследовал функционирование полицейской системы и её отношения с судебными органами. В своих работах он поднимал вопросы разграничения полномочий правоохранительных и судебных органов, а также негативное влияние отсутствия четкого правового регулирования на практическую деятельность, например, он специально исследовал вопросы задержания и ареста в правоохранительной деятельности¹¹. В целом труды Тарасова представляют ценность для изучения полномочий полиции, её взаимодействия с судебной системой и процессуальных аспектов работы¹².

Н.И. Белявский в своём курсе лекций «Административное право»¹³ касался вопроса развития полицейских институтов. Эпоху Николая I он

⁹ Анучин Е. Н. Исторический обзор развития Административно-полицейских учреждений в России с 1775 года до последнего времени. СПб., 1872. 238 с.

¹⁰ Карнович Е. П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных. СПб., 1873. 504 с.

¹¹ Тарасов И.Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ч. 2: Полицейский арест в России. Отд. 2: Период Императорский. Ярославль: Тип. Г.В. Фальк, 1886. 405 с.

¹² Тарасов И.Т. История русской полиции и отношение ее к юстиции // Юридический вестник. 1884. № 2. С. 178 – 200.

¹³ Белявский Н.Н. Полицейское право (Административное право): конспект лекций. 3-е изд., доп. СПб.: Тип. Екатерингоф. печ. дело, 1915. 409 с.

выделял только перечислением ведения III Отделения СЕИВК., не давая никаких характеристик.

Исследователь конца XIX века Э.Н. Берендс в своём труде придерживался институционального подхода и проследил развитие и трансформацию российских административных и правоохранительных органов на разных исторических этапах¹⁴.

Особое место среди дореволюционных трудов по истории государства и права России занимает исследование известного правоведа А.Д. Градовского «Начало русского государственного права». В последнем, девятом томе автор скрупулёзно рассматривает сферу деятельности полиции, права и обязанности её служащих¹⁵.

В целом, изучение дореволюционной историографии свидетельствует о большом интересе ученых и правоведов к вопросам становления, развития и функционирования полиции Российской империи. Однако в их работах преобладал описательный подход. Городская полиция николаевской эпохи как самостоятельная исследовательская проблема не рассматривалась; отдельные аспекты её работы затрагивались лишь в общей исторической ретроспективе деятельности правоохранительных органов.

В ранний период советской историографии царский режим и полицейские, и правоохранительные институты, как «карательные» органы, подвергались крайне негативным оценкам, что было обусловлено господствующими идеологическими установками. Основываясь на ленинском тезисе о том, что государство является инструментом для поддержания господства одного класса над другим, эти структуры рассматривались как элементы репрессивного государственного аппарата¹⁶. В центре внимания советских историков этого периода были революционные движения и народные волнения, а деятельность полиции освещалась преимущественно в

¹⁴ Берендс Э.Н. Опыт системы административного права. Т. I. Вып. I. Ярославль: Тип. Э.Г. Фальк, 1898. 263 с.

¹⁵ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. 9. СПб., 1899. 789 с.

¹⁶ Ленин В.И. О государстве // Полн. собр. соч. Т. 39. М.: Изд-во полит. лит., 1970. С. 73.

контексте жесткого подавления выступлений и бунтов со стороны властей. Советские исследователи 1920-1930-х годов смотрели на полицию сквозь призму классовой борьбы, что выражалось в сосредоточении их интереса на органах политического сыска - III Отделение, Корпус жандармов, охранные отделения. Другие элементы правоохранительной системы, такие как городская полиция, попадали в поле зрения исследователей лишь как низовое звено той же карательной системы.

А.Е. Пресняков¹⁷ и И.М. Троцкий¹⁸ в своих работах рассматривали полицию как орудие подавления, инструмент, с помощью которого власть пресекала любую попытку изменения общественного устройства. Крупный исследователь пенитенциарной системы царской России М.Т. Гернет, оценивал российскую дореволюционную полицию крайне негативно: «В полицейских участках царили гоголевские держиморды. Здесь был первый этаж, где вымогалась взятка и начиналась волокита»¹⁹. В такой трактовке полиция рассматривалась исключительно как карательный механизм господствующих классов.

На ранних этапах советского периода (1920-1950-е гг.) исследования носили во многом обличительный характер, авторы избегали объективного анализа, сосредотачиваясь на политических функциях полиции как «оплота самодержавия».

Ситуация начала меняться во второй половине века. Смягчение идеологического контроля в годы оттепели, а затем и в 1970-е годы, позволило шире взглянуть на деятельность органов охраны общественного порядка. Полицию стали рассматривать не только как карательный орган, но и как сложный государственный институт с множеством повседневных задач - это и

¹⁷ Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. / А.Е. Пресняков. М.: Брокгаузен - Ефрон, 1925. 98 с.

¹⁸ Троцкий И.М. Третье отделение при Николае I. М., 1930. 139 с.

¹⁹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. 3-е изд. Том 2. М., Издательство Юридической литературы. 1961. 303 с.

благоустройство городов, и борьба с эпидемиями, и контроль отдельных групп населения и др.

Более поздние советские исследователи стремились к более объективному анализу деятельности правоохранительных органов. Н.П. Ерошкин в своем фундаментальном исследовании, исследовал полицейские структуры в общем контексте эволюции государственных институтов Российской империи. В работе прослеживалась структура полицейских органов, этапы их реформирования и трансформации на протяжении разных исторических периодов²⁰. Вопросы, касающиеся полиции, также рассматривались Ерошкиным в работе «Крепостническое самодержавие и его политические институты» в контексте анализа общей системы самодержавного строя²¹. Подобный академический подход, основанный на фактическом материале и стремлении к объективности, характерен для позднесоветской историографии и свидетельствует о ее существенной эволюции по сравнению с ранним периодом.

Однако полностью разорвать с прежней традицией не удалось. И.В. Оржеховский в монографии о III Отделении по-прежнему обращал особое внимание на его репрессивную функцию, показывая, как жандармское ведомство преследовало оппозицию и подавляло народные волнения²². Но и он уже не мог игнорировать того, что III Отделение занималось множеством других дел в виде цензуры, сбора статистики и т.д. Советская историография двигалась в сторону более сложных вопросов, но до полноценного анализа всей многозадачности полицейской системы так и не добралась.

На рубеже 1970–1980-х годов исследователи стали уделять больше внимания устройству полицейских органов, их кадровому составу и изменениям в организации службы. Политическая деятельность полиции

²⁰ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.

²¹ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). М.: Мысль, 1981. 252 с.

²² Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982. 207 с.

постепенно переставала быть единственным предметом рассмотрения. В советское время начали работу многие историки, продолжившие изучение этой темы и после распада СССР. Среди них следует назвать Р.С. Мулукаева. Он рассматривал политическую полицию, оценивая её в принятом тогда духе как орган «реакционного и антинародного характера»²³, изучал общеуголовную полицию и её классовые основы²⁴. Отдельные его труды посвящены полиции и тюремным учреждениям²⁵, устройству и развитию органов внутренних дел Российской империи²⁶. Позднее учёный обобщил результаты исследований в работе «Полиция в России (IX – нач. XX вв.)», где история органов правопорядка прослеживается на протяжении длительного периода²⁷.

К изучению истории полиции ещё в советское время обратился А.В. Борисов, продолживший эту работу в последующие годы. В его публикациях рассматриваются создание правоохранительных учреждений и организация их деятельности, отношения полиции с обществом, а также её отражение в искусстве и культуре. Ряд работ посвящён руководителям Министерства внутренних дел, подбору и подготовке полицейских кадров²⁸.

В исследованиях М.И. Сизикова рассматриваются общественное регулирование полицейской деятельности и отношения органов правопорядка

²³ Мулукаев Р.С.: Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер. М.: РИО Акад. МВД СССР, 1976. 31 с.

²⁴ Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. Ее классовый характер / Акад. МВД СССР, Каф. истории органов внутр. дел. М.: Акад. МВД СССР, 1979. 27 с.

²⁵ Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России / Канд. юрид. наук Р. С. Мулукаев; Высш. школа МООП РСФСР. М.: 1964. 28 с.

²⁶ Мулукаев Р.С. Система органов внутренних дел дореволюционной России. М.: 1978. 31 с.

²⁷ Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX нач. XX вв.). Н. Новгород, 1993. 286 с.

²⁸ Борисов А.В. Полиция самодержавной России в первой четверти XIX века: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. М., 1982. 206 с.; Борисов А.В., Дугин А.Н., Малыгин А.Я. и др. Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995. 316 с.; Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Полиция Российской империи: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 318 с.

Борисов А.В. Российская Империя. История полиции / А. В. Борисов, А. Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев. М.: Рипол Классик, сор. 2014. 605 с.; Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 - октябрь 1917. СПб., 2002. 347 с.; Борисов А.В., Гончарова Ю.В. Подготовка и воспитание кадров полиции России (XVIII век — 1917 г.). М., 1999. 52 с.

с учреждениями власти²⁹. Он также участвовал вместе с А.В. Борисовым и А.Е. Скрипилевым в подготовке обобщающего труда «История полиции России», в котором получили дальнейшее развитие исследования по данной теме³⁰.

Труды Р.С. Мулукаева, М.И. Сизикова, А.В. Борисова, А.Е. Скрипилева и других историков расширили круг изучаемых вопросов. В них рассматривались разные стороны полицейской деятельности и изменения в устройстве органов правопорядка. Результаты этих работ во многом определили дальнейшее развитие отечественной историографии полиции.

Во второй половине XX века в советской историографии постепенно менялась оценка полиции. При сохранении идеологических ограничений исследователи всё чаще обращались к тем её обязанностям, которые не были связаны с политическим преследованием. Рассматривались охрана правопорядка, административная работа, судебно-следственные функции. Полицию стали изучать как государственное учреждение с широким кругом полномочий. После распада СССР в 1991 году начался следующий этап разработки этой темы.

К числу первых специальных исследований постсоветского времени относятся диссертации В.Н. Кручинина³¹ и В.И. Ченковой³². Авторы обратились к полицейскому законодательству XVIII – начала XX века и предприняли попытку проследить его становление и последующее развитие.

Следует также отметить коллективную монографию «Органы и войска МВД России»³³. В ней рассматриваются исторические предпосылки

²⁹ Сизиков М.И. История полиции России (1718–1917): Становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII в. М.: АПО, 1992. 66 с.

³⁰ Борисов А.В., Сизиков М.И., Скрипилёв А.Е. История полиции России (1718 - 1917 гг.) М.: АПО, 1992 56 с.

³¹ Кручинин В. Н. Становление и развитие законодательства о полиции в России в XVIII–нач. XXв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 23 с.

³² Ченкова В.И. Полиция и органы местного управления в феодальной России XVIII века (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 22с.

³³ Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк / А. В. Борисов, М. Г. Детков, С. И. Кузьмин [и др.]. М.: Объединенная редакция Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1996. 464 с.

формирования современной российской милиции и полиции. Авторы проследили изменения в структуре МВД и показали, как была организована правоохранительная деятельность его подразделений.

На рубеже веков появляются более узконаправленные исследования. Так, С.В. Кодан и И.Ю. Поляков предприняли попытку всесторонне изучить процесс формирования и развития полицейского законодательства в России со второй половины XVII до первой трети XIX века, т.е. охватив ключевой период генезиса регулярной полицейской системы в стране. В своей монографии авторы рассматривают основные законодательные акты, указы, регламенты, касавшиеся организационной структуры, компетенции, порядка несения службы различных полицейских формирований, начиная от «прибыльных» людей и объезжих голов XVII века и заканчивая созданием в 1802 году Министерства внутренних дел³⁴.

Одно из первых специальных исследований, посвящённых эволюции униформы и знаков различия служащих российской полиции, принадлежит С.О. Гонюхову и В.И. Горобцову. Работа охватывает историю развития полицейской униформы от первых попыток введения особого обмундирования в петровскую эпоху до форменной одежды полицейских начала XX века. Авторы подробно рассмотрели региональные особенности униформы в различных губерниях и областях Российской империи, затронув практически не исследовавшийся ранее аспект - униформу провинциальной полиции. Работа содержит богатый иллюстративный материал: рисунки, гравюры, фотографии³⁵. При этом, за редким исключением, большинство трудов конца 1990-х - начало 2000-х годов всё ещё были работами общего характера, не отражающими специфику работы правоохранителей в российской провинции.

³⁴ Кодан С.В., Поляков И.Ю. Полицейское законодательство России. Развитие, становление, система: вторая половина XVII – первая треть XIX в. Уральская академия гос. службы, 2000. 220 с.

³⁵ Гонюхов С.О., Горобцов В.И. Российская полиция в мундире / М-во внутр. дел Рос. Федерации, Сиб. юрид. ин-т МВД России. М.: Рейтар, 2000. 112 с.

Хотя бы частично решить эту проблему помог 200-летний юбилей МВД, по случаю которого в регионах были организованы конференции, посвящённые работе подразделений министерства в провинции. В этот период публикуются новые документы³⁶ и сборники статей, в которых анализируется изменения в структуре органов правопорядка³⁷, изучаются виды деятельности³⁸, кадровый состав, эффективность деятельности и т.д. В русле возросшего интереса к истории политического сыска выходит коллективная монография «Жандармы России» под редакцией В.С. Измозика, охватывающая историю политического розыска с XV до начала XX века; для настоящего исследования особый интерес представляют её разделы, посвящённые институциональному оформлению III Отделения и Корпуса жандармов в николаевскую эпоху и их взаимодействию с городской полицией³⁹.

Наиболее заметной работой на этом фоне является двухтомная монография «МВД России, 1802-2002», подробно рассматривающая развитие органов МВД и акцентирующая внимание на политическом влиянии Министерства на царскую власть⁴⁰.

200-летие МВД заложило основу для исследований истории органов правопорядка в российской провинции. Пробелы в региональной истории

³⁶ Служить Отечеству честь имею: Док. по истории органов внутр. дел Яросл. края в конце XVIII - начале XXI вв. [Сост.: А.М. Селиванов и др.]. Ярославль, 2002. 631 с.

³⁷ Материалы Первой республиканской научно-практической конференции, посвященной 200-летию МВД России «История охраны правопорядка в Карелии. 1600-2000 годы»: тезисы докладов (Петрозаводск, 19.09.2002). URL: https://10.mvd.pf/upload/site14/document_file/1-ya_Konferenciya_MVD_RK_-_2002.pdf (дата обращения 03.11.2020).

³⁸ Милиция Сибири: история и современность: Материалы Регион. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию МВД, 26 марта 2002 г. / Ред. С.П. Звягин. Кемерово: Притомское, 2002. 173 с.

³⁹ Жандармы России / Сост. В.С. Измозик. СПб.: Издательский Дом "Нева"; М.: "ОЛМА-ПРЕСС", 2002. 640 с.

⁴⁰ Министерство внутренних дел России, 1802–2002: Исторический очерк в 2 т. СПб.: Фонд «Университет», 2002. Т. 1. 528 с.; Т. 2. 272 с.

полицейские заполнили А.В. Седунов⁴¹, Е.В. Сичинский⁴², Е.И. Степанова⁴³, А.Н. Бикташева⁴⁴, Р.А. Евтехов⁴⁵ и др.⁴⁶ В этот период расширились направления исследований, появились новые подходы в проблематике деятельности органов общественного правопорядка. В качестве тем исследования авторы, например, выделяли экономическую безопасность⁴⁷,

⁴¹ Седунов А.В. Псковская городская полиция в XVIII - начале XX вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2004. 26 с.

⁴² Сичинский Е.В. Региональные особенности структуры полиции Южного Урала в конце XVIII – первой половине XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-osobennosti-struktury-politsii-yuzhnogo-urala-v-kontse-xviii-pervoy-polovine-xix-veka/viewer> (дата обращения 05.11.2020).

Сичинский Е.В. Становление полиции на Южном Урале: последняя четверть XVIII-начало XX вв.: автореферат дис. ... доктора исторических наук. Челябинск, 2006. 49 с.

⁴³ Степанова Е.И. Эволюция деятельности уездной полиции Курской губернии во второй половине XIX - начале XX вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Курск, 2012. 25 с.

⁴⁴ Бикташева А.Н. Казанская полиция в период становления Министерства внутренних дел в первой половине XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazanskaya-politsiya-v-period-stanovleniya-ministerstva-vnutrennih-del-v-pervoy-polovine-xix-veka/viewer> (дата обращения 06.11.2020).

⁴⁵ Евтехов Р.А. Верхнеудинская городская полиция в системе административно-управленческого аппарата Забайкалья: становление и развитие в XVIII - начале XX в.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: Улан-Удэ, 2017. 26 с.

⁴⁶ Микитюк Ю.В. Органы полиции Таврической области (губернии) в конце XVIII – начале XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organy-politsii-tavricheskoy-oblasti-gubernii-v-kontse-xviii-nachale-xix-veka/viewer> (дата обращения: 07.11.2020).

Салтык Г.А., Федосова С. В. Стражи «Благочиния и порядка» курского городского управления полиции в XIX – начале XX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strazhi-blagochiniya-i-poryadka-kurskogo-gorodskogo-upravleniya-politsii-v-hih-nachale-hh-veka/viewer> (дата обращения 08.11.2020).

Мочалова А.А. Основные направления развития полиции России в первой половине XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-razvitiya-politsii-rossii-v-pervoy-polovine-hih-veka/viewer> (дата обращения 08.11.2020).

Гомонова С.А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851-1917 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Ижевск, 2012. 23 с.

Сунгуров П.А. Полиция Тобольской губернии в 1867 - 1917 годах: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: Тюмень, 2014. 30 с.

Сысуев Ю. Б. Полиция Симбирской губернии во второй половине XIX века: дис. ...к.и.н. Саранск. 2002.

Горлова Н. И. Полиция российской провинции в XIX веке: на примере Курской губернии: дис. ...к.и.н. Курск. 2005.

Кудин В.А. От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации: два века истории. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-politsii-rossiyskoy-imperii-k-politsii-rossiyskoy-federatsii-dva-veka-istorii/viewer> (дата обращения 08.11.2020).

⁴⁷ Соборнов П.Е. Торговая полиция Российской Империи XIX века: из опыта обеспечения экономической безопасности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovaya-politsiya->

взаимоотношения с другими ведомствами⁴⁸, проблемы законности в деятельности полиции⁴⁹, законодательную базу⁵⁰, политический сыск и противодействие революционным настроениям⁵¹, уголовно - исполнительную систему⁵², деятельность органов правопорядка на национальных окраинах⁵³ и надзор за торговыми заведениями⁵⁴.

[rossiyskoy-imperii-xix-veka-iz-opyta-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoy-imperii-xix-veka-iz-opyta-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti/viewer) (дата обращения 10.11.2020).

⁴⁸ Чеджемов С.Р., Чеджемов А.Ю. Взаимоотношения полиции и органов здравоохранения в борьбе с инфекционными заболеваниями в XIX веке в Терской области. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-politsii-i-organov-zdravoohraneniya-v-borbe-s-infektsionnymi-zabolevaniyami-v-hih-veke-v-terskoy-oblasti/viewer> (дата обращения 10.11.2020).

⁴⁹ Галай Ю.Г. Законность в деятельности нижегородской полиции первой половины XIX столетия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonnost-v-deyatelnosti-nizhegorodskoy-politsii-pervoy-poloviny-xix-stoletiya/viewer> (дата обращения 09.11.2020).

⁵⁰ Лазарева О.В. Регламентация деятельности губернской полиции Российской Империи в XIX – начале XX вв. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reglamentatsiya-deyatelnosti-gubernskoy-politsii-rossiyskoy-imperii-v-xix-nachale-xx-vv/viewer> (дата обращения 09.11.2020).

⁵¹ Звягин С.П., Макаrchук С.В. Российская политическая полиция: совершенствование розыскной деятельности в центре и на местах XVI – начало XX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politicheskaya-politsiya-sovershenstvovanie-rozysknoy-deyatelnosti-v-tsentre-i-na-mestah-xvi-nachalo-xx-veka/viewer> (дата обращения 12.11.2020).

Рязанов Д.В. Российская полиция и её методы в контексте противодействия революционному терроризму (XIX – начало XX века). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politsiya-i-ee-metody-v-kontekste-protivodeystviya-revolutsionnomu-terrorizmu-xix-nachalo-xx-veka/viewer> (дата обращения 12.11.2020).

Пасечников И.А. Становление и развитие органов политической полиции Севастополя в XIX веке. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-organov-politicheskoy-politsii-sevastopolya-v-xix-veke/viewer> (дата обращения 05.11.2020).

Чукарева А.Г. Тайная полиция России: 1825–1855. М.: Жуковский, 2005. 704 с.

⁵² Сысоев А.А. Уголовный сыск Восточной Сибири в 1730-х - 1917 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: Иркутск, 2004. 27 с.

⁵³ Тимошевская А.Д. Государственно-правовой статус национального региона Российской империи как основа формирования его полицейской системы (XIX - начало XX в.). Электронный ресурс. URL: <http://regiment.ru/Lib/C/352.htm> (дата обращения 10.01.2021).

⁵⁴ Колодеев Е.П. Деятельность полиции по надзору за торговыми и питейными заведениями в России в XVIII – XIX веках. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-politsii-po-nadzoru-za-torgovymi-i-piteynymi-zavedeniyami-v-rossii-v-xviii-xix-vekah/viewer> (дата обращения: 05.11.2020).

Кадровую политику с правовой точки зрения осветили в своих диссертациях С.Е. Бойкеевой⁵⁵ и Н.А. Игошина⁵⁶. Региональную проблематику этой темы впервые в своей работе раскрыл А.В. Седунов⁵⁷.

Необходимо выделить научную школу томских историков Д.М. Шиловского⁵⁸, Ю.Н. Москвитина⁵⁹ и И.В. Черновой⁶⁰, в рамках которой наблюдается тематическая и смысловая преемственность. Томская научная школа внесла существенный вклад в изучении региональной специфики деятельности органов охраны общественного порядка в России XIX века.

Вторым «всплеском» интереса к изучению органов правопорядка стал 300-летний юбилей российской полиции. К этой дате по стране прошли круглые столы, конференции, были выпущены сборники статей⁶¹. Из них

⁵⁵ Бойкеева С.Е. Кадровое обеспечение полицейских органов в Российской империи: Историко-правовой аспект: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Санкт-Петербург, 2001. С. 11-98

⁵⁶ Игошин Н.А. Особенности комплектования и профессиональной подготовки органов полиции в России XIX – начала XX века: историко-правовой аспект: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Санкт-Петербург, 2004. С. 10-73

⁵⁷ Седунов А.В. Псковская городская полиция в XVIII - начале XX вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2004. 26 с.

⁵⁸ Шиловский Д.М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867 - 1917 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: Новосибирск, 2002. 24 с.

⁵⁹ Москвитин Ю.Н. Полиция Томской губернии в 1867-1917 гг.: Устройство, численность и материальное обеспечение служащих: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: Барнаул, 2004. 25 с.

⁶⁰ Чернова И.В. Томская городская полиция в конце XVIII - начале XX вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: Томск, 2005. 26 с.

⁶¹ Нижник Н. С. 300 лет на службе отечеству специфика регионального развития органов полиции в Российской империи (по материалам юбилейной международной научной конференции в Санкт-Петербургском университете МВД). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/300-let-na-sluzhbe-otechestvu-spetsifika-regionalnogo-razvitiya-organov-politsii-v-rossiyskoy-imperii-po-materialam-yubileynoy/viewer> (дата обращения 07.11.2020).

Акбердеева Д.И. Деятельность полиции в Тобольской губернии в XVIII – середине XX веков (по материалам Государственного архива в г. Тобольске). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-politsii-v-tobolskoy-gubernii-v-xviii-seredine-xix-vekov-po-materialam-gosudarstvennogo-arhiva-v-g-tobolske> (дата обращения 25.11.2020).

Ушмаева К.А., Состин Д.И. Структура и функции провинциальных полицейских учреждений Российской империи XIX – начала XX вв.: по материалам Ставропольской губернии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-funktsii-provintsialnyh-politseyskih-uchrezhdeniy-rossiyskoy-imperii-xix-nachala-xx-vv-po-materialam-stavropolskoy-gubernii/viewer> (дата обращения 12.11.2020).

особенно широким по охвату является сборник «Российская полиция: три века служения Отечеству» в 2-х частях⁶², который охватил историю правоохранительных органов от допетровского времени до наших дней. Однако история городской полиции оказалась вне исследовательского поля его авторов.

В настоящее время продолжается изучение вопросов подготовки и подбора кадров служащих органов охраны общественного порядка в российской провинции конца XIII - первой половины XIX века. Отдельно изучаются кадровые вопросы городских полиций, а также региональная специфика этого процесса в различных губерниях Российской империи⁶³. Важное место в исследованиях по этой теме занимает кандидатская диссертация Д.М. Аказеева⁶⁴, выполненная под руководством Р.С. Мулукаева. Автор в своей диссертации подробно разобрал работу Комитета 18 августа 1814 года и показал, как этот комитет распределял полицейские должности среди раненых офицеров. Отдельный раздел диссертант посвятил профессиональной подготовке чинов полиции и пришел к выводу, что в николаевский период учили не в академиях, а на месте службы и в канцеляриях, что во многом, по мнению исследователя, объясняет низкую квалификацию кадров.

Гурлев И.В. Создание и развитие полиции при Петре I. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-i-razvitie-politsii-pri-petre-i/viewer> (дата обращения 11.11.2020).

⁶² Российская полиция: три века служения Отечеству: в 2-х ч. Сборник статей. - М.: Академия управления МВД России, 2019. 530 с., 364 с.

⁶³ Бикташева А.Н. Казанская полиция в период становления Министерства внутренних дел в первой половине XIX века / А.Н. Бикташева // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 1 (31). С. 6–11; Невский С.А. Кадровое обеспечение деятельности полиции в Российской империи // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 1 (45). С. 12–18; Плех О.А. Кадровое обеспечение городской полиции на Европейском Севере России в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. / О.А. Плех // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 63–74.

⁶⁴ Аказеев Д.М. Развитие системы работы с кадрами полиции Российской империи (XVIII – начало XX века). Историко-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук. М.: 2017. 179 с.

В современной историографии интерес к региональной специфике полиции не ослабевает. Л.А. Авраменкова рассмотрела основные направления работы полиции в Саратовской губернии в XVIII - первой половине XIX века⁶⁵, В.А. Воропанов исследовал роль городской и земской полиции в Сибири в 1782-1862 гг.⁶⁶, Д.С. Плохой и В.А. Некрасов обратили свое внимание на деятельность полиции в Симбирской и Казанской губерниях в 1830-1850-е⁶⁷.

Появились и новые ракурсы исследования настоящей проблематики: А.А. Магомедов проанализировал восприятие полиции и ее служащих обществом того же периода⁶⁸. А.И. Абдрахманов, А.Н. Никитин и А.П. Яцкова обратились к истории предварительного следствия в первой половине XIX века⁶⁹. М.В. Чурсина на материалах Отдельного корпуса жандармов

⁶⁵ Авраменкова Л.А. Основные направления деятельности полиции Саратовской губернии в 18 веке-первой половине 19 века // Молодежная инициатива: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 21 мая 2021 года / Под редакцией Г.В. Синцова. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2021. С. 3-6.

⁶⁶ Воропанов В.А. Роль и значение городской и земской полиции как органов административной юстиции в контексте интеграции Сибири в состав Российской империи в 1782-1862 гг. // Журнал Фронтирных Исследований. 2023. №4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-gorodskoy-i-zemskoy-politsii-kak-organov-administrativnoy-yustitsii-v-kontekste-integratsii-sibiri-v-sostav> (дата обращения: 07.06.2025).

⁶⁷ Плохой Д.С., Некрасов В.А. Расследование преступной деятельности религиозных сект в первой половине XIX века (на материалах Симбирской губернии) // Наука. Общество. Оборона. 2024. №1 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rassledovanie-prestupnoy-deyatelnosti-religioznyh-sekt-v-pervoy-pолоvine-xix-veka-na-materialah-simbirskoy-gubernii> (дата обращения: 07.06.2025); Плохой Д.С. Расследование общей полицией религиозных преступлений и деятельности религиозных объединений негативной направленности в первой половине XIX века (на материалах Симбирской и Казанской губерний) // Наука. Общество. Оборона. 2023. №3 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rassledovanie-obshchey-politsiey-religioznyh-prestupleniy-i-deyatelnosti-religioznyh-obedineniy-negativnoy-napravlenosti-v-pervoy> (дата обращения: 07.06.2025).

⁶⁸ Магомедов А.А. Отношение российского общества к полиции и ее служащим в первой половине XIX века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): Материалы XVIII международной научной конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 года. Том Часть 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 430-433

⁶⁹ Абдрахманов А.И., Никитин А.Н., Яцкова А.П. Предварительное следствие в первой половине XIX в.: историко-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predvaritelnoe-sledstvie-v-pervoy-pолоvine-xix-v-istoriko-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 07.06.2025);

проследила эволюцию методов политического сыска в первой половине XIX века⁷⁰. Продолжаются исследования в области историко-правовых проблем: К.В. Лукьянов и Д.М. Усманова исследовали эволюцию термина «бродяжничество» в российском законодательстве в первой половине XIX века в российском законодательстве⁷¹, О.А. Плех показала административно-хозяйственную деятельность городских полиций⁷².

Для нашей работы интересно, что продолжают региональные исследования кадровых проблем в полиции, в частности по вопросу отбора кандидатов для назначения на должность городничих в провинции⁷³. А.Н. Лушин и К.А. Чудецкая делают вывод о том, что на должности городничих назначали в большинстве случаев отставных офицеров, способных по состоянию здоровья исполнять административную службу. Современные исследователи Н.Д. Эриашвили и Н.Л. Феднева сосредоточились на изучении нового вопроса о роли и месте полиции и МВД в системе правового регулирования периодической печати и книгопечатания в Российской империи XIX века⁷⁴.

⁷⁰ Чурсина М.В. Методы политического сыска, применяемые офицерами Отдельного корпуса жандармов по защите государственного строя Российской империи в XIX веке // Наука. Общество. Оборона. 2025. №4 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-politicheskogo-syska-primenyaemye-ofitserami-otdelnogo-korpusa-zhandarmov-po-zaschite-gosudarstvennogo-stroya-rossiyskoj> (дата обращения: 15.12.2025).

⁷¹ Лукьянов К.В., Усманова Д.М. Эволюция понятия «бродяжничество» в Российском законодательстве (вторая половина XVII – первая половина XIX века) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-brodyazhnichestvo-v-rossiyskom-zakonodatelstve-vtoraya-polovina-xvii-pervaya-polovina-xix-veka> (дата обращения: 08.05.2025).

⁷² Плех О.А. Исправление дорог в Вологодской губернии в дореформенный период // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispravlenie-dorog-v-vologodskoy-gubernii-v-doreformennyi-period> (дата обращения: 20.06.2025).

⁷³ Лушин А.Н., Чудецкая К.А. Институт городничих в Нижегородской губернии в первой половине XIX века (организационно-исторические особенности) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. №1 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-gorodnichih-v-nizhegorodskoy-gubernii-v-pervoy-polovine-xix-veka-organizatsionno-istoricheskie-osobennosti> (дата обращения: 09.01.2026).

⁷⁴ Эриашвили Н.Д., Феднева Н.Л. Полиция, МВД и правовое регулирование печати Российской империи в XIX веке // Закон и право. 2024. № 11. С. 43–48. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-11-43-48.

Что касается Смоленской губернии, то следует сказать об отсутствии комплексных исследований по истории органов правопорядка второй трети XIX века. Необходимо отметить статью Н.В. Никитиной «Первые полицмейстеры в российской провинции начала XIX века: компетенции и практика работы (на материалах Смоленска)»⁷⁵. Монография В.А. Кононова об институте губернаторства с биографиями смоленских губернаторов дополняет своими сведениями понимание межведомственных особенностей взаимодействия городской полиции с властью⁷⁶.

Отдельный вид деятельности полиции - надзор за иностранными подданными - был подробно освещён в монографии профессоров А.В. Тихоновой и О.В. Козлова «Иностранцы на Смоленщине: 1812-1861»⁷⁷ и в работе А.В. Тихоновой «Надлежаще смотреть...: надзор за иностранцами в Российской империи»⁷⁸. Эти работы посвящены изучению эволюции государственного контроля над иностранцами на территории Российской империи в первой половине XIX века. Как отмечают авторы, на Смоленщине, в силу приграничного положения, эта функция полиции имела особое значение, хотя роль и место городских полицейских органов в книге отражены фрагментарно, но отражена роль жандармерии⁷⁹.

Все названные работы позволили осветить многие вопросы деятельности российской полиции в различные периоды её существования. Однако нормативно-правовое обеспечение и функционирование городской полиции в Смоленской губернии в царствование Николая I не получило фундаментальных и системных исследований: не изучены её кадровый состав,

⁷⁵ Никитина Н.В. Первые полицмейстеры в российской провинции начала XIX века: компетенции и практика работы (на материалах Смоленска). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44795975&selid=44796001> (Дата обращения 10.12.2020).

⁷⁶ Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск: Маджента, 2004. 400 с.

⁷⁷ Тихонова А.В., Козлов О.В. Иностранцы на Смоленщине: 1812–1861. 2-е изд. Смоленск: Свиток, 2023. 308 с.

⁷⁸ Тихонова А.В. «Надлежаще смотреть...»: надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861). Смоленск: СмолГУ; Свиток, 2013. 254 с.

⁷⁹ Тихонова А.В. Надзор за иностранцами в Российской империи (1801 - 1861 гг.): диссертация ... доктора исторических наук. Брянск, 2015. 446 с.

изменение структуры, источники финансирования, особенности деятельности в губернии. Таким образом, заявленная тема является лакунарной, и ликвидация этого пробела возможна в рамках настоящего исследования.

Целью исследования является комплексный анализ функционирования городской полиции в провинции в 1825-1862 гг. (на материалах Смоленской губернии).

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие **задачи:**

- 1) реконструировать процесс формирования регулярных полицейских структур в Российской империи, проанализировать нормативные акты и организационные модели, определившие функции и структуру полиции от петровских преобразований до конца царствования Александра I;
- 2) исследовать эволюцию системы охраны правопорядка в царствование Николая I: от учреждения III Отделения до кодификации полицейского законодательства 1832-1845 годов; выявить механизмы централизации управления и их влияние на городскую полицию;
- 3) выявить институционально-правовые основы, регламентирующие набор, назначение и продвижение полицейских кадров; определить формальные критерии отбора и требования к служащим городской полиции;
- 4) проанализировать практику кадровой политики в Смоленской губернии: состав полицейских служащих, типичные проблемы и противоречия в кадровой работе;
- 5) изучить административно-хозяйственные функции городской полиции 1825-1862 гг.;
- 6) исследовать правоохранительную деятельность городской полиции Смоленской губернии.

Источниковая база исследования - комплекс документов, позволяющий решать поставленные задачи. Все источники можно разделить на следующие группы: 1) нормативно-правовые акты; 2) делопроизводственная документация государственных и общественных

учреждений (опубликованная и неопубликованная); 3) материалы периодической печати; 4) справочные и статистические издания.

Нормативно-правовые акты извлечены из Полного собрания законов Российской Империи (первое и второе собрание). В частности, стоит выделить: «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи»⁸⁰ и «Устав Благочиния или Полицейский»⁸¹ определили базовую структуру административно-полицейского управления в городах. «Устав благочиния или полицейский» (1782 г.) систематизировал работу городской полиции, учредив управы благочиния - коллегиальные органы с участием полицмейстера, городничего и приставов. Устав расширил полномочия полиции: от надзора за общественным порядком и торговлей до расследования мелких правонарушений и санитарно-эпидемиологического контроля. Важная особенность: акцент не на карательных мерах, а на воспитании подданных и поддержании «благочиния». Эти документы заложили основы полицейского права, повлияв на дальнейшее развитие уголовно-процессуальных норм.

Для Смоленской губернии важнейшими нормативно-правовыми актами стали: «Высочайше утверждённые штаты губерний»⁸² (1802 г.) и «Высочайше утверждённый штат Полиции в губернском городе Смоленске»⁸³ (1829 г.), в которых фиксировалось точное число должностей в городской полиции губернии.

Использованная нормативно-правовая база позволила установить полномочия городской полиции во второй трети XIX века и стала основой для

⁸⁰ Учреждения для Управления Губерний Всероссийской Империи // ПСЗ. Собр. 1. Т. XX. № 14392. СПб., 1830.

⁸¹ Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXI. № 15379. СПб., 1830.

⁸² Высочайше утверждённые штаты Губерний: 1) Вятской, 2) Новгородской, 3) Псковской, 4) Калужской, 5) Курской, 6) Киевской, 7) Смоленской, 8) Владимирской, 9) Минской, 10) Ярославской, 11) Костромской, и 12) Тульской // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVII. № 20302. СПб., 1830.

⁸³ Высочайше утверждённый штат Полиции в губернском городе Смоленске // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. IV. №3316. СПб., 1829.

изучения практической деятельности городской полиции в Смоленской губернии.

Вторую группу источников составили *неопубликованные делопроизводственные материалы*. Нами были изучены документы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) из фонда «Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии» (Ф. 109). В фонде сосредоточены дела, касающиеся деятельности чиновников на территории Смоленской губернии, а также о правонарушениях, совершаемые на местах служащими городской полиции.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) изучен фонд «Департамент полиции исполнительной» (Ф.1286). В его составе находятся документы Министерства внутренних дел, рапортами и отчётами губернаторов, межведомственной перепиской, формулярными списками кандидатов и служащих полиции, статистическими материалами. Для пополнения сведения о служащих полиции был изучен фонд «Формулярные списки чинов гражданского ведомства» (Ф. 1349).

В НИАБ привлечены дела канцелярии Витебского, Могилевского и Смоленского генерал-губернатора (ф. 1297). Они дополняют сведения о назначениях, увольнениях, награждениях и взысканиях. Здесь же сохранились предложения по изменению полицейских штатов и документы о материальном обеспечении службы.

Основу исследования составляют материалы ГАСО. По документам канцелярии смоленского губернатора (ф. 1) и губернского правления (ф. 2) прослеживаются распоряжения начальства, отчётность полиции и движение служащих. Для изучения финансирования и контроля за полицейскими учреждениями привлечены также фонды казённой палаты (ф. 10) и канцелярии губернского прокурора (ф. 18). Повседневная служба рассматривается по делам Сычевской уездной инвалидной команды (ф. 341), Ельнинского (ф. 426), Сычевского (ф. 451) и Поречского (ф. 516) городнических правлений, Смоленского городского полицейского управления

(ф. 916), Гжатской городской полиции (ф. 1174) и Смоленской городской полиции (ф. 1183).

Рапорты и ведомости составлялись для вышестоящего начальства. Поэтому благоприятная оценка полиции в отчёте ещё не означает отсутствия нарушений, а дело о злоупотреблении не характеризует всю её работу. В диссертации сведения таких документов сопоставляются с перепиской, материалами проверок и следствия. Формулярные списки позволяют восстановить служебный путь чиновника, но сами по себе не дают оснований судить о мотивах его поступков. Неравномерная сохранность дел ограничивает и возможность одинаково подробно рассмотреть все города губернии.

Справочные и статистические материалы в нашем исследовании представлены тремя группами справочно-статистических изданий: «Месяцеслов с росписью чиновных особ...»⁸⁴, «Адрес-календарь»⁸⁵ и «Памятные книжки Смоленской губернии»⁸⁶.

В ежегодных выпусках «Месяцеслова с росписью чиновных особ...» приведены имена, чины и должности полицмейстеров, городничих, приставов и других служащих полицейских управлений Смоленской губернии. Сравнение этих списков за разные годы позволяет установить назначения и повышения, переводы в другие учреждения и увольнения. Сведения издания используются также при рассмотрении социальных групп, из которых пополнялась полиция.

С 1843 года вместо «Месяцеслова» издавался «Адрес-календарь». В нём сохранялась общая роспись должностных лиц управлений Российской империи. По ежегодным выпускам можно проследить изменения в составе полицейских чинов Смоленской губернии, определить их служебное

⁸⁴ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1825–1842. СПб., 1825–1842.

⁸⁵ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1765–1867. СПб.: Имп. Акад. наук; 1868–1894. Департамент герольдии Правительствующего сената.

⁸⁶ Памятная книжка Смоленской губернии... [по годам]. Смоленск, 1855–1913.

положение и место в губернском управлении. В ряде случаев издание сообщает также о подведомственных учреждениях и возложенных на них обязанностях.

Более подробные сведения о местном управлении содержатся в «Памятных книжках» Смоленской губернии за 1855–1862 годы. В них указаны численность городских и их распределение по участкам, приведены данные о финансировании полиции. Некоторые выпуски включают краткие сообщения о происшествиях и мерах, принятых местными властями.

Ежегодные «Месяцесловы» и «Адрес-календари» позволяют последовательно проследить состав чиновников в общеимперском масштабе. «Памятные книжки» дополняют эти сведения статистическими материалами по Смоленской губернии.

Материалы периодической печати представлены в данной работе тремя изданиями. Наиболее регулярно сведения по рассматриваемым вопросам публиковал «Журнал Министерства внутренних дел». С начала 1830-х до середины 1850-х годов в нём помещались ежемесячные ведомости о преступлениях в губерниях. На основании этих публикаций прослежена динамика правонарушений за 1835–1856 годы. Сводные отчёты о полицейских учреждениях и городских бюджетах содержат сведения о числе преступлений, арестантов и задержанных беглых, а также о расходах на содержание полиции Смоленской губернии.

Материалы газеты «Северная пчела» позволили уточнить информацию о деятельности городской полиции в конце 1820-х - начале 1830-х годов, в том числе о правительственной финансовой помощи г. Смоленску и о карантинных мерах в период холерной эпидемии.

Важным источником периодической печати стали «Смоленские губернские ведомости», содержащие сведения о назначениях полицейских чиновников, наградах за службу, о материалах поиске и поимке беглых правонарушителей с 1838 по 1862 гг.

Рассмотренный комплекс источников и историографических материалов позволяет реконструировать структуру, кадровый состав и основные направления деятельности городской полиции Смоленской губернии во второй трети XIX века.

Методологической основой нашего исследования выступают принципы историзма, системности и научной объективности. Принцип научности предполагает опору на широкий комплекс источников, непредвзятый анализ фактов и существующих в науке подходов, что позволило избежать односторонних оценок. Принцип историзма позволяет рассматривать полицейские учреждения Смоленской губернии в развитии и в связи с другими явлениями эпохи: их эволюция анализировалась в контексте общегосударственных процессов николаевского царствования. Принцип системности дал возможность изучать городскую полицию как элемент более широкой системы губернской администрации, Министерства внутренних дел, III Отделения, чьи взаимосвязи во многом определяли эффективность её работы.

Формирование полицейских учреждений и изменение порядка их комплектования рассматриваются с помощью историко-генетического метода. Историко-сравнительный метод позволяет сопоставить общероссийские правила с организацией службы в городах Смоленской губернии и со сведениями о полиции других губерний. При изучении формулярных списков применяется просопографический анализ: по ним установлены происхождение чиновников, полученное образование и предшествующая служба. Данные о штатах, расходах и происшествиях представлены в таблицах. Материалы отдельных дел позволяют проследить действия полиции, её отношения с другими учреждениями и принятые по итогам разбирательства решения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Устройство регулярной полиции Российской империи складывалось на протяжении более чем столетия. Первые полицмейстерские

канцелярии появились при Петре I, а в царствование Александра I управление полицией было сосредоточено в центральных учреждениях. Организацию городской полиции и обязанности её служащих определяли «Учреждения для управления губерний» 1775 года и «Устав благочиния» 1782 года. В ходе министерских преобразований 1802–1803 годов она перешла в подчинение одному ведомству. Охрана общественного порядка охватывала при этом широкий круг дел: попечение о благочинии и нравственности жителей соединялось с исполнением законов и надзором за городской жизнью. Общие распоряжения осуществлялись с учётом средств и служащих, которыми располагали города. Так, в Смоленске предусмотренная указом 1733 года полиция не была учреждена, и до губернской реформы Екатерины II порядок поддерживали комендант и магистрат. В других провинциальных городах введение полицейских учреждений также зависело от хозяйственного положения и городских доходов. Поэтому распространение общероссийского устройства полиции на провинцию проходило постепенно.

2. В ходе кодификации 1832–1845 гг. были упорядочены законодательные основания службы городской полиции. В Смоленской губернии применение этих норм зависело от состава служащих, средств на их содержание и распоряжений губернского начальства. Существенное значение имели и отношения между учреждениями, участвовавшими в одном деле. При совместном розыске обмен сведениями позволял выяснять обстоятельства преступлений. Во время проверок самой полиции возникали разногласия о том, кто должен отвечать за обнаруженные нарушения. Таким образом, кодификация определила общие требования к полицейской службе, но затруднения в её повседневной работе сохранялись и требовали решения на уровне губернского и городского управления.

3. Нормативно-правовая база комплектования городской полиции, заложенная «Учреждениями для управления губерний» 1775 года и «Уставом благочиния» 1782 года, была дополнена указами Александра I и Николая I, которые перевели кадровую политику с местного уровня на централизованное

назначение. Однако зависимость от местных бюджетов, сословные ограничения, недостаточное материальное обеспечение и отсутствие систематической профессиональной подготовки так и не позволили полицейской службе стать профессиональной.

4. Кадровое обеспечение городской полиции Смоленской губернии в 1825 - 1862 гг. сохраняло сословные барьеры при наборе, расстановке, назначении и дальнейших перемещениях по службе. Высшие должности занимали отставные военные с боевым опытом, выходцы из дворянской среды, и проходили они через механизмы Комитета о раненых 1814 года. Назначая на эти должности ветеранов, государство решало сразу несколько задач: социализировать бывших офицеров, укрепить авторитет власти и восполнить нехватку гражданских администраторов. Однако отсутствие у них профессиональных компетенций сказывалось на качестве работы полиции. Средний и нижний уровни комплектовались из канцелярских служащих и вольнонаёмных нижних чинов из непривилегированных сословий. Нехватка квалифицированных кадров, низкая оплата, текучесть и зависимость назначений от протекции, личных связей и обмена должностями снижали эффективность работы полиции. Смоленская губерния здесь не была исключением, а подтверждением общего порядка: среди смоленских полицмейстеров только один не имел военного опыта и поэтому в своей должности оставался незначительный период времени.

5. В 1825 - 1862 гг. административно-хозяйственные обязанности городской полиции Смоленской губернии в целом соответствовали обязанностям полиции других провинциальных городов империи. Она следила за благоустройством, торговлей и санитарным состоянием, обеспечивала противопожарную безопасность, учитывала население и осуществляла надзор за этноконфессиональными группами. Транзитное положение губернии увеличивало объём работы по контролю передвижений населения и усиливало внимание к национальным и религиозным группам. Поэтому охрана общественного порядка в николаевское время была прежде

всего связана с контролем за сохранением приемлемых условий для повседневной городской жизни; борьба с уголовными преступлениями составляла лишь малую часть этой работы.

6. Городские полиции Смоленской губернии в 1825 - 1862 гг. принимали сообщения о преступлениях, проводили дознания, разыскивали бежавших и осуществляли политический надзор. Однако рассмотрение динамики правонарушений показывает, что основную часть их работы составлял административный надзор. По доле бродяжничества Смоленская губерния находилась среди ведущих губерний наряду с Киевской, Екатеринославской и Тобольской, тогда как число уголовных преступлений соответствовало среднему уровню. Недостаток кадров и средств, халатность и злоупотребления чиновников снижали результативность службы. При этом полиция сохраняла основную роль в поддержании порядка в провинциальных городах. Сочетание широких обязанностей с ограниченными возможностями их исполнения обусловило необходимость преобразований полицейской системы, начавшихся в ходе Великих реформ 1860-х годов.

Научная новизна исследования состоит в том, что деятельность городской полиции Смоленской губернии во второй трети XIX века впервые стала предметом специального системного изучения на основе архивных и опубликованных источников. Рассмотрены организация полицейской службы и её осуществление на местах. Если в предшествующих работах основное внимание уделялось центральным учреждениям — МВД, III Отделению и Корпусу жандармов — и изменениям их устройства в ходе общеимперских реформ, то в настоящей диссертации исследуется провинциальная практика. Это позволило выявить особенности работы полицейских учреждений Смоленской губернии.

В диссертации впервые в историографии предложено комплексное рассмотрение деятельности городской полиции в связи с охраной общественного порядка в российской провинции. В соответствии с

законодательством первой половины XIX века изучаются обе стороны этой деятельности: правоохранительная и административно-хозяйственная.

Рассмотрение этих обязанностей в совокупности показало, что поддержание порядка в провинциальном городе в большей мере зависело от повседневного надзора за благоустройством, чистотой, торговлей, пожарной безопасностью и учётом населения, чем от применения карательных мер. Между тем перечисленные направления работы полиции обычно занимали второстепенное место в историографии. Их изучение позволило также показать, что исполнение полицейских обязанностей было подчинено основной задаче — сохранению существовавшего строя.

Новизну обеспечивает введение в научный оборот значительного массива ранее не привлекавшихся или использовавшихся фрагментарно архивных документов из фондов ГА РФ, РГИА, НИАБ и ГАСО. На их основе впервые реконструированы: кадровый состав городской полиции Смоленской губернии (социальное происхождение, образовательный уровень, карьерные траектории, механизмы назначения и увольнения); реальные практики административно-хозяйственной деятельности (контроль за благоустройством, торговлей, санитарным состоянием, противопожарной безопасностью, учётом населения); повседневная правоохранительная работа (приём сообщений о преступлениях, проведение дознания, розыск преступников, политический надзор).

Впервые применительно к Смоленской губернии прослежены эволюция и соотношение нормативной базы от «Устава благочиния» 1782 года и уставов Свода законов 1832 года до «Уложения о наказаниях» 1845 года и практики правоприменения, выявлены расхождения между законодательными предписаниями и их исполнением на местах. Определено, как развитие правовой базы сказалось на улучшении работы правоохранительных органов. Установлены факторы, определявшие эффективность работы городской полиции.

В научный оборот введены данные периодической печати, которые ранее не использовавшиеся применительно к истории смоленской полиции: «Журнала Министерства внутренних дел», «Северной пчелы» и «Смоленских губернских ведомостей». На основе помесечной статистики преступлений, опубликованной в «Журнале МВД» за 1844-1855 годы, впервые реконструирована динамика правонарушений в губернии и выявлен перелом, наступивший после введения «Уложения о наказаниях» 1845 года.

Новым для региональной историографии является и проведённый в исследовании анализ межведомственного взаимодействия городской полиции с губернской администрацией, земским судом, военным ведомством, а также реконструкция конкретных кейсов (расследований преступлений, конфликтов юрисдикций, чрезвычайных ситуаций), позволившая перейти от формально-институционального описания полицейских органов к характеристике их повседневного функционирования.

Апробация результатов исследования была проведена в ходе участия в работе ряда международных и всероссийских научных конференций в Москве, Минске, Санкт-Петербурге, Брянске, Смоленске.

Автором было опубликовано 10 статей, из которых 4 входят в журналы, из перечня ВАК РФ для апробации исследовательских работ соискателей на ученую степень кандидата исторических наук.

Структура работы отражает логику исследования. Оно состоит из введения, трех глав, разделённых на шесть параграфов, заключения, списка источников и литературы, а также приложений.

Глава 1. Эволюция правовых основ организации полицейских органов в XVIII - первой половине XIX вв.

1.1. Формирование и развитие регулярных органов правопорядка в XVIII - первой четверти XIX века

Появление специализированных органов правопорядка неразрывно связано с именем Петра I, однако их зарождение началось вместе с формированием государства, так как право и его охрана являются его первейшими признаками. В Древнерусском и Московском государствах охрана общественного порядка не была выделена в самостоятельную функцию: её осуществляли наместники, посадники, воеводы и другие должностные лица, опиравшиеся на воинские формирования⁸⁷. Управленческие и правоохранительные функции в ту эпоху были слиты воедино - эта спайка сохранялась вплоть до формирования буржуазного государства. Особую роль в поддержании порядка играла церковь: она ведала розыском и судом не только над духовными лицами, но и над мирянами по делам о семейно-брачных отношениях и нравственных проступках⁸⁸.

По мере роста территории и усложнения административного аппарата разрозненных воеводских канцелярий для поддержания порядка уже не хватало. Первым специализированным органом с полицейскими функциями стал Разбойный приказ, созданный в 1539 году для борьбы с грабежами, убийствами и разбоем. Его власть распространялась на всю страну, за исключением Москвы и Московского уезда⁸⁹. Соборное уложение 1649 года впервые выделило уголовные преступления в отдельный раздел и возложило строительство и содержание тюрем в столице на Разбойный приказ, а в

⁸⁷ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.

⁸⁸ О десятинах, судах и людях церкви. Российское законодательство X-XV вв. Т.1. М., 1984. С. 139-140.

⁸⁹ Исеев Б.Д. Историко-правовой анализ становления и развития полиции России и ее деятельность по профилактике преступлений в XVII-XIX веках : диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Санкт-Петербург, 2004. С. 20-21.

провинции на местные посады и уезды. Этот порядок просуществовал до Великих реформ Александра II.

Прообразом городской полиции стали решеточные приказчики и решеточная стража, появившиеся в Москве и крупных городах в XVI веке. Они патрулировали улицы и контролировали въезды. «Наказ о градском благочинии» 1649 года⁹⁰ впервые учредил постоянные полицейские команды: царь назначал двух объезжих голов, в подчинение которым придавались пять решеточных приказчиков с Земского двора⁹¹. Этот институт можно считать зародышем регулярной полиции, однако в масштабах страны охрана порядка по-прежнему оставалась делом местных властей и воинских отрядов.

Абсолютистское государство нуждалось в централизованном управлении и в органах, способных осуществлять политический и правовой надзор над обществом. Эти функции брала на себя полиция, учреждённая Петром I. Северная война ускорила её создание: расходы на армию легли тяжёлым бременем на население, те, кто не мог прокормиться, уходили в грабёж. Отдельной бедой стали дезертиры, сбивавшиеся в конные разбойничьи шайки. Старая приказная система с этой угрозой не справлялась. В 1701 году Пётр I ликвидировал Сыскной приказ и передал функции охраны правопорядка местным властям. Эта мера принесла определённые результаты, но не решала проблему в целом. В 1715 году в Петербурге и Москве были созданы полицейские канцелярии⁹², однако как единый профессиональный орган полиция ещё не существовала⁹³.

⁹⁰ О градском благочинии. Наказ 6 апреля 1649 г. // ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. С. 164.

⁹¹ Исеев Б.Д. Историко-правовой анализ становления и развития полиции России и ее деятельность по профилактике преступлений в XVII-XIX веках : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. Санкт-Петербург, 2004. С. 27.

⁹² Высочайшая резолюция на доклад по делам Полицмейстерской Канцелярии // ПСЗ. Собр. 1. Т. V. № 2909. СПб., 1830; Именной Обер-Комиссару Князю Черкасскому «О смотре, чтоб никто против указу и без чертежа Архитекторского нигде не строить» // ПСЗ. Собр. 1. Т. V. № 2932. СПб., 1830; Высочайшая резолюция на доношение по делам Полицмейстерской Канцелярии «О строении в Санкт-Петербурге» // ПСЗ. Собр. 1. Т. V. № 3019. СПб., 1830.

⁹³ Гурлев И.В. Создание и развитие полиции при Петре I. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-i-razvitie-politsii-pri-petre-i/viewer> (дата обращения 23.08.2023).

Реформа носила «западный» характер и ориентировалась на европейские образцы. В качестве консультанта выступал Готфрид Вильгельм Лейбниц, предлагавший создать полицейскую коллегия, которая управляла бы всеми полицейскими учреждениями⁹⁴. Его рекомендации не были реализованы при жизни Петра и воплощались позже, уже его преемниками.

Началом существования регулярной полиции в России принято считать 25 мая 1718 года, когда Пётр I утвердил должность генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга и «Пункты», определявшие его обязанности. Документ охватывал три сферы: надзор за благоустройством и санитарией, охрану общественного порядка и борьбу с преступностью, обеспечение пожарной безопасности⁹⁵.

Первым генерал-полицмейстером стал Антон Мануилович Девиер, бывший денщик Петра. На этом посту, как отмечает И.В. Гурлев, он проявил себя с лучшей стороны: был честен и добросовестно исполнял обязанности⁹⁶. Как руководитель полицмейстерской канцелярии генерал-полицмейстер подчинялся Правительствующему Сенату, однако его высокое положение среди должностных лиц во многом обеспечивалось личной близостью к императору, к которому он имел постоянный доступ⁹⁷. Уже 4 июня 1718 года Девиер был вынужден обратиться в Сенат за нормативными актами о функциях и полномочиях нового органа и его кадровым обеспечением. В тот же день в его распоряжение передали десять офицеров, двадцать унтер-

⁹⁴ Лобанов А. В., Широков Г. Г. История полиции России / А.В. Лобанов, Г.Г. Широков. СПб.: Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России, 2015. С. 8. URL: https://dep_pd.pnzgu.ru/files/dep_pd.pnzgu.ru/istoria_politsii_rossii.pdf (дата обращения 23.08.2023).

⁹⁵ Пункты, данные С. Петербургскому Генерал-Полицмейстеру // ПСЗ. Собр. 1. Т. V. № 3203. СПб., 1830.

⁹⁶ Гурлев И.В. Создание и развитие полиции при Петре I. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-i-razvitie-politsii-pri-petre-i/viewer> (дата обращения 11.11.2020).

⁹⁷ Лобанов А. В., Широков Г. Г. История полиции России / А.В. Лобанов, Г.Г. Широков. СПб.: Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России, 2015. С. 9. URL: https://dep_pd.pnzgu.ru/files/dep_pd.pnzgu.ru/istoria_politsii_rossii.pdf (дата обращения 23.08.2023).

офицеров, сто шестьдесят солдат, дьяка и десять подьячих. Полицейские служащие были уравнены в правах с военными⁹⁸.

В 1721 году Пётр I утвердил «Регламент или Устав Главного Магистрата», который возлагал на магистраты как органы городского самоуправления содержание местной полиции⁹⁹. Казна, истощённая расходами на армию и флот, стремилась переложить эти расходы на горожан. Однако слабое развитие городов, их малочисленность и финансовая бедность не позволили реализовать этот замысел. Магистраты появились не везде, а там, где возникли, не смогли создать полицейские учреждения. Тем не менее идея переложить полицейские расходы на местное население сохранялась и была реализована Екатериной II в губернской реформе 1775 года.

Поскольку магистраты сами не могли создать органы полиции, то создавать их пришлось сверху по указу самого императора. Первой после столицы её получила Москва: 19 января 1722 года была утверждена должность обер-полицмейстера с подробной инструкцией из 48 статей, дополненной в декабре того же года ещё 46 статьями¹⁰⁰. Эти инструкции, во многом повторяли петербургские 1718 года, однако детальнее регламентировали деятельность полиции в вопросах борьбы с преступностью и благоустройства городов. Также были предприняты попытки создать полицию в Кронштадте и Астрахани в 1722-1723 годах, которые закончились неудачей. Полиция в этих городах осталась на бумаге¹⁰¹.

После смерти Петра I в 1725 году ряд учреждённых им институтов был упразднён, но полиция сохранила своё место в системе государственного управления. Она доказала свою востребованность, и возврат к прежним

⁹⁸ О даче находящихся в Канцелярии и у Полицмейстера унтер-офицерам и рядовым жалованья, провианта и соли наравне с гарнизонными солдатами // ПСЗ. Собр. 1. Т. V. № 3216. СПб., 1830.

⁹⁹ Регламент или Устав Главного Магистрата // ПСЗ. Собр. 1. Т. VI. № 3708. СПб., 1830.

¹⁰⁰ О бытии в Москве Обер-Полицмейстеру // ПСЗ. Собр. 1. Т. VI. № 3883. СПб., 1830.

¹⁰¹ Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Полиция Российской империи: монография / А.В. Борисов, А.Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. С. 48.

методам поддержания порядка оказался невозможен. Тем не менее дальнейшее развитие полиции существенно замедлилось: сказывались экономический кризис, расстройство государственных финансов и политическая нестабильность эпохи дворцовых переворотов.

В 1727 году власть в городах была передана от магистратов к воеводам и губернаторам. Эта мера сокращала расходы и снижала бюрократическую волокиту, но одновременно препятствовала формированию специализированных полицейских органов. В том же году в города были перемещены воинские части, на которые частично возложили полицейские функции. Это ещё больше размывало компетенцию полиции и отвлекало её от правоохранительных задач.

Новый этап начался с воцарением Анны Иоанновны. В 1732 году генерал-полицмейстером был назначен В.Ф. Салтыков, которому подчинялись все существовавшие на тот момент полиции, пока только в Петербурге и Москве. Салтыков увеличил штат генерал-полицмейстерской канцелярии и добился создания полиции в Кронштадте. Решающим шагом стал указ 23 апреля 1733 года «Об учреждении полиции в городах», по которому полиция создавалась в 23 городах: 10 губернских, 11 провинциальных, а также в приграничных Шлиссельбурге и Ладоге. По этому же документу полиция должна была появиться и в Смоленской губернии¹⁰². Показательно, что причины создания полиции были не правоохранительные, а санитарные: требовалось следить за благоустройством городов, чтобы не допустить эпидемий, которые затронули бы воинские части, расквартированные в городах.

Указ 1733 года выстраивал вертикаль управления: полицейские конторы в губернских городах подчинялись Главной полицмейстерской канцелярии, которую возглавлял генерал-полицмейстер, подотчётный Кабинету министров. Аппарат был невелик: полицмейстером губернского города

¹⁰² Высочайшая резолюция на докладе Полицмейстерской канцелярии «Об учреждении Полиции в городе» // ПСЗ. Собр. 1. Т. IX. № 6378. СПб., 1830.

назначался армейский капитан, провинциального - поручик; штат состоял из унтер-офицера, капрала и нескольких рядовых. Жалованье выплачивалось из сумм, выделяемых на содержание воинских гарнизонов¹⁰³. Это была первая попытка создать единую централизованную полицейскую систему в масштабах страны. Создание полицейских контор, напрямую подчинённых центру, породило трения с губернскими и воеводскими канцеляриями. Уже в конце 1733 года Сенат специальным указом запретил последним арестовывать кого-либо без согласования с полицией¹⁰⁴.

Русско-турецкая война 1735–1739 годов потребовала значительных государственных расходов. В этих условиях правительство вновь возложило содержание полиции на местные средства. Во всех городах, кроме Москвы и Петербурга, восстановили магистраты, которые должны были определять полицейский штат и обеспечивать его содержание. Кабинет министров выступил против отвлечения военнослужащих из полков без крайней необходимости, причём устройство полиции к таким основаниям не относилось¹⁰⁵. Таким образом, при распределении людей и средств предпочтение отдавалось нуждам армии.

Положение генерал-полицмейстера изменилось в 1742 году: его должность была переведена из пятого в третий класс Табели о рангах. С 1746 года он подчинялся непосредственно главе государства, а не Сенату. Ему направляли жалобы на действия полиции; обжаловать его собственное решение можно было у императрицы¹⁰⁶. При Главной полицмейстерской

¹⁰³ Мулукаев Р.С. История отечественных органов внутренних дел в материалах их информационных подразделений: МВД-200 лет. Волгоград: юрид. ин-т, 1997. URL: http://gruppa206.narod.ru/olderfiles/1/Istoriya_OVD_Rossii_po_redakcciei_-49119.pdf (дата обращения 15.12.2021).

¹⁰⁴ Мулукаев Р.С. История отечественных органов внутренних дел в материалах их информационных подразделений: МВД-200 лет. Волгоград: юрид. ин-т, 1997. URL: http://gruppa206.narod.ru/olderfiles/1/Istoriya_OVD_Rossii_po_redakcciei_-49119.pdf (дата обращения 15.12.2021).

¹⁰⁵ Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Полиция Российской империи: монография / А.В. Борисов, А.Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. С. 53.

¹⁰⁶ История полиции России в XVIII–XIX веках: хрестоматия / сост. С.С. Зенин, М.А. Некрасов. Т. I. М.: Проспект, 2020. С. 389.

канцелярии тогда же была создана «Экспедиция для розысков по делам воров и разбойников». Это был первый специальный орган уголовного сыска, деятельность которого, однако, ограничивалась столицей и соседними уездами¹⁰⁷. Изменился и порядок отношений с Тайной канцелярией. Вместо прямых распоряжений с её стороны устанавливался равноправный обмен сведениями. Указанные изменения укрепляли самостоятельность полиции в системе государственного управления¹⁰⁸.

В начале царствования Петра III порядок управления полицией неоднократно менялся. В 1762 году генерал-полицмейстера вновь подчинили Сенату, вернув порядок, существовавший до Елизаветы Петровны. Городские полицейские учреждения передали в ведение губернских, провинциальных и воеводских канцелярий¹⁰⁹. Однако уже 21 марта 1762 года была учреждена должность Главного директора над всеми полициями, подчинённого императору¹¹⁰. Её занял Н.А. Корф. Он получил право устраивать полицию в городах по своему усмотрению¹¹¹. Затем сенатский указ от 26 июля 1762 года ограничил назначения полицмейстеров городами, где такие должности существовали прежде¹¹². Эти изменения не привели к созданию полиции в Смоленске. Охрана порядка по-прежнему оставалась обязанностью городского магистрата.

После дворцового переворота на престол взошла Екатерина II. Корф сохранил пост генерал-полицмейстера. Свои преобразования в полиции императрица начала с увеличения штатов столичных полицейских канцелярий

¹⁰⁷ История полиции России в XVIII–XIX веках: хрестоматия / сост. С.С. Зенин, М.А. Некрасов. Т. I. М.: Проспект, 2020. С. 389.

¹⁰⁸ История полиции России в XVIII–XIX веках: хрестоматия / сост. С.С. Зенин, М.А. Некрасов. Т. I. М.: Проспект, 2020. С. 389–390.

¹⁰⁹ Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Полиция Российской империи: монография / А.В. Борисов, А.Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. С. 64.

¹¹⁰ Именной, данный Сенату. О бытии Генералу Корфу Директором над всеми Полициями // ПСЗ. Собр. 1. Т. XV. № 11478. СПб., 1830.

¹¹¹ Именной, данный Сенату «Об учреждении в Провинциях и городах, где нет Полиции, Полицмейстеров» // ПСЗ. Собр. 1. Т. XV. № 11477. СПб., 1830.

¹¹² О неопределении в городах полицмейстеров, где до сего времени оных не было, впредь до рассмотрения о Губерниях // ПСЗ. Собр. 1. Т. XVI. № 11628. СПб., 1830.

и реорганизации Сената, где был создан третий департамент, отвечавший за всю полицию в стране. Однако её замыслы шли дальше: она готовила реформу всей системы управления империей.

В 1766 году Екатерина II созвала Уложенную комиссию для подготовки нового законодательства. Для её работы императрица подготовила «Наказ», который в последствии дополнила главой «О благочинии, называемом инако полицией», где были заложены цели и задачи нового органа - Управы благочиния¹¹³. «Наказ» не был юридическим актом, а излагал взгляды императрицы на преобразования. В нём, в частности, впервые прозвучал запрет на публичное обсуждение и критику деятельности полиции. «Наказ» также закрепил сословный принцип: начальниками полиции должны были становиться исключительно выходцы из знатных родов, а к привилегированным сословиям предписывалось применять иные подходы, чем к остальному населению. Уложенная комиссия была распущена в 1768 году, так и не создав нового уложения, однако она показала императрице положение дел в провинции и укрепила её решимость в необходимости преобразований в стране.

Толчком к ним стало восстание Пугачёва 1774-1775 годов, которое выявило неспособность местной администрации поддерживать порядок. Первым шагом стали «Учреждения для управления губерний» 1775 года¹¹⁴. В Петербурге и Москве вводилась должность обер-полицмейстера, в остальных городах - городничего (за исключением городов с комендантами). Тогда же было создано новое учреждение - сельская полиция в виде Нижнего земского суда.

«Учреждения» подробно описывали обязанности городничего. В каждом уездном городе, где не было коменданта, назначался городничий, который следил за соблюдением законов, поддержанием благочиния и

¹¹³ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. 174 с.

¹¹⁴ Учреждения для Управления Губерний Всероссийской Империи // ПСЗ. Собр. 1. Т. XX. № 14392. СПб., 1830.

порядка. Он мог напомнить о необходимости исполнения закона, а при неповиновении - передать дело в суд. В его ведении находились штатные городские караулы. Приведение в исполнение решений палат и судов, обеспечение верности и послушания подданных перед государственной властью — всё это тоже лежало на городничем.

Круг обязанностей был крайне широк. Борьба с незаконной продажей спиртного, надзор за соблюдением мер и весов, содержание казенных зданий и городской инфраструктуры, в этих делах он действовал как администратор. При эпидемиях или бунтах требовалось немедленно оповестить губернское правление, изолировать больных или попытаться утихомирить мятежников; если же совершалось уголовное преступление: провести первичное расследование. Здесь он выступал уже в роли правоохранителя.

Сверх прямых обязанностей городничий должен был служить для горожан нравственным ориентиром в рамках христианской этики: словом и личным примером поощрять жителей к трудолюбию, добропорядочному поведению, человеколюбию и соблюдению моральных устоев.

Полномочия городничего, как и порядок его взаимодействия с другими органами власти определялся нормативной документацией. Его юрисдикция ограничивалась территорией города, предместий и слобод; споры о подсудности разрешало губернское правление. Городничий исполнял указы и распоряжения вышестоящих властей, направлял им рапорты и донесения, приводил в исполнение приговоры, определения и решения судебных мест и сообщал об исполнении в соответствующие инстанции. По вопросам своей компетенции он мог обмениваться сообщениями с уездными учреждениями, магистратами, ратушами и другими органами власти в своём и соседних городах. Вмешиваться в подсудные дела других мест он не имел права; при необходимости понудить суд к исполнению законов он направлял представление в губернское правление и был обязан информировать уездного стряпчего и губернское правление о любых известных ему нарушениях закона.

Завершающим этапом екатерининских преобразований стал «Устав благочиния, или Полицейский» 1782 года (далее Устав)¹¹⁵. Он определял состав управы благочиния, обязанности её служащих и порядок разделения города на части и кварталы. В управе заседали начальник городской полиции, приставы уголовных и гражданских дел и два ратмана. Частных приставов назначало губернское правление, квартальных надзирателей — управа благочиния. Квартальные поручики избирались жителями и утверждались городничим.

На управу возлагались исполнение распоряжений начальства и судебных решений, розыск беглых, наблюдение за торговлей, мерами и весами, дорогами и мостами. Одни дела она разрешала сама, другие после расследования передавала в суд. Например, порядок рассмотрения краж зависел от стоимости похищенного и повторности нарушения. Наряду со служебными обязанностями Устав содержал нравственные требования к полицейским.

Частный пристав расследовал происшествия в своей части и записывал установленные обстоятельства. Квартальный надзиратель жил в порученном квартале, наблюдал за порядком и исполнял распоряжения начальства. Устав предусматривал также словесные суды по частям города для разбора определённого круга гражданских дел. Запреты и взыскания были изложены отдельно: в главах «Запрещения» и «Взыскания». Таким образом, устройство полиции соединяло надзор, первоначальное расследование и рассмотрение некоторых маловажных дел.

После вступления на престол Павел I предпринял попытку отменить «Устав благочиния» и передать полицейские полномочия генерал-губернаторам. В начале царствования Александра I действие Устава было восстановлено. В течение первой половины XIX века его положения сохраняли значение основы российского полицейского права и

¹¹⁵ Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXI. № 15379. СПб., 1830.

использовались при подготовке преобразований законодательства 1830–1840-х годов.

Начало царствования Александра I ознаменовалось либеральными реформами, которые готовил Негласный комитет - ближайшее окружение императора. Его члены (П.А. Строгов, Н.И. Новосельцев, А.Е. Чарторыйский и В.П. Кочубей) сыграли ключевую роль в подготовке реформ правоохранительной системы¹¹⁶.

Вопрос о преобразовании государственных учреждений обсуждался членами Негласного комитета. Они предлагали заменить коллегиальное управление министерским, а заведование полицией передать одному из создаваемых ведомств. Предполагалось, что такое устройство позволит яснее определить обязанности центральных учреждений и ответственность их руководителей.

8 сентября 1802 года был опубликован Манифест «Об учреждении Министерств»¹¹⁷, которым создавались восемь министерств. В основу преобразования было положено распределение государственных дел между отдельными ведомствами. Однако учреждение министерств ещё не означало, что границы их полномочий были окончательно определены. Особенно заметно это проявилось в управлении полицией, где обязанности Министерства внутренних дел соприкасались с полномочиями военного и морского ведомств.

Следующим шагом стало утверждение 7 января 1803 года штата Департамента Министерства внутренних дел, состоявшего из четырёх экспедиций. Делами общественного спокойствия и порядка занималась вторая экспедиция¹¹⁸. При этом полицейское управление в городах сохраняло связь с военным начальством, а в портовых городах — с морским ведомством. Таким

¹¹⁶ Борисов А.В. Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995. С. 173.

¹¹⁷ Манифест об Учреждении Министерств // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVII. № 20406. СПб., 1830.

¹¹⁸ Высочайше утверждённых штатах Департаментов: Министра Военных Сухопутных Сил, Министра Юстиции, Министра Внутренних дел, Министра Финансов, Министра Коммерции и Министра Народного Просвещения // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVII. № 20582. СПб., 1830.

образом, вопросы, переданные МВД, затрагивали деятельность учреждений, подчинённых другим министерствам. Для исполнения распоряжений требовалось согласовывать действия нескольких ведомств, что затрудняло управление и разграничение ответственности.

Вопрос о разграничении полицейских дел рассматривали министры С.К. Вязьмитинов, П.В. Чичагов и В.П. Кочубей. Первый представлял военно-сухопутное ведомство, второй - военно-морское, третий - Министерство внутренних дел. В совместном докладе императору они изложили затруднения, возникавшие при существовавшем порядке управления полицией, и предложили способы их устранения¹¹⁹. Поскольку полицейская служба затрагивала обязанности всех трёх министерств, передать её одному из них можно было после согласования общего порядка действий.

После рассмотрения доклада Александр I издал указ «О средствах к исправлению полиции в городах»¹²⁰. Городская полиция передавалась Министерству внутренних дел, которое должно было руководить её службой на местах. МВД получало право определять порядок работы полицейских учреждений и направлять им соответствующие распоряжения. Так управление городской полицией сосредоточилось в одном ведомстве. На местах введение этого порядка требовало дальнейших решений: следовало организовать исполнение указа в отдельных городах и установить отношения полиции с другими учреждениями.

Определялся и порядок назначения начальников городской полиции. Кандидатов на должности полицмейстеров в губернских городах представлял министр внутренних дел, после чего их утверждал Правительствующий Сенат¹²¹. В службе полицмейстеры должны были обращаться к положениям о городничих из «Учреждений для управления губерний», а в необходимых

¹¹⁹ Борисов А.В., Севаницкий В.Е., Скрижов А.Е. Полиция Российской империи XIX – начала XX в. М., 2001. С. 165.

¹²⁰ О средствах к исправлению полиции в городах // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVII. № 21007. СПб., 1830.

¹²¹ Реент Ю.А. История правоохранительных органов: полицейские и тюремные структуры России. Рязань: Акад. права и упр. Минюста России, 2002. С. 114.

случаях к Уставу благочиния¹²². Следовательно, при передаче полиции новому министерству прежние законодательные правила продолжали действовать. Само МВД занималось не только полицейским управлением. К нему относились также почта, места заключения, больницы и многочисленные хозяйственные дела. Для руководства этими учреждениями требовалось поддерживать переписку с местными властями и согласовывать распоряжения по разным вопросам. Такое соединение обязанностей увеличивало объём дел министерства и затрудняло повседневное управление провинциальными учреждениями.

Подготовкой изменений в государственном управлении занималась и Комиссия составления законов. В 1804 году её работу возглавлял князь П.В. Лопухин¹²³. Комиссии предстояло систематизировать российское законодательство и разработать предложения о преобразовании государственных учреждений. Для рассмотрения полицейских законов в её составе действовало отдельное подразделение под руководством юриста М.А. Балугьянского. Здесь изучались устройство полиции, круг возложенных на неё дел и установленный порядок службы. По итогам рассмотрения действовавших норм отделение готовило предложения об их изменении.

Изучение законов о полиции привело к подготовке «Проекта образования Санкт-Петербургского губернского правления» и «Донесения об устройстве губернского правления и о значении предметов, принадлежащих к полиции». В этих документах Комиссия предлагала разграничить судебные, административные и полицейские дела. Предполагалось установить, какие обязанности относятся к каждому учреждению и как оно должно участвовать в управлении губернией. Тем самым вопрос об устройстве полиции рассматривался вместе с организацией губернских органов в целом.

¹²² Тот Ю.В. Комиссия составления законов и проблема реформы полиции в начале XIX века // Российская полиция: три века служения Отечеству: юбилейная международная научная конференция, (Санкт-Петербургский университет МВД РФ: 23 – 25 апреля 2018). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2018 С. 448.

¹²³ Манифест. «Образование Государственного совета» // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVII. № 24064. СПб., 1830.

Составленные проекты были использованы при последующем обсуждении преобразований местного управления.

Чтобы обязанности учреждений не получали различного толкования, Комиссия считала необходимым определить в законе понятия «полиция», «законодательство» и «государственное управление». Над этими вопросами работал М.А. Балугьянский. В 1810 году он представил проект «Основ начала Проекта полицейского устава»¹²⁴. Военные события прервали подготовку преобразований, и вновь к ней обратились в 1818 году. При продолжении работы использовались как прежние материалы Комиссии, так и предложения Балугьянского. В 1826 году дела Комиссии со всеми накопленными материалами перешли в ведение II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Дальнейшая систематизация законодательства о государственном управлении и полиции проводилась уже им¹²⁵.

Пока шла разработка законодательных предложений, правительство приступило к изменению центрального управления полицией. Создание Министерства полиции и его устройство были определены манифестами от 17 августа 1810 года¹²⁶ и 25 июня 1811 года¹²⁷. Новое министерство состояло из четырёх департаментов: Хозяйственный отвечал за продовольствие, Медицинский – за всё медицинское хозяйство; в том числе и кадровые вопросы; Департамент полиции исполнительной взял на себя управление полицейским аппаратом, тюремной системой и организацию рекрутского набора; Особенная канцелярия занималась политическим сыском и

¹²⁴ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 гг.: В 4-х тт. Т.1. Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 2000. С. 20.

¹²⁵ Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компани, 2005. С. 36.

Борисов А.В., Рыжкова Ю.В., Кужахметова С.Н. Актуальные проблемы истории органов внутренних дел. М.: Академия управления МВД России, 2020. С. 23.

Колонтаев К.В. История русской полиции. Севастополь: изд. «Сварог», 2009. URL: <https://ekniga.org/istoriya/197340-istoriya-russkoy-policii.html> (дата обращения 12.03.2024)

¹²⁶ Высочайше утверждённое разделение Государственных дел по Министерствам // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24326. СПб., 1830.

¹²⁷ Учреждение Министерства Полиции // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24687. СПб., 1830.

обеспечивала государственную безопасность. Однако торговля, промышленность и почтовая служба оставались в МВД. При таком распределении ведомства продолжали заниматься близкими вопросами: хозяйственное управление МВД непосредственно соприкасалось с продовольственными обязанностями Министерства полиции¹²⁸.

Во время Отечественной войны 1812 года на Министерство полиции возлагались задачи эвакуации населения, поддержания порядка в тылу и обеспечения безопасности. После окончания военных действий Министерство полиции оперативно восстановило работу полицейских учреждений на освобожденных территориях, что способствовало скорейшему возвращению нормальной жизни в регионы¹²⁹.

Н.М. Карамзин отмечал, что реорганизация «излишне многосложного Министерства внутренних дел» привела к созданию Министерства полиции «столь же многосложного и непонятного для русских». «Непонятность» заключалась, прежде всего, в исключительном возвышении Министерства полиции и делегированном ему праве контроля местных органов, подконтрольных другим министерствам. Исторический опыт функционирования Министерства полиции не стал положительным, привел к усложнению и путанице во взаимодействии местных органов. Ревизиями, проведенными по распоряжению государя, были выявлены многочисленные факты небрежения, фальшивомонетчества, коррупции¹³⁰.

В 1819 году Министерство полиции было упразднено, а большая часть его дел и аппарата возвращена в Министерство внутренних дел.

¹²⁸ Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компани, 2005. С. 36.

¹²⁹ Борисов А.В., Рыжкова Ю.В., Кужахметова С.Н. Актуальные проблемы истории органов внутренних дел. М.: Академия управления МВД России, 2020. С. 23.

¹³⁰ Кодан С.В., Поляков И.Ю. Полицейское законодательство России. Развитие, становление, система: вторая половина XVII первая треть XIX в. Уральская академия гос. службы, 2000. С. 159; Шестопапов А.П. Роль Министерства полиции Российской империи в контексте радикальной реконструкции общественно-политического порядка в период 1810–19 гг.: ретроспективная оценка исторического опыта / А.П. Шестопапов, Е.Д. Кислицын. Молодой ученый. 2017. № 5 (139). С. 326-331.

Накопившиеся разногласия показали трудности самостоятельного существования полицейского ведомства при принятом распределении обязанностей. Правительство вновь объединило руководство полицией с заведованием внутренними делами государства¹³¹. Таким образом, опыт 1810–1819 годов завершился возвращением к управлению городской полицией через МВД.

3 июля 1811 года Александром I был учрежден «Корпус внутренней стражи» - особое военное формирование, подчинявшееся сначала министру полиции, а впоследствии министру внутренних дел¹³², состояло из губернских батальонов и инвалидных команд.

Функционал Корпуса внутренней стражи был чрезвычайно широким и охватывал как чисто военные задачи, так и полицейские функции. К основным направлениям деятельности относились: обеспечение исполнения законов и судебных приговоров, борьба с преступностью (включая поимку воров и уничтожение разбойничьих шайк), пресечение незаконных сборищ и народных волнений. Стражники разыскивали беглых преступников и дезертиров, противодействовали контрабанде, сопровождали важные грузы и людей - рекрутов, арестантов, пленных. В их обязанности входило обеспечение свободного товарооборота внутри страны, сбор податей и недоимок, охрана порядка на массовых мероприятиях: церковных службах, ярмарках, народных гуляниях.

Обязанности Корпуса внутренней стражи этим не ограничивались. Его служащие участвовали в тушении пожаров, оказывали помощь при разливах рек и других стихийных бедствиях, охраняли казну и государственные ценности. Они могли задерживать преступников, застигнутых с поличным, и разгонять преступные сборища. Задержанных после этого передавали губернскому начальству.

¹³¹ О присоединении Министерства Полиции к Министерству Внутренних Дел // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXVI. № 27964. СПб., 1830.

¹³² Положение для Внутренней Стражи // ПСЗ Собр. 1. Т. XXXI. № 24704. СПб., 1830.

Управление Корпусом было организовано по округам, что позволяло согласовывать действия его подразделений. Впоследствии такой порядок применили в регулярной армии. Результаты работы Корпуса получили признание: 30 марта 1816 года ему был присвоен статус Отдельного корпуса.

1 февраля 1817 года было принято «Положение для Жандармов внутренней стражи», на основании которого в составе Корпуса учреждалась жандармерия¹³³. В неё предписывалось направлять лучших нижних чинов, преимущественно из кавалерии, хотя на практике это правило нередко не соблюдалось. Жандармам передали почти все обязанности внутренней стражи. Исключение составляли сбор податей и недоимок, а также охрана присутственных мест. Организации жандармских подразделений способствовало то, что порядок их службы с самого начала был определён единой системой правовых норм.

В XVIII - первой четверти XIX века в Российской империи складывались общие основания организации городской полиции и определялось её место в государственном управлении. Законодательство Екатерины II, прежде всего «Учреждения для управления губерний» 1775 года и «Устав благочиния» 1782 года, установило устройство местных полицейских органов и круг их обязанностей. Охрана общественного порядка при этом охватывала не только пресечение преступлений, но и наблюдение за торговлей, благоустройством, санитарным состоянием городов и поведением жителей. Именно такое широкое содержание полицейской службы сохранялось в первой половине XIX века. При Александре I преобразования затронули прежде всего центральное управление: полицейские дела передавались МВД, затем самостоятельному Министерству полиции и после его упразднения вновь были сосредоточены в МВД. Эти изменения укрепляли зависимость городской полиции от центральной власти, но не сопровождались полной перестройкой местных учреждений.

¹³³ Высочайше утверждённое положение для Жандармов внутренней стражи от 1 февраля 1817 года // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXIV. № 26650. СПб., 1830.

Смоленские материалы позволяют проследить, как общероссийские преобразования осуществлялись в провинциальном городе. Предусмотренная указом 1733 года полиция в Смоленске создана не была; до губернской реформы 1775 года охрана порядка оставалась обязанностью коменданта и магистрата. Появление специальных городских полицейских учреждений было связано с проведением этой реформы, причём участие военной администрации в полицейских делах сохранялось и позднее. Таким образом, установление общих законодательных правил и их осуществление на местах не всегда совпадали по времени. Смоленск включался в общероссийскую систему городской полиции с учётом сложившегося управления, наличия служащих и средств на их содержание. К концу царствования Александра I городская полиция стала одним из основных местных органов, через которые исполнялись правительственные распоряжения и обеспечивалась охрана общественного порядка во всём многообразии её тогдашних задач. Однако централизация управления не устранила различий между городами и затруднений, связанных с распределением обязанностей, комплектованием и содержанием полиции.

1.2. Централизация полицейского управления и кодификация законодательства во второй четверти XIX века

После смерти Александра I в Таганроге 19 ноября 1825 года возникла неопределённость с престолонаследием, связанная с тем, что отречение Константина Павловича не было обнародовано, прямых наследников у императора не осталось. Этим решили воспользоваться участники тайных обществ. Восстание 14 декабря 1825 года потрясло Николая I и во многом предопределило его дальнейшие шаги в сфере государственной безопасности¹³⁴.

Следствие по делу декабристов вскрыло то, чего власть не замечала больше десяти лет: заговор охватывал несколько тайных обществ по всей

¹³⁴ Николай I. Портрет на фоне империи. М.: Фонд Сергея Дугова, 2011. С. 34-38, 47.

стране, десятки офицеров и чиновников, а полиция не имела о нём достоверных сведений. Этот провал стал решающим доводом в пользу перестройки всей системы политического сыска и охраны порядка. Уже в первые месяцы царствования Николай I пошёл по пути укрепления централизации и ужесточения дисциплины. Отмена крепостного права была отложена более чем на тридцать лет, вертикаль власти укрепилась, а полицейский надзор приобрёл тот тотальный характер, который станет отличительной чертой николаевского царствования¹³⁵.

После восстания началась подготовка преобразований политической полиции. В начале 1826 года А.Х. Бенкендорф представил Николаю I проект «Об устройстве высшей полиции». Он предлагал создать централизованную систему политического сыска с определённым порядком подчинения. В новое ведомство предполагалось набирать проверенных служащих, а его агентурная сеть должна была охватить всю страну¹³⁶.

Предложения Бенкендорфа соответствовали взглядам Николая I. Император связывал восстание декабристов прежде всего с недостатками государственного управления, коррупцией и казнокрадством чиновников. По его мнению, строгий надзор был необходим как за обществом, так и за служащими государственных учреждений. Эту задачу должна была решать тайная полиция, организованная на началах строгого подчинения и непосредственно зависевшая от монарха.

Рассмотрев проект и обсудив его с ближайшим окружением и высшими сановниками, Николай I одобрил предложенные меры. 3 июля 1826 года учредили III Отделение СЕИВК, ставшее высшим органом политической полиции. Для его создания Особую канцелярию МВД передали в состав Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

¹³⁵ Николай I. Портрет на фоне империи. М.: Фонд Сергея Дугова, 2011. С. 52.

¹³⁶ Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компани, 2005. С. 37.

Руководство III Отделением было поручено генерал-адъютанту А.Х. Бенкендорфу. Новое учреждение ведало делами высшей полиции, наблюдало за сектами и расколами, расследовало подделку денег и документов. К его обязанностям относились также надзор за поднадзорными лицами, высылка подозрительных, управление местами заключения государственных преступников и рассмотрение дел иностранцев, находившихся в России¹³⁷. Отделение собирало сведения о происшествиях и полицейскую статистику. С 1828 года ему поручили и театральную цензуру¹³⁸. Кроме того, Корпус жандармов вывели из состава военной стражи и передали в ведение III Отделения.

А.Х. Бенкендорф одновременно являлся шефом жандармов. Совмещение двух должностей укрепляло его положение среди высших сановников и позволяло согласовывать действия учреждений политического надзора.

Широкие полномочия III Отделения стали причиной его разногласий с МВД. Руководство министерства возражало против вмешательства жандармов в полицейские дела, считая их собственной сферой ведения. Городская полиция при этом оказывалась зависимой от двух ведомств. Она сохраняла подчинение МВД, но жандармские чиновники могли проверять её действия, вести собственные расследования по тем же делам и сообщать результаты непосредственно императору¹³⁹.

В 1832 году в составе МВД находились четыре департамента: государственного хозяйства и публичных зданий, полиции, медицинский и цензурный. Год спустя хозяйственный департамент был передан Главному управлению путей сообщения и публичных зданий. После этого основное

¹³⁷ О присоединении Особенной Канцелярии Министерства Внутренних дел к Собственной Его Императорского Величества Канцелярии // ПСЗ Собр. 2. Т. I. №449. СПб., 1830.

¹³⁸ Высочайше утверждённый Устав о Цензуре // ПСЗ Собр. 2. Т. III. №1979. СПб., 1830.

¹³⁹ Борисов А.В., Рыжкова Ю.В., Кужахметова С.Н. Актуальные проблемы истории органов внутренних дел. М.: Академия управления МВД России, 2020. С. 27.

Борисов А.В., Севаницкий В.Е., Скрижов А.Е. Полиция Российской империи XIX начала XX в. М., 2001. С. 114.

положение в министерстве занял Полицейский департамент, ведавший также медико-санитарным надзором и цензурными вопросами. Деятельность МВД всё больше сосредоточивалась на охране порядка, что усиливало его разногласия с III Отделением¹⁴⁰.

Для рассмотрения ведомственных разногласий Николай I в 1829 году учредил Комитет под председательством графа Кочубея. Были предложены два решения. Первое предполагало возратить политический сыск в МВД и назначить шефа жандармов заместителем министра. Второе состояло в восстановлении Министерства полиции. Император не принял ни одного из этих предложений. Разногласия сохранялись вплоть до упразднения III Отделения в 1880 году. В течение николаевского царствования городские полиции были вынуждены учитывать требования двух ведомств, каждое из которых могло одновременно запрашивать сведения о проделанной работе.

Параллельно с институциональными преобразованиями правительство предприняло масштабную работу по систематизации законодательства - работу, которая должна была подвести единую правовую базу под всю деятельность государственного аппарата, включая полицейские органы. Но прежде, чем обратиться к кодификации, император предпринял ряд мер по ужесточению дисциплины как в обществе, так и в самой полиции.

Будучи человеком военным, Николай I считал главной причиной социальных проблем недостаток дисциплины. В 1829 году был издан указ «О мерах для исправления неслужащих чиновников развратного поведения», который наделял Управы благочиния широкими полномочиями: теперь они могли арестовывать лиц, замешанных в пьянстве, буйстве и распутстве, включая отставных военных и гражданских чиновников¹⁴¹. За первое нарушение предусматривалось тюремное заключение сроком до года, а при

¹⁴⁰ Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX нач. XX вв.). Н. Новгород, 1993. С. 95-96.

¹⁴¹ О мерах для исправления неслужащих чиновников развратного поведения // ПСЗ. Собр. 2. Т. IV. № 2698. СПб., 1830.

Журнал Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. 1830, ч. 2, кн. 2. С. 58-61.

повторном задержании нарушитель подлежал ссылке в Сибирь. При этом сохранялась возможность обжалования ареста в Сенате.

В 1832 году император издал новый указ, направленный на укрепление «общественной дисциплины»: 12 марта был подписан документ, передававший функции по борьбе с азартными играми от III Отделения в ведение Министерства внутренних дел¹⁴². Теперь местные власти обязаны были выявлять и закрывать все места, где проводились запрещённые карточные игры, а пойманных игроков предписывалось предавать суду независимо от их званий и чинов. Особенно жёсткой мерой стало судебное преследование любого, кто даже просто находился в месте проведения запрещённых игр во время их вскрытия полицией. При этом разбирательство какое-либо не предполагалось, достаточно было самого факта нахождения. Эту практику расширил на арест пьяниц в 1834 году указ «О распорядке воинской повинности, внутреннего Полицейского и хозяйственного управления в селениях однодворцев и граждан Западных губерний»¹⁴³. Эти нормативные акты расширяли полицейские полномочия, но дублировали функции двух ведомств, МВД и III Отделения, усугубляя конфликт между ними.

Однако разрозненные дисциплинарные меры не могли заменить системной правовой реформы. Это подтолкнуло правительство к масштабной кодификации полицейского законодательства. Составленный II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии под руководством М.М. Сперанского, Свод законов Российской империи был высочайше утверждён 31 января 1833 года и вводился в действие с 1 января 1835 года, это была первая в истории России официальная кодификация действующего

¹⁴² О строгом подтверждении, чтобы сборища для запрещённой картёжной игры местными Начальствами были открываемы, и все найденные игроки были предаваемы суду, для строго по законам наказания, без всякого различия званий и чинов // ПСЗ Собр. 2. Т. VII. №5227. СПб., 1830.

¹⁴³ О распорядке воинской повинности, внутреннего Полицейского и хозяйственного управления в селениях однодворцев и граждан Западных Губерний // ПСЗ Собр. 2. Т. IX. №6734. СПб., 1830.

законодательства. Разрозненные указы, регламенты и распоряжения, накопленные более чем за полтора столетия: от Соборного уложения 1649 года до последних узаконений начала 1830-х годов, были сведены в пятнадцать томов и организованы по отраслевому принципу.

Для городской полиции наибольшее значение имели два устава, вошедшие в XIV том Свода: «Свод устава о предупреждении и пресечении преступлений» и «Свод уставов о паспортах и беглых»¹⁴⁴. Оба документа впервые систематизировали полицейские функции в рамках единых кодифицированных актов и охватывали весь цикл полицейской работы: от профилактики правонарушений до розыска и задержания преступников, от надзора за благочинием до контроля над передвижением всех категорий населения.

«Свод устава о предупреждении и пресечении преступлений» (далее Устав о преступлениях) стал первым в российском законодательстве актом, специально посвящённым профилактике правонарушений. В отличие от екатерининского «Устава благочиния» 1782 года, который опирался на морально окрашенное понятие «благочиние», новый Устав о преступлениях вводил в правовой оборот более строгий термин «общественный порядок». Охрана порядка перестала быть попечением о нравственности подданных и стала светской, юридически оформленной функцией государства.

Структура Устава о преступлениях отражала логику полицейского надзора в сословно-конфессиональном государстве николаевской эпохи: первый раздел был посвящён предупреждению и пресечению преступлений против веры, в связи с тем, что православие оставалось опорой общественного порядка и «идеологией» своего времени, и полиция обязана была выступать в качестве его защитника. Устав о преступлениях прямо обязывал местную полицию «строго охранять мир и тишину в церкви» (ст. 9), наблюдать, чтобы

¹⁴⁴ Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XIV. Свод уставов благочиния: Ч. 1: Свод устава о предупреждении и пресечении преступлений; Ч. 2: Свод уставов о паспортах и беглых.

во время литургии не было крику и бесчинства близ церкви (ст. 12), следить за прекращением игрищ, музыки и торговли в воскресные и праздничные дни до окончания службы (ст. 13). Во время крестных ходов полиция обеспечивала чистоту улиц, расставляла стражу, запирала питейные дома и пресекала шумные увеселения (ст. 15). Даже такая деталь, как запрет строить подмостки из скамей и брёвен для смотрения на крестный ход, была нормативно закреплена (ст. 17). Сегодня эти статьи могут показаться архаичными, но они отражали реальную практику: полиция в николаевской России охраняла не просто безопасность, а сакральный порядок.

Одновременно Устав о преступлениях закреплял за полицией контроль над религиозным инакомыслием. Статья 46 запрещала раскольникам «совращать и склонять кого-либо в раскол свой», а статья 52 предписывала с раскольническими священниками, переходящими из уезда в уезд без надлежащих видов, «поступать как с бродягами». Статья 66 прямо обязывала полицию «стараться всеми зависящими от нея мерами не допускать исполнение» изуверных покушений среди сектантов. В отношении «жидовской ереси» предписывалось не выдавать её последователям паспортов для отлучек (ст. 61), а из уездов, где эта ересь существовала, высылать всех евреев без исключения (ст. 62). При этом Устав о преступлениях требовал от полиции охранять и межконфессиональный мир: статья 71 возлагала на неё обязанность охранять между всеми жителями города, «хотя различных вер, доброе гражданское согласие, мир и тишину».

Второй раздел Устава о преступлениях регулировал предупреждение и пресечение преступлений против общественного порядка и учреждений правительства. Именно здесь полицейские функции получали наиболее развёрнутую регламентацию. Полиция обязывалась наблюдать, чтобы «ни от кого не было обид, притеснений и побоев», чтобы «бранные и непотребные слова» не употреблялись в общенародных местах (ст. 287), а в маловажных случаях ссор и драк «всякое своеволие тотчас прекращаемо было и ссорящиеся были примиряемы». Устав о преступлениях прямо запрещал

скопища, созыв толпы и участие в драке посторонних. Полиция получала право наказывать лиц податных сословий (телесные наказания) за мелкие правонарушения «домашним образом» или подвергать их «лёгкому Полицейскому исправлению» (ст. 294).

Особый блок статей посвящался борьбе с пороками личности, несущими потенциальный вред обществу: пьянством, азартными играми, непотребством и нищенством. Запрещались азартные игры (ст. 345), а полиция обязывалась иметь «неослабное бдение», чтобы они нигде не производились. Виновные в организации запрещённых игр и участники их подлежали аресту и отсылке к суду (ст. 350). Нищенство строго запрещалось, а надзор за его прекращением возлагался на «особенное попечение» полиции (ст. 231, 233). Пойманные нищие препровождались к их обществам, а за нерадение в призрении нищих чиновники полиции подлежали взысканию (ст. 242). Запрещалось открывать дома для непотребства, а полиция обязывалась «ни в каком случае не позволять возникать непотребным и соблазнительным сборищам» и повсеместно искоренять их (ст. 224).

Особого внимания заслуживают статьи, регулировавшие полицейский надзор за печатью и собраниями. Полиция наблюдала за книжными лавками, библиотеками для чтения и типографиями, конфисковывала запрещённые книги и сочинения (ст. 130, 133). Она открывала «безымянных сочинителей пасквилей и подмётных писем» и брала их под стражу (ст. 125). Запрещались тайные общества, масонские ложи, Думы и Управы (ст. 145-146), а учредители таковых отсылались к суду (ст. 147). В случае «шумного и беспорядочного скопища» полиция должна была заставить толпу разойтись по домам, а при необходимости призвать войска (ст. 157). Набатные тревоги допускались только в чрезвычайных случаях и не иначе как с дозволения главного в том месте начальства (ст. 158).

Третий раздел Устава о преступлениях, посвящённый беспорядкам при публичных собраниях и увеселениях, детально регламентировал полицейский надзор за зрелищами. Общепародные игры, забавы и театральные

представления не могли проводиться без дозволения полиции (ст. 175). При их проведении полиция следила за прочностью конструкций, безопасностью освещения, порядком среди зрителей. Запрещалось «шуметь, кричать, говорить громогласно, прерывать или препятствовать окончанию представления» (ст. 185). На полицию возлагался также надзор за трактирными заведениями (ст. 193-202) и питейными домами (ст. 203-213).

Четвёртый и пятый разделы Устава о преступлениях охватывали преступления против личной безопасности и имущества. Полиция обязывалась исследовать обстоятельства обнаружения мёртвого тела: «кем, когда, каким орудием и кому нанесена смерть» (ст. 265). Запрещалось носить оружие без дозволения, а полиция должна была иметь строгий надзор за продажей ядовитых и сильнодействующих веществ (ст. 263-264). В случае пожара полиция исследовала его причину и доносила начальнику губернии (ст. 386). Наблюдение за тем, чтобы монета не подделывалась, также возлагалось на городские и земские полиции, причём именно к их обязанностям относилось «производство следствий по сим предметам» (ст. 391).

Устав о преступлениях содержал статьи об ответственности полицейских чиновников за неисполнение обязанностей. Служащие полиции, не употреблявшие «всех мер к поимке и искоренению беглых», сами подлежали суду (ст. 376 раздела о паспортах Устава о паспортах). За нерадение о призрении нищих они подвергались «строжайшему взысканию» (ст. 242). За нерадивость в надзоре за обращением запрещённой иностранной монеты полицейские чиновники подлежали отрешению от должности (ст. 402). Устав о преступлениях наделял полицию достаточно широкими полномочиями и устанавливал ответственность за их ненадлежащее исполнение. Более того, впервые в российском законодательстве этот нормативный акт закреплял за полицией профилактические функции, а не только карательные, что указывало на фундаментальный сдвиг правового сознания: от устрашения к предупреждению преступлений.

Другим важнейшим актом стал «Свод уставов о паспортах и беглых» (Далее Паспортный устав), посвящённый контролю над передвижением населения. Документ выстраивался исходя из логики государственного контроля: регистрация, легальное нахождение и перемещение, нелегальное, сыск и наказание. Пять разделов последовательно регулировали выдачу паспортов для каждого сословия, их явку в полицейские органы, порядок заграничных поездок, розыск беглых и дезертиров, а также ответственность укрывателей.

Паспортный устав вносил в законодательство следующие новшества: во-первых, закреплялся всеобщий принцип: никто не мог отлучиться с места постоянного жительства без узаконенного вида или паспорта (ст. 1). Место жительства отныне определялось законом для каждого сословия - дворян, духовенства, купцов, мещан, крестьян, отставных солдат (ст. 2-11). Во-вторых, более четко обозначены сословные разграничения паспортного режима: плакатные паспорта четырёх родов (от полугода до трёх лет) для податных сословий, особые билеты для мещан и крестьян, отлучавшихся на короткие расстояния, отдельный порядок для купцов через городские думы и магистраты, для дворян через губернские правления и Герольдию. В-третьих, устанавливались территориальные ограничения для еврейского населения: проживание дозволялось только в губерниях черты оседлости, а в каждом паспорте еврея предписывалось указывать, что он «имеет силу только в городах и селениях, для жительства Евреям дозволенных» (ст. 184).

Главным следствием Паспортного устава стало то, что полиция оказалась в центре всей системы учёта населения, именно на неё возлагалась регистрация, проверка и высылка. Именно на городскую и земскую полицию возлагался весь комплекс контрольных функций. Полицейские органы были обязаны регистрировать явку паспортов: согласно статье 216, все отлучавшиеся из одной губернии в другую предъявляли документы «в городах Городничим, или в Полициях, в Уездах же, в Земских Судах». Квартальные надзиратели получали от домовладельцев сведения обо всех прибывавших и

убывавших (ст. 221), а хозяева домов, не объявившие о постояльцах, подвергались штрафу (ст. 223). Полиция вела списки отставных нижних чинов (ст. 140) и кантонистов (ст. 161), выдавала отсрочки просрочившим паспорта (ст. 119-121), свидетельствовала подписи при возобновлении документов (ст. 113). Особые нормы регулировали надзор за еврейским населением: полицейское начальство могло разрешить еврею пребывание в городе на срок до шести недель, но дальнейшее продление зависело уже от губернского правления (ст. 188), а евреи без губернаторских паспортов подлежали немедленной высылке «в места их оседлости» (ст. 190).

Раздел «О беглых и дезертирах» завершал эту систему, переходя к сыску, следствию и наказанию. Городничий и земский исправник обязывались «прилагать всевозможное старание» к поимке бродяг (ст. 367), а в свою очередь полицейские начальства, не употреблявшие «всех мер к поимке и искоренению беглых», сами подлежали суду (ст. 376). За каждого пойманного беглеца нижние чины получали вознаграждение (ст. 377). Расследование укрывательства возлагалось на полицию, которая передавало следственное дело о возбуждении или закрытии дела в уездный суд или губернское правление (ст. 492, 496). Наказания за укрывательство были строгими: штрафы достигали 200 рублей в год за душу мужского пола с помещиков, а за поселение дезертира 2000 рублей или ссылка в Сибирь (ст. 466, 479-480).

Таким образом, кодификация 1832 года предоставила городской полицию целостную, непротиворечивую правовую базу, что было огромным шагом вперёд для усовершенствования её работы. «Свод устава о предупреждении и пресечении преступлений» определял сферы полицейского надзора по борьбе с преступностью. «Свод уставов о паспортах и беглых» давал механизм учета населения на вверенном участке. Вместе они охватывали всю сферу полицейской работы. Однако создание правовой базы было лишь одной стороной дела. Другой стороной стали практические меры по укреплению дисциплины в полицейском аппарате - меры, которые, как

показало время, так и не смогли одолеть кадровый голод, низкую квалификацию служащих и скудость финансирования.

Параллельно с кодификацией правительство пыталось укрепить полицейский аппарат и практически. В 1830 году, столкнувшись с ростом преступности, городской скученностью и восстанием в Царстве Польском, Николай I удвоил штат полиции. На службу принимали только проверенных и благонадёжных кандидатов. Тогда же начались ежегодные инспекции полицейских органов. Результаты часто оказывались тревожными: в 1847 году только три губернии из двадцати семи имели полицию в удовлетворительном состоянии. Контрольные мероприятия охватывали и само МВД: в 1850 году после очередной ревизии было уволено 17 чиновников. Проводились и выездные проверки работы полицмейстеров с составлением детальных отчётов, на основании которых неэффективных сотрудников увольняли. Эта система позволяла поддерживать дисциплину, однако не решала коренных проблем - кадрового голода, низкой квалификации служащих и скудости финансирования¹⁴⁵.

Одной из сфер, где эти проблемы проявлялись особенно остро, оставалась сельская полиция. Причин было несколько. Во-первых, природно-географические условия: более 95% населения проживало в сельской местности, которое было крайне неравномерно распределённой по огромной территории Российской империи. Во-вторых, социальные причины: дворяне, составлявшие костяк полицейского аппарата, не считали полицейскую службу почётной и всячески избегали своих обязанностей.

Особую проблему создавало недовольство крепостных своим положением, которое выражалось в многочисленных актах неповиновения властям. Местная уездная полиция в лице нижнего земского суда была слишком малочисленна, чтобы эффективно справляться с этими вызовами. Всё это требовало назревших реформ полицейской системы.

¹⁴⁵ Костин В.И. История органов внутренних дел России. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. С. 70.

В 1837 году МВД под руководством Д.М. Блудова провело реформу сельской полиции. Новое «Положение о земской полиции» разделило уезд на полицейские участки - станы. Во главе каждого стана стоял становой пристав, кандидатура которого утверждалась по представлению уездного дворянского собрания. От пристава требовалось постоянно проживать на вверенном участке и в его подчинении находились нижние полицейские чины - сотские и десятские, которых избирали из числа местных крестьян¹⁴⁶. Одновременно с «Положением» был издан «Наказ чинам и служителям земской полиции», детально регламентировавший их обязанности, в том числе по взаимодействию с городской полицией при розыске преступников и производстве следствий¹⁴⁷.

Сохранение традиционных для крестьянской общины должностей способствовало установлению лояльных отношений между сельским населением и правоохранительными органами. Назначение сотских и десятских производилось уездным полицейским управлением. Кандидат должен был достичь 25 лет.

Спектр полномочий сельской полиции по «Положению» 1837 года оказался широким. Правопорядок и борьба с преступностью - само собой. Контроль за передвижением крестьян и надзор за помещиками. В казённой сфере - сбор податей, борьба с незаконным производством спиртного, пресечение торговых нарушений. Судебные полномочия: противодействие самоуправству, обеспечение судебного процесса, контроль за исполнением решений. И ещё военные функции: организация рекрутских наборов, содействие в размещении войск.

Реформа изменила и полномочия нижнего земского суда. Из его компетенции исключили функции сыска и надзора. Теперь суд рассматривал только дела с установленными правонарушителями. При этом право налагать

¹⁴⁶ Высочайше утверждённое Положение о земской полиции от 1 июня 1837 года // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XII. № 10303. СПб., 1838.

¹⁴⁷ Высочайше утверждённый Наказ чинам и служителям земской полиции от 1 июня 1837 года // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XII. № 10306. СПб., 1838.

наказания сохранилось исключительно в отношении представителей низших сословий за такие проступки, как пьянство, мелкие кражи и драки.

Эффективная работа земской полиции была жизненно необходима для городской. Правонарушения зачастую носили экстерриториальный характер, и сотрудникам правоохраны приходилось постоянно взаимодействовать для успешного раскрытия преступлений. Кроме того, если земская полиция не справлялась со своими обязанностями: особенно в части сбора податей или комплектования рекрутского набора, то туда командировали сотрудников городской полиции для помощи. Дополнительные обязанности, отвлечение от собственных задач отрицательно сказывались на работоспособности городской полиции.

Завершающим элементом николаевской систематизации стало «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», высочайше утверждённое 15 августа 1845 года и введённое в действие с 1 мая 1846 года¹⁴⁸. Это был первый в истории России уголовный кодекс, заменивший разрозненные нормы Соборного уложения 1649 года, Военского артикула Петра I и многочисленных других указов.

Для городской полиции Уложение имело важное значение: во-первых, систематизировались составы преступлений, с которыми полиция сталкивалась в повседневной практике: кражи, грабежи, фальшивомонетничество, поджоги и т.д. Во-вторых, впервые в российском законодательстве детально прописывались должностные преступления: халатность (ст. 441-442), превышение власти (ст. 367), бездействие власти (ст. 340), мздоимство и лихоимство (ст. 401-413). Это означало, что отныне ответственность полицейских чиновников за ненадлежащее исполнение обязанностей получила правовую основу. В-третьих, разграничивались наказания на уголовные и исправительные, что позволяло судам

¹⁴⁸ Высочайше утверждённое Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XX. Отд. 1. № 19283. СПб., 1846.

дифференцировать ответственность в зависимости от тяжести содеянного: будь то ссылка в Сибирь и каторжные работы или денежный штраф.

Принятие Уложения 1845 года, как ранее уставов 1832 года, само по себе не обеспечивало исполнения всех его требований. На практике нормы применялись выборочно, и за должностными преступлениями полицейских не всегда следовало установленное наказание. Тем не менее подготовка систематизированного уголовного кодекса завершила николаевскую кодификацию и имела существенное значение для развития законодательства Российской империи.

Городская полиция Смоленской губернии в этот период не претерпела существенных изменений в структуре и организации, на неё распространялись все общеимперские законодательные нормы. Кодификация законодательства, уточнение обязанностей существенно не упростили её работу, так как не затрагивали ключевые проблемы: недостаток финансовых и кадровых средств. Таким образом, николаевская кодификация сделала огромный шаг вперёд для развития отечественного права, но существенно не повлияло на качество работы городских полиций Смоленской губернии.

Подводя итог, можно сделать вывод, что правовые основы городской полиции Российской империи формировались в XVIII — первой половине XIX века. Законы устанавливали общий порядок её устройства, который вводился в провинциальных городах постепенно. Так, в Смоленске указ 1733 года об учреждении полиции не был исполнен. До губернской реформы 1775 года охрану порядка осуществляли магистрат и комендант, а появление специальных городских полицейских учреждений было связано с проведением самой реформы. Военная администрация участвовала в полицейском управлении и в последующее время. Такое положение объяснялось ранее сложившимся устройством Смоленска. Поэтому в смоленском материале общероссийские преобразования прослеживаются через изменение обязанностей местных учреждений: распоряжения центра

осуществлялись в городе с учётом сохранявшегося участия комендантской власти.

«Учреждения для управления губерний» 1775 года и «Устав благочиния» 1782 года установили основные должности, круг обязанностей и порядок деятельности городской полиции. Министерские преобразования Александра I усилили её подчинение центральной власти, а кодификация 1832–1845 годов систематизировала нормы полицейского надзора и ответственности за нарушения. На всех этих этапах охрана общественного порядка сохраняла широкое содержание. К ней относились безопасность и спокойствие жителей, наблюдение за торговлей, благоустройством, санитарным состоянием и передвижением населения. Поэтому городская полиция первой половины XIX века соединяла правоохранительную деятельность с исполнением многочисленных административно-хозяйственных поручений. Такое сочетание определялось общероссийским законодательством и прослеживается в материалах Смоленской губернии.

Развитие законодательства не сопровождалось столь же значительными изменениями в составе и обеспечении местной полиции. Сохранялись сословные правила комплектования с опорой в первую очередь на бывших военных, небольшие штаты и зависимость от городских средств. Расширение надзора со стороны центральных органов также не устранило недостатков делопроизводства и затруднений во взаимодействии учреждений. В результате городская полиция Смоленской губернии вступила в 1825-1862 гг. с установленным законом широким кругом обязанностей, исполнение которых во многом зависело от местных возможностей. Это сочетание общих правовых требований и ограниченных условий службы сохраняло значение до преобразований 1860-х годов.

Глава 2. Кадровое обеспечение городской полиции в Смоленской губернии в 1825-1862 гг.

2.1. Институционально-правовая основа формирования кадров городской полиции

В 1825-1862 гг. порядок комплектования городской полиции сохранял основы, установленные «Учреждениями для управления губерний» 1775 года¹⁴⁹ и «Уставом благочиния» 1782 года¹⁵⁰. В начале XIX века они были дополнены актами о подчинении полиции МВД, в том числе указом 1803 года «О средствах к исправлению полиции в городах»¹⁵¹.

В городах, где не было комендантов, полицейское управление поручалось городничим¹⁵². В отличие от выборного земского исправника, городничий назначался Сенатом по представлению губернского правления. Должность относилась к восьмому классу Табели о рангах и первоначально давала возможность приобрести потомственное дворянство. После принятия манифеста 1845 года «О порядке приобретения дворянства службой» с этим чином связывалось уже только личное дворянство¹⁵³.

Устав благочиния предусматривал присутствие из начальника полиции, приставов уголовных и гражданских дел и двух ратманов. Для нестоличных городов должности приставов уголовных и гражданских дел относились к девятому классу, частных приставов - к десятому, квартальных надзирателей - к одиннадцатому, квартальных поручиков - к двенадцатому¹⁵⁴. Эти классы определяли положение должностей, но не исключали назначения на них отставных военных.

¹⁴⁹ Учреждения для Управления Губерний Всероссийской Империи // ПСЗ. Собр. 1. Т. XX. № 14392. СПб., 1830.

¹⁵⁰ Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXI. № 15379. СПб., 1830.

¹⁵¹ О средствах к исправлению полиции в городах // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVII. №21007. СПб., 1830.

¹⁵² Учреждения для Управления Губерний Всероссийской Империи // ПСЗ. Собр. 1. Т. XX. № 14392. СПб., 1830.

¹⁵³ Манифест, опубликованный 22 июня. О порядке приобретения дворянства службою / ПСЗ. Собр. 2. Т. XX. № 19086. СПб. 1845.

¹⁵⁴ Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXI. № 15379. СПб., 1830.

Порядок назначения определялся статьями 23, 24, 26 и 27 «Устава благочиния». Приставы утверждались губернским правлением по аттестации городничих; квартальные надзиратели - управами благочиния по представлению приставов и жителей кварталов; квартальные поручики избирались жителями. Так выстраивалась иерархия, в которой вышестоящие должности замещались из нижестоящих (поручик → надзиратель → пристав → городничий), что соответствовало екатерининской идее местного самоуправления, но на практике ослабляло централизованный контроль за кадрами.

В соответствии с законодательством Екатерины II, при отборе и назначении полицейских чиновников учитывались не только профессиональные навыки, но и нравственные качества, а также семейное положение. В «Наказе Управе благочиния», входившем в Устав благочиния, были прописаны правила поведения: почтительность к ближним, готовность помочь, уважение к супруге и семейной жизни. Там же перечислялись качества, ожидаемые от начальствующих лиц: рассудительность, добрая воля, верность службе, честность и бескорыстие¹⁵⁵.

На практике в первые годы после реформы на полицейские должности нередко попадали мещане и купцы, не имевшие нужных навыков и компетенции, отчего страдал авторитет государственной службы. Павел I запретил купцам и мещанам занимать полицейские должности; вместо них губернаторы подбирали чиновников, платили им жалованье из городских доходов¹⁵⁶.

«Учреждения для управления губерний» и «Устав благочиния» определили, как именно устроена городская полиция: структура, порядок назначения, компетенция, иерархия - от городничего, которого назначал

¹⁵⁵ Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXI. № 15379. СПб., 1830.

¹⁵⁶ Об определении в полицейские должности из чиновников по избранию губернаторов и комендантов, с положением жалованья из городских доходов и о разрешении неудобств, могущих встретиться при учреждении полиции от 25 июля 1799 года // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXV. № 19047. СПб., 1830.

Сенат, до квартальных надзирателей, которых выдвигали по аттестатам с участием местного сообщества. Комплектование оставалось сословным, утверждение кадров - коллегиальным, и эта модель дожила до второй трети XIX века. Назначения по аттестатам оставались нормой, сословная принадлежность определяла карьеру, а кадровый дефицит и скудость городских бюджетов сдерживали профессионализацию.

В XVIII веке от кадров полиции требовали прежде всего нравственного поведения, а резерв формировали децентрализованно: часть функций передавалась органам местного самоуправления. При Павле I начали поворачивать к централизации, в начале XIX века это продолжили. Министерская реформа Александра I вывела полицию в ведение МВД, хотя и не сразу добился этого первый глава министерства граф В.П. Кочубей.

Именной указ Александра I от 24 октября 1803 года «О средствах к исправлению полиции в городах» передал назначение полицейских чиновников Министерству внутренних дел с одобрения Сената и по представлению местного начальства. Губернатор предлагал кандидатуру в МВД, после одобрения министром внутренних дел личное дело передавалось в Сенат, который рассматривал и утверждал назначение. В результате оформилась иерархичная система: городничий - губернатор - министр внутренних дел - Сенат¹⁵⁷. В 1811 году, с учреждением Министерства полиции, верхнее звено этой иерархии временно изменилось, но после слияния министерств в 1819 году восстановилась система 1803 года. При этом создание отдельного полицейского министерства не привело к принципиальным изменениям в порядке назначения и утверждения должностных лиц: на местном уровне данные преобразования практически не отразились на практике кадровых решений.

Министерство внутренних дел разрабатывало штатную численность городской полиции, учитывая, в том числе, финансовые возможности городов.

¹⁵⁷ О средствах к исправлению полиции в городах // ПСЗ Собр. 1. Т. XXVII. №21007. СПб., 1830.

Установление штатной численности происходило почти ежегодно, а полицейское штатное расписание города утверждалось лично императором. В декабре 1804 года было введено «Расписание по полицейскому управлению» городов, где располагались крепости или порты. Всего с 1803 по 1825 год были изданы штатные полицейские расписания почти для 90 городов, в том числе Смоленска. МВД постоянно контролировало соблюдение штатного расписания, периодически внося в него необходимые изменения.

В 1803 году взамен городничих в губернских городах, вводились должности полицмейстеров, назначаемые по представлению министра внутренних дел от имени Сената из военных и гражданских чиновников, «предпочтительно из тех, кои начальниками губернии будут к тому одобряемы». До издания правил о полиции, полицмейстеры должны были исполнять должности на основании правил о городничих, закрепленных в «Учреждениях для управления губерний», сообразуясь «в нужных случаях» с Уставом полицейским. Классного чина им не полагалось, а жалование определялось исходя из пространства города, числа жителей и количеств городских доходов. Издержки на содержание полиции были «подчинены ежегодной ответственности губернатора, думы и полицмейстера». Данное положение распространялось и на уездные города с важными торгами и где «есть особенные местные промыслы»¹⁵⁸.

Заботясь о профессиональном уровне полицмейстеров, правительство в 1803 году разрешило назначать на эти должности людей по способностям, невзирая на их классные чины. Через пять лет министр внутренних дел добился распространения этого правила и на городничих, «кои одинаковые с полицмейстерами должности отправляют»¹⁵⁹. Таким образом, государство пыталось преодолеть сословную практику и сформировать профессиональный

¹⁵⁸ Беляков А.В., Галай Ю.Г., Лушин А.Н. Нижегородская полиция в период Российской империи / Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. 510 с. EDN ZTVVAD.

¹⁵⁹ Собрание законов о полицейском управлении или указы губернаторские и устав управы благочиния со включением Законов, им предшествующих и последовавших с 1708 по апрель 1823. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1823. С. 252–253.

правоохранительный орган, однако в реалиях первой половины XIX века эта задача выполнена не была.

Министерство полиции, созданное в 1811 году, практически не занималось укреплением низовых полицейских органов. За время его существования были приняты решения об усилении кадров полиции менее чем в 20 населённых пунктах, причём в 9 из них - только на время Отечественной войны¹⁶⁰.

Центральная власть сохраняла за собой решение вопросов о полицейских штатах и организации службы. Губернаторы не могли изменить их без участия МВД, а во время существования Министерства полиции — без согласования с этим ведомством. Например, принц Ольденбургский, управлявший Ярославской, Тверской и Новгородской губерниями, предложил реорганизовать подчинённую ему полицию. Его проект был отклонён, поскольку разрабатывался без участия МВД. Родство с Александром I и положение наместника не дали ему права самостоятельно провести преобразование. Тем самым правительство требовало соблюдения общего порядка и от высших сановников. Местное начальство могло выступать с предложениями, но изменение устройства полиции и правил её комплектования зависело от решения центральных учреждений¹⁶¹.

В 1816 году пересмотр городских полицейских штатов был поручен Министерству полиции указом Александра I. Ведомству следовало проверить численность служащих, подобрать достойных кандидатов и рассмотреть деление городов на полицейские части и кварталы. Основанием для этой работы оставалось Положение «О средствах к исправлению полиции в городах» 1803 года¹⁶². Тогда же министры юстиции, полиции и внутренних дел

¹⁶⁰ Карпов В. Ю. Министерство полиции в правоохранительной системе России (1810– 1819 гг.); дис ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 119.

¹⁶¹ Борисов А. В., Сизиков М. И., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718–1917 гг.). Вып. 2. М., 1992. С. 12.

¹⁶² Именной, объявленный Управляющим Министерством Полиции всем Гражданским Губернаторам. «Об устройстве Полиции в Губернских городах и в особенности пожарной части» // ПСЗ Собр. 1. Т. XXXIII. № 27221. СПб., 1830.

вошли в состав Особого комитета. Они подготовили предложения об изменении штатов своих ведомств и подсчитали расходы на их осуществление. Вопрос об увеличении полицейского состава, таким образом, решался вместе с пересмотром центрального управления и определением необходимых для этого средств.

В эпоху правления Николая I были систематизированы и правила государственной службы. В 1832 году они вошли в Свод законов о гражданской службе, а через два года получили дополнение в «Положении о порядке производства в чины по гражданской службе»¹⁶³. Для Николая I государственные учреждения являлись опорой существовавшего порядка, причём особое внимание он уделял политической полиции. В местном полицейском управлении значительные изменения коснулись земской полиции: в 1837 году были изданы «Положение о земской полиции» и «Наказ чинам и служителям земской полиции». Комплектование городской полиции в основном сохраняло прежний порядок. Медленное развитие промышленности и постепенный рост городского населения позволяли правительству оставлять штаты, установленные в начале века с учётом хозяйственного и географического положения городов. Увеличению числа служащих препятствовал и недостаток денег. Смоленск не располагал достаточными собственными доходами и до 1845 года получал казённую помощь на содержание полиции¹⁶⁴. При широких обязанностях городских полицейских учреждений сохранение прежних штатов приводило к постоянной нехватке служащих. Во второй трети XIX века это затруднение оставалось одним из основных в их работе.

Основной порядок кадровой работы сложился ещё при Александре I. Штаты утверждались централизованно, действовали установленные правила

¹⁶³ Высочайшее утверждённое положение о порядке производства в чины по Гражданской службе // ПСЗ Собр. 2. Т. IX. №7224. СПб., 1835.

¹⁶⁴ Положение Комитета министров «О продолжении ещё на 5 лет пособия, назначенного городу Смоленску на содержание городской полиции и удовлетворение разных воинских потребностей» от 28 ноября 1839 года // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XIV. №12930. СПб. 1839.

подбора кандидатов, а трудоустройством отставных военных занимался Комитет о раненых. На этих основаниях строились комплектование городской полиции, определение средств на её содержание и отношения между участвовавшими в назначениях ведомствами.

После войны 1812 года служба в городской полиции стала одним из способов трудоустройства и поддержки раненых офицеров. Указ от 26 марта 1813 года разрешал отставным военным, поступавшим на полицейскую службу, получать вместе с жалованьем пенсии, «кои они заслужили кровью»¹⁶⁵. По указу 1814 года был создан Комитет, учитывавший таких офицеров и определявший их на должности, в том числе полицейские. В 1858 году он получил название «Комитет о раненых», а в 1877 году стал именоваться «Александровским».

Назначение производилось через несколько учреждений. Губернатор сообщал в МВД о свободной полицейской должности, Комитет представлял кандидатов, после чего министерство выбирало подходящего и утверждало его¹⁶⁶. Комитет занимался также бывшими офицерами, которым из-за ранений или инвалидности требовалось место на статской службе¹⁶⁷. В 1816 году был установлен перечень доступных раненым офицерам должностей. В него входили полицмейстеры и городничие¹⁶⁸. Таким образом, Комитет занял существенное место в комплектовании полиции и продолжал действовать до 1917 года.

¹⁶⁵ Именной, данный Сенату «О оставлении пенсионов, пожалованных уволенным от военной службы Чиновникам, при определении их к должностям по части Полицейской» // ПСЗ Собр. 1. Т. XXXII. № 25361. СПб., 1830.

¹⁶⁶ Высочайший приказ Армии. «О учреждении особого Комитета для вспомоществования неимущим изувеченным Генералам, Штаб и Обер-Офицерам» // ПСЗ Собр. 1. Т. XXXII. № 25642. СПб., 1830.

¹⁶⁷ Именной, данный Сенату «Об оставлении пенсионов Штаб и Обер-Офицерам из числа отставленных за полученными в последнюю войну ранами, при определении их по гражданской службе» // ПСЗ Собр. 1. Т. XXXII. № 25931. СПб., 1830.

¹⁶⁸ Именной, данный Генерал-Фельдмаршалу Князю Салтыкову «О замещении мест, показанных в приложенной у сего записке, ранеными Офицерами» // ПСЗ Собр. 1. Т. XXXIII. № 26255. СПб., 1830.

Однако практика показала, что офицеры, находившиеся под покровительством Комитета, не всегда соответствовали требованиям, предъявлявшимся к полицмейстерам и городничим. В именном указе от 7 марта 1831 года «О порядке определения Штаб и Обер-офицеров, состоящих в покровительстве Комитета 18 Августа 1814 года, на вакансии Полицеймейстеров и Городничих» прямо говорилось: «опыт показал, что Офицеры сии, при всем одобрении прежней их службы, по слабости здоровья часто не соответствуют занимаемым должностям»¹⁶⁹. Указ предписывал отсылать кандидатов на предварительное шестимесячное испытание к гражданским губернаторам, «употребляя к временному исправлению той самой должности, для коей предназначается, или других поручений, относящихся к полицейским занятиям». По истечении испытательного срока способные офицеры представлялись к назначению, а о неспособных докладывалось министру внутренних дел «с объяснением причин, по коим они признаются неспособными к полицейской службе».

Стремясь закрепить кадры в полиции, правительство предприняло меры к стимулированию долгосрочной службы. Именной указ от 22 декабря 1835 года «О зачислении по армии и кавалерии Полицеймейстеров и Городничих» установил правило: «дабы удостаиваемы были к сему только те Полицеймейстеры и Городничие, кои прослужили в сих должностях не менее 5 лет, и по особым отличиям будут достойны назначения по армии и кавалерии»¹⁷⁰.

Характерной чертой кадровой политики в полиции XIX века являлось назначение офицеров на полицейские должности в регионах со сложной криминальной обстановкой. Именной указ от 15 мая 1837 года «О замещении полицейских мест в Кавказской области военными офицерами» прямо

¹⁶⁹ Именной указ от 7 марта 1831 года «О порядке определения Штаб и Обер-офицеров, состоящих в покровительстве Комитета 18 Августа 1814 года, на вакансии Полицеймейстеров и Городничих» // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XVI. Отд. 1. № 4406.

¹⁷⁰ Именной указ от 22 декабря 1835 года «О зачислении по армии и кавалерии Полицеймейстеров и Городничих» // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. X. Отд. 2. № 8702.

предписывал: «полицейские места в Кавказской области замещать, по мере надобности, военными офицерами»¹⁷¹.

Большое внимание уделялось нравственному уровню офицеров, поступавших на службу в полицию. Негативное поведение во время службы в войсках стало со временем препятствием для поступления в полицию. Сенатский указ от 30 июля 1846 года «О неопределении в С.-Петербургскую городскую полицию отставленных от военной службы за дурное поведение»¹⁷² прямо запрещал приём таких лиц. С учётом характера полицейской службы высокие требования предъявлялись и к нижним чинам. Указ от 21 апреля 1859 года предписывал командирам внутренних гарнизонных батальонов выбирать людей в полицию «из таких, которые, по отличному поведению и расторопности, вполне годны к полицейской службе и отнюдь не из штрафованных»¹⁷³.

По окончании Крымской войны практика предоставления полицейских должностей раненым офицерам получила новый импульс. Именной указ от 25 января 1856 года «О прикомандировании к военно-учебным заведениям тяжелораненых в настоящую войну штаб и обер-офицеров» установил правила прикомандирования офицеров, неспособных вследствие ранения продолжать строевую службу. Пункт 9 этих правил гласил: «Офицеры сии могут поступать, и затем, в должности Городничих, Полицеймейстеров и вообще на все места, состоящие в распоряжении Комитета 18-го Августа, равно как и в другие должности, от Комитета не зависящие»¹⁷⁴.

Начиная с правления Павла I для офицеров, переходивших на гражданскую службу, в том числе в полицию, переименование в гражданские

¹⁷¹ Именной указ от 15 мая 1837 года «О замещении полицейских мест в Кавказской области военными офицерами» // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XII. Отд. 1. № 10241.

¹⁷² Сенатский указ от 30 июля 1846 года «О неопределении в С.-Петербургскую городскую полицию отставленных от военной службы за дурное поведение» // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXI. Отд. 2. № 20270.

¹⁷³ Именной указ от 21 апреля 1859 года // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXXIV. № 31981.

¹⁷⁴ Именной указ от 25 января 1856 года «О прикомандировании к военно-учебным заведениям тяжелораненых в настоящую войну штаб и обер-офицеров» // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXXI. Отд. 1. № 30098.

чины являлось обязательным. По указу от 7 июля 1816 года Комитету предписывалось переименовывать в гражданские чины на общем основании и отставных раненых офицеров, назначаемых на должности, за исключением полицмейстеров и городничих, которые по закону от 24 ноября 1810 года могли определяться к должности с сохранением прежних воинских чинов. Во многом благодаря этому в первой четверти XIX века произошло значительное увеличение числа отставных военных, служивших на должностях полицмейстеров и городничих¹⁷⁵.

По предложению Комитета министров 26 февраля 1819 года сенатским указом сторожам и полицейским служителям впредь надлежало назначаться из нижних чинов военного ведомства¹⁷⁶. В полицию откомандировывались, как правило, далеко не лучшие военнослужащие, однако заменить неспособных нести полицейскую службу было непросто: для этого требовалась «продолжительная переписка с военным ведомством, которое естественно затруднялось исполнять подобные требования»¹⁷⁷. Главным преимуществом пополнения рядов полиции за счёт отставных раненых военнослужащих или откомандирования армейских чинов являлась экономия средств на её содержание. Вместе с тем нельзя не признать, что в конкретных исторических условиях подобный порядок комплектования был оптимальным: бывшие военнослужащие, получившие армейскую выучку и военную закалку, были объективно лучше подготовлены к выполнению функций охраны общественного порядка, нежели гражданские лица без соответствующего опыта.

¹⁷⁵ Марасанова В.М., Мельникова И.Г. Комплектование кадров чиновников губернских учреждений в первой четверти XIX в: опыт Верхнего Поволжья // Ярославский педагогический вестник. 2013. №3. С. 38.

¹⁷⁶ Сенатский, с изъяснением Высочайше утвержденного положения Комитета Министров. «О назначении сторожей и Полицейских служителей из нижних воинских чинов военного ведомства» // ПСЗ Собр. 1. Т. XXXIII. № 27699. СПб., 1830.

¹⁷⁷ Аказеев Д.М. Развитие системы работы с кадрами полиции Российской империи (XVIII – начало XX века). Историко-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук. М., 2017. С. 85.

Даже с введением в ходе реформ Александра II принципа комплектования полиции по вольному найму предпочтение в кадровой политике по-прежнему отдавалось отставным военным, и сохранялась практика назначения военных офицеров на руководящие полицейские должности. Это свидетельствует о том, что данная модель, при всех её недостатках, рассматривалась властью как наиболее приемлемая на протяжении длительного времени¹⁷⁸.

Вместе с тем направление в полицию раненых отставных штабс- и обер-офицеров, как и других категорий военнослужащих из армии, не решило системных кадровых проблем Министерства полиции и МВД. В рассматриваемый период остро проявлялись высокий уровень некомплекта, текучесть кадров и недостаточное материальное обеспечение служащих полиции (о чём подробнее речь пойдёт в следующем параграфе). Наиболее тяжёлая ситуация складывалась на низовом уровне, где чиновники были перегружены многочисленными обязанностями. За упущения по службе заседателей и исправников перемещали на так называемые временные должности, что ухудшало их материальное положение и понижало уровень социальных и правовых гарантий. В результате эти должности становились настолько непопулярными, что сделались «предметом презрения в глазах лучшей части дворянства»¹⁷⁹.

В николаевскую эпоху власть уделяла значительное внимание качественной работе с кадрами и их профессиональной подготовке. Был предпринят ряд мер по улучшению условий службы и карьерных перспектив в полицейских органах. Рядовые полицейские получили возможность дослужиться до унтер-офицера, что давало значительную прибавку к жалованью. Унтер-офицер полиции после сдачи соответствующего экзамена

¹⁷⁸ Аказеев Д.М. Развитие системы работы с кадрами полиции Российской империи (XVIII – начало XX века). Историко-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук. М.: 2017. С. 85.

¹⁷⁹ Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях с 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872. С. 115.

мог получить низший, четырнадцатый классный чин в соответствии с Табелью о рангах, что освобождало его от телесных наказаний и давало право на повышение жалованья вдвое. Этот чин сохранялся за ним и в случае увольнения из полиции; лишение классного чина могло быть осуществлено только по решению суда. Право на экзамен предоставлялось при условии безупречной службы полицейского, а если он являлся квартальным надзирателем, то учитывалось и состояние дел во вверенном квартале¹⁸⁰.

На экзамене от унтер-офицера требовалось знание «Краткого катехизиса», содержавшего основные положения христианского вероучения, свободное и грамотное чтение и письмо, а также владение арифметикой. Отдельно проверялись знание инструкции квартальному надзирателю, правил служебной переписки и учёта правонарушений, «правил первоначальных следственных действий»¹⁸¹. Не выдержавшему экзамен предоставлялась ещё одна попытка. Введение такой проверки означало расширение требований к подготовке полицейских служащих и было одним из шагов к профессионализации службы. Однако экзамен позволял установить знания кандидата на момент назначения, тогда как приобретение практических навыков требовало дальнейшего обучения. При отсутствии постоянной подготовки и сохранении сословного порядка комплектования экзаменационные требования не решали всей задачи обеспечения полиции квалифицированными людьми.

Отличившихся полицейских поощряли наградами за мужество, заслуги и длительную беспорочную службу. К середине XIX века порядок награждения определялся главой IV «Устава о службе по определению от правительства»; позднее его уточняли отдельными постановлениями¹⁸². Для офицеров и классных чинов существенное значение имели должность и

¹⁸⁰ Борисов А. В., Дугин А. Н., Малыгин А. Я. и др. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995. С. 78.

¹⁸¹ Борисов А. В., Колодкин Л. М. Становление и развитие юридического образования в дореволюционной России. М., 1994. С. 43.

¹⁸² Устав о службе по определению от правительства СПб., 1832. С. 237.

выслуга лет. Поэтому по награде можно было судить как о заслугах служащего, так и о месте, которое он занимал в государственной службе. Зависимость от должности и стажа ослабляла значение награждения как непосредственной оценки полицейской работы. К числу поощрений относился и Знак отличия беспорочной службы, учреждённый 22 августа 1827 года. Его предназначали для чиновников и офицеров, которые в течение длительного времени положительно зарекомендовали себя на службе.

Награждение не устраняло материальных затруднений полицейской службы. Во второй трети XIX века жалованье оставалось небольшим, а возможности продвижения — ограниченными. Уменьшились и сословные преимущества, которые могла дать такая должность. По манифесту 1845 года «О порядке приобретения дворянства службой» восьмой класс гражданской службы, соответствовавший должности городничего, уже не давал права на потомственное дворянство. Таким образом, служащий мог рассчитывать на награды и отдельные поощрения, но его доходы и дальнейшее положение определялись скромным содержанием и ограниченными возможностями полицейской карьеры.

В 1825-1862 гг. городская полиция комплектовалась по общим для Российской империи правилам местного управления и государственной службы. При рассмотрении кандидата принимали во внимание его происхождение, образование, поведение и прежнюю службу. Полицмейстерами и городничими становились преимущественно отставные офицеры. Значительную роль в их назначении играл Комитет 18 августа 1814 года, через который военные после отставки получали возможность продолжить службу. Замещение полицейских должностей соединялось тем самым с поддержкой нуждавшихся офицеров. Вместе с тем боевой опыт и умение руководить подчинёнными не заменяли знания полицейских законов и порядка ведения дел. На низшие должности также поступали отставные военные и другие служащие без специальной полицейской подготовки. Осваивать круг новых обязанностей им приходилось уже после назначения.

Для улучшения состава полиции вводились испытания и экзамены, уточнялись условия поступления, поощрялась продолжительная беспорочная служба. Городская полиция Смоленской губернии подчинялась этим общероссийским правилам. Однако сами назначения сохраняли сословный характер, а постоянного обучения полицейских создано не было. Значительная часть работы по подбору людей оставалась за губернским начальством. Оно представляло кандидатов центральным учреждениям и определяло, кто из них мог занять ту или иную должность. Поэтому состав полиции отдельных городов различался по подготовке и служебному опыту. Для охраны общественного порядка требовалось исполнять многочисленные надзорные, административные и розыскные обязанности. Успешность этой работы зависела от способности назначенного служащего освоить полицейское дело наряду с соблюдением установленных законом условий приёма.

2.2. Организация городской полиции: общий штат, иерархия должностей и система финансирования

После преобразований Петра I порядок в Смоленске поддерживали воинские команды, подчинявшиеся воеводам и губернаторам. Сходное устройство существовало и в других провинциальных городах. С 1782 года в Российской империи начали учреждать управы благочиния, но в Смоленске сохранялось влияние его положения как города-крепости. Полицейскими делами здесь занимался обер-комендант¹⁸³. При Павле I круг его обязанностей определял Воинский устав 1796 года. В нём употреблялась формула «губернатор и (или) комендант», поскольку часть полномочий этих должностных лиц совпадала. Комендант надзирал за строительством укреплений и арсеналом, проверял караулы, назначал места сбора при тревоге и наблюдал за подчинением в гарнизоне. При необходимости он мог посылать

¹⁸³ Никитина Н.В. Смоленские коменданты в конце XVIII - первой половине XIX вв. / Н.В. Никитина // Научный сборник Государственного музея "Смоленская крепость": Материалы III Международной научно-практической конференции и I Международной конференции, Смоленск, 01 февраля – 01 2023 года. Смоленск: ООО "Свиток", 2023. С. 136-137.

команды для задержания «разбойников или мошенников». Таким образом, военная администрация города участвовала и в охране общественного порядка: распоряжения начальника гарнизона распространялись на дела, которые позднее сосредоточились у городской полиции¹⁸⁴.

В начале XIX века в Смоленске появилась Управа благочиния, на которую возлагалось руководство городской полицией. Её служащие определялись по законодательству 1803 года, связанному с прежними положениями «Устава благочиния, или Полицейского» 1782 года. Перед вступлением в должность каждый из них должен был принести письменную присягу, обязательную для начала службы¹⁸⁵.

Полицейское деление города начиналось с частей, которыми заведовали частные приставы. Каждая часть состояла из кварталов. В небольших городах промежуточное деление на части не предусматривалось: по Уставу благочиния города, имевшие менее пятисот домов, делились сразу на кварталы с квартальными надзирателями. В Смоленской губернии частные приставы служили только в губернском центре. Уездные города имели квартальное устройство, и надзор в них осуществлялся без этого промежуточного звена. Таким образом, общие правила применялись с учётом величины города.

Смоленской городской полицией руководил полицмейстер, уездной - городничие. В Смоленске распоряжения полицмейстера поступали частным приставам, а от них квартальным надзирателям. В уездных городах надзиратели подчинялись непосредственно городничему. При полиции состояли команды из унтер-офицеров и рядовых, исполнявшие её распоряжения. Отдельная пожарная команда занималась противопожарной службой, а канцелярия вела переписку и остальные дела. Число должностей зависело от местных условий. В малых городах квартальных надзирателей

¹⁸⁴ Воинский Устав «О полевой пехотной службе» // ПСЗ Собр. 1. Т. XXXII. № 17588. СПб., 1830.

¹⁸⁵ ГАСО. Ф. 451. Оп. 1. Д. 291. Л. 3-3 об.

могло не быть, и тогда городничий сам распоряжался полицейской и пожарной командами. Канцелярский состав также определялся величиной учреждения. Поэтому при общей системе подчинения распределение повседневных обязанностей в городах губернии различалось.

В царствование Николая I был утверждён окончательный штат городской полиции Смоленска (1829 год), который с незначительными изменениями 1853 года просуществовал до 1862 года. По этому штату вся полицейская и пожарная команды в городе насчитывали 130 человека, из них: один полицмейстер, три частных пристава, шесть квартальных надзирателей, шесть городских унтер-офицеров, 41 рядовой, остальные - канцелярские служащие и пожарная команда. Отсюда следует, что непосредственно исполнявших функции охраны правопорядка в городе (включая казначея и писарей) было 67 человек. Эта численность сохранялась на протяжении всего царствования Николая Павловича. Фактическая численность нижних чинов в Смоленске незначительно отличалась от штатной: уже в 1830 году, после утверждения штатов, рядовых в городе насчитывалось 42 вместо 41, и эта цифра оставалась неизменной до 1862 года¹⁸⁶. По всей видимости, это было обусловлено равным распределением нижних чинов между тремя частями города (42 делится на три, обеспечивая каждую часть 14 нижними чинами).

В уездных городах организация полиции была скромнее. В большинстве из них в помощь городничему предусматривались квартальные надзиратели: в Вязьме - четыре, в Поречье - три, в Белом, Гжатске, Рославле, Сычёвке и Дорогобуже - по два. Красный, Духовщина, Ельня и Юхнов из-за своей малочисленности квартальных надзирателей не имели¹⁸⁷.

Местные власти иногда шли на самостоятельное изменение штатной численности, если в этом возникала необходимость. В 1828 году Комитет министров, по предписанию управляющего МВД, о награждении служащего в г. Духовщине Егорова чином коллежского регистратора. Но выяснилось, что

¹⁸⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1830 г. Д. 6. Л. 35; Оп. 4. 1862 г. Д. 241. Л. 34.

¹⁸⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1828 г. Д. 18. Л. 20-129 об.

Егоров служил квартальным надзирателем с 1820-го года, а в штате г. Духовщина данной должности не было предусмотрено¹⁸⁸. Генерал-губернатор Н.Н. Хованский в своём ответе указал на большую численность городского населения - 1295 человек в 367 домах, и на внушительные городские доходы - 7 040 рублей, в связи с чем просил сохранить утверждённый им полицейский штат для г. Духовщина: «В штатах сих для города Духовщины положены: городничий 1, с жалованьем 700 рублей, квартальный 1, с жалованьем 360 руб., письмоводитель 1, с жалованьем 350 руб., писцов среднего разряда 1, с жалованьем, равно на паёк и одежду 350 руб., нижнего разряда 1, с жалованьем, также на паёк и одежду 300 рублей; и на канцелярский расход 200 рублей»¹⁸⁹. По отчёту 1828 года выяснилось, что количество жителей совпадает с ответом генерал-губернатора, а вот доходов всего лишь 3880 руб., против расходов в 6542 руб., а недостающие 2662 руб. собирались с жителей по раскладке. Управляющий МВД также в контраргументации придерживался сословного и гендерного принципа, указывая, что в городе «купцов только 40 и мещан до 538 мужского пола душ», потому большой штат полицейских в городе не нужен. Также для Комитета министров категорически неприемлемым было предложение генерал-губернатора Н.Н. Хованского переложить расходы содержания полиции в 2260 рублей на казну. В итоге: «Комитет, соглашаясь с заключением управляющего Министерством внутренних дел, принял решение Полицейское управление в городе Духовщине оставить в настоящем положении и Квартального надзирателя туда не отправлять»¹⁹⁰.

В 1853 году, накануне Крымской войны, была проведена унификация городских полицейских команд в зависимости от численности жителей городов, на основе которой МВД поручалось составить особые штаты по

¹⁸⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1828 г. Д. 202. Л. 2-3.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 202. 1828 г. Л. 43-43 об.

¹⁹⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 202. 1828 г. Л. 53-57.

каждому городу с учётом местной специфики¹⁹¹. В Смоленской губернии особые штаты оказались меньше общих, особенно сильно (менее чем на 70 %) были урезаны малые города: Юхнов и Красный. Меньше всего пострадал Смоленск. В целом особые штаты оказались вдвое меньше общих (см. Приложение 1). Такая разница объясняется, с одной стороны, скромными городскими доходами (содержание полицейской команды по-прежнему возлагалось на городской бюджет), с другой - малыми торговыми оборотами: штаты полиции меньше сокращались в городах с активной торговлей и ярмарками.

К началу 1850-х годов деятельность смоленской полиции перестала удовлетворять губернатора, в первую очередь из-за малочисленности сотрудников. Однако решить эту проблему не удавалось из-за слабых финансовых возможностей местного бюджета, и она оставалась актуальной вплоть до периода Великих реформ, когда всё устройство полиции было полностью изменено¹⁹².

В Смоленске как центре губернии главами городской полиции являлись полицмейстеры. На сегодняшний день удалось установить имена почти всех чиновников, занимавших эту должность в первой половине XIX века после министерской реформы Александра I. В период с 1805 по 1807 год полицмейстером был титулярный советник Андрей Васильевич Губин. Затем, с 1807 по 1812 год, эту должность занимал титулярный советник Дмитрий Васильевич Сверчков. С 1813 по 1821 год полицмейстером служил титулярный советник Иван Иванович Цетреус¹⁹³. Становление института

¹⁹¹ Высочайше утверждённое положение Комитета Министров, опубликованное 29 июля. «Об устройстве в городах полицейских команд» // ПСЗ Собр. 2. Т. XXVIII. № 27372. СПб., 1854.

¹⁹² ГАСО. Ф. 1. Оп.2. 1851 г. Д. № 405. Л. 10-12.

¹⁹³ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1805—1821. СПб., 1805—1821

полицмейстеров в Смоленской губернии в первой четверти XIX века была раскрыта Н.В. Никитиной¹⁹⁴.

В рамках настоящей работы особое внимание уделено деятельности полицмейстеров Смоленской губернии эпохи Николая I, что позволяет проследить ключевые тенденции кадровой политики в городской полиции второй трети XIX века на примере губернского центра. Главами городской полиции этого периода были: полковник Александр Степанович Адамович (1821-1830), подполковник Никифор Лукьянович Юров (1830-1842), поручик Василий Яковлевич Бобруйко (1842-1843), армейский полковник Иван Николаевич Глинка (1843-1847), майор Иосиф Николаевич Шаховский (1848-1849), капитан Николай Николаевич Суровцов (1849-1851), майор барон Семён Фёдорович Эльснер (1851-1859), титулярный советник Игнатий Михайлович Данилович (1861-1862)¹⁹⁵.

Биографии смоленских полицмейстеров николаевского времени дают отчётливое представление о кадровых приоритетах власти. Почти все они были отставными военными, имевшими боевой опыт.

Полковник Александр Степанович Адамович (1821-1829) родился в 1784 году в сельце Высокое Смоленского уезда. Прошёл путь от унтер-офицера до штабс-капитана (1804-1812), за отличие при взятии Полоцка и в сражении при Краоне пожалован в капитаны и награждён золотым оружием «За храбрость». Участвовал в Заграничных походах 1813-1814 годов, произведён в майоры. В 1817 году уволен из армии в чине подполковника, в

¹⁹⁴ Никитина Н.В. Становление института полицмейстеров в конце XVIII — первой трети XIX века в городах российской провинции (на материалах Смоленской губернии) / Н.В. Никитина, А.А. Костин // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4(48). С. 290-303. DOI 10.35785/2072-9464-2019-48-4-290-303.

¹⁹⁵ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821—1842. СПб., 1821—1842; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2: 1843—1850. СПб., 1843—1850; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 2: Власти и места управления губернс., областного, окружного, уездн., городского и ведомства их. 1851—1857; Памятная книжка Смоленской губернии на 1855—1862 гг. / изд. Смолен. губ. стат. ком. Смоленск, 1855—1862; Высочайше утвержденные Временные Правила об устройстве полиции в городах и уездах губернии, по общему учреждению управляемых // ПСЗ Собр. 2. Т. XXXVII. Ч. 2. №39087. СПб., 1862.

1821 году назначен полицмейстером в Смоленск¹⁹⁶. Был награждён орденами Св. Владимира IV степени с бантом и Св. Анны IV класса, серебряной медалью за участие в Отечественной войне 1812 года. Владел имением Высокое в Смоленском уезде (30 душ крестьян). Был женат, имел сына. Вышел в отставку в 1829 году, умер в 1839 году¹⁹⁷.

Подполковник Никифор Лукьянович Юров (1829-1840) происходил из солдатских детей Вятской губернии. В армию поступил рядовым в 1808 году, участвовал в кампаниях против Австрии (1809) и Турции (1809-1811)¹⁹⁸. В Отечественную войну участвовал в обороне Смоленска, Бородинском сражении, боях при Тарутино и Малоярославце. В Заграничных походах 1813-1814 годов за отличие в Дрезденском сражении произведён в прапорщики, ранен при взятии Парижа. Уволен в чине подполковника в 1825 году. Выйдя в отставку, обращался в Комитет о раненых с прошениями о назначении на гражданскую службу. В декабре 1829 года получил пост полицмейстера Смоленска; особую роль в назначении сыграло личное знакомство со смоленским гражданским губернатором Н.И. Хмельницким¹⁹⁹, прослужил более десяти лет, ушёл в отставку в 1840 году²⁰⁰.

В 1842 году на должность смоленского полицмейстера был назначен поручик Василий Яковлевич Бобруйко - единственный из известных полицмейстеров Смоленской губернии данного периода, не имевший боевого опыта²⁰¹. Он зарекомендовал себя прилежным служащим на предыдущих постах (был городничим в Козельске) и сам инициировал перевод в Смоленск, обратившись с прошением к управляющему МВД графу А.Г. Строганову²⁰².

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 99. Л. 85–86.

¹⁹⁷ ГАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 165. Л. 244-247 об.; Д. 547. Л. 274-279.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7 (1840). Д. 140. Л. 8.

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7 (1829). Д. 526. Л. 18; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1830. СПб., 1830. С. 58 – 66.

²⁰⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7 (1840). Д. 140. Л. 8.; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1841. СПб., 1841. С. 39 – 44.

²⁰¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 140. 1840 г. Л.17 об.

²⁰² РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 140. 1840 г. Л.6.

Однако на посту полицмейстера Бобруйко никак себя не проявил, и в 1844 году был переведён городничим в Гжатск, значительно меньший по размерам город губернии, где прослужил до 1847 года²⁰³. Этот опыт, по-видимому, способствовал тому, что впоследствии на должность смоленского полицмейстера лица без боевого опыта не назначались.

Полковник Иван Николаевич Глинка (1844-1848) был представителем старинного рода смоленской шляхты. Учился в Морском шляхетском кадетском корпусе, в службу вступил в 1797 году. Участвовал в Отечественной войне 1812 года, во время которой отличился, за два дня построив переправу через Днепр у села Соловьёво для отступающей русской армии. В 1818 году ушёл в отставку в звании полковника по болезни. В отставке избирался предводителем духовщинского дворянства (с 1823 по 1832 год). Несмотря на арест брата Фёдора Николаевича, участника движения декабристов, карьера Ивана Николаевича не пострадала. В 1840 году Николай I пожаловал ему тысячу десятин земли за годы верной службы. В 1842 году поступил на службу городничим Гжатска, а с 1844 года возглавил смоленскую городскую полицию. По личной просьбе в 1848 году переведён городничим в Духовщину, чтобы находиться ближе к своим имениям. Ушёл в отставку по старости в 1850 году, умер в 1854 году²⁰⁴.

После перевода И.Н. Глинки в руководстве смоленской полиции наступил период частых смен: в 1848 году главой полиции был назначен майор Иосиф Николаевич Шаховский, в 1849 году - капитан Николай Николаевич Суровцев (вскоре перемещённый городничим в Поречье, где пробыл до 1859 года)²⁰⁵. С 1851 года смоленским полицмейстером стал майор барон Семён Фёдорович Эльснер. Он родился в Витебске в 1796 году, получил военное образование, участвовал в войне шестой коалиции (1813-1814) и в Кавказской

²⁰³ Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2: 1847. СПб., 1847. С. 173-177.

²⁰⁴ Серков А.И. Русское масонство. 1731-2000: Энцикл. слов. / А.И. Серков. М. : РОССПЭН, 2001. С. 243.

²⁰⁵ Памятная книжка Смоленской губернии на 1859 год / изд. Смолен. губ. стат. ком. Смоленск, 1859. С. 151.

войне (1817-1864). В 1841 году произведён в майоры. Служил городничим Малоярославца и Перемышля (1845-1850), полицмейстером в Смоленске (1850-1859), городничим Поречья (1859-1863)²⁰⁶. Последним дореформенным смоленским полицмейстером был назначен титулярный советник Игнатий Михайлович Данилович, пробывший в должности до 1862 года²⁰⁷.

В уездных городах полицию возглавляли городничие. На основе изученных материалов удалось установить, что лишь каждый десятый начальник полиции в уездных городах Смоленской губернии был выходцем из гражданских лиц; остальные в прошлом служили в армии и после выхода в отставку получали должности в гражданском полицейском ведомстве (см. Приложение 2). Величина или значимость уездного города не имели определяющего значения для принципа назначения начальников полиции. Так, в Смоленске и Вязьме выявлено по одному случаю, когда высшие полицейские должности занимали чиновники без опыта военной службы, а в маленькой и отдалённой от центра Духовщине все городничие второй трети XIX века были отставными военными.

Как видно из таблицы (см. Приложение 2), составленной нами, в городских полициях Смоленской губернии доля служащих выходцев из военных чинов была стабильно высокой. Причём в царствование Николая I опора на военное сословие увеличилась по сравнению с эпохой его предшественника. Это могло быть вызвано как наличием большого количества боевых офицеров, вышедших на пенсию в 1820-1830-е годы и искавших дополнительные средства к существованию, так и поворотом правительства к лояльным людям после событий на Сенатской площади в 1825 году. Если на должность начальника городской полиции и попадал служащий не из армейской среды, то служил он недолго - в среднем до трёх лет: надворный советник Иван Иванович Шолтец пробыл в должности

²⁰⁶ Немцы в России: энциклопедия: т. 3: П-Я. М., «ЭРН», 2006. С. 829-830.

²⁰⁷ Памятные книжки Смоленской губернии на 1860-1862 гг. Смоленск: изд. Смолен. губ. стат. ком., 1860-1862.

городничего Белого около трёх лет; Иван Васильевич Лопатин был городничим в Вязьме два года, но так и не был официально утверждён; в 1855 году в Ельне исполняющим обязанности городничего в течение одного года был коллежский советник Аркадий Антонович Корвин-Круковский²⁰⁸. Всё это подтверждает, что власть предпочитала назначать на полицейские должности отставных военных.

Абсолютное большинство городничих Смоленской губернии, занимавших должности в 1820-1830-е годы, были участниками Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813-1814 годов. Более 80% из них были награждены за боевые действия. Примером может служить бельский городничий Степан Иванович Савицкий получивший Георгиевский крест IV степени за военные действия против французов²⁰⁹, или вяземский городничий Василий Иванович Смирнов, удостоенный за Бородино ордена Святого Георгия²¹⁰.

По мере ухода ветеранов Отечественной войны в отставку из-за болезней и преклонного возраста на освободившиеся должности приходили ветераны новых войн: русско-турецкой, русско-персидской, подавления польского восстания 1830 года, Кавказской войны. Примером назначения представителя нового поколения стал городничий Белого подполковник Пётр Семёнович Калацкий. Он происходил из дворян Бельского уезда, где имел родовое имение. В военных походах участвовал с 1828 года: сначала против турок, затем против поляков, получил ранение. Уволился из армии с пенсионом полного содержания и поступил на гражданскую службу. С 1844 года в возрасте 37 лет был утверждён городничим Белого²¹¹.

Крымская война стала следующим рубежом. В кадровой политике городской полиции она сыграла ту же роль, что и предыдущие войны: дала

²⁰⁸ Памятная книжка Смоленской губернии на 1855–1862 гг. Смоленск: изд. Смолен. губ. стат. ком., 1855-1862.

²⁰⁹ ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1944. Л. 1 об. – 22.

²¹⁰ ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 2070. Л. 1 об. – 4.

²¹¹ ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 889. Л. 1 об. – 8.

новое поколение отставных офицеров, которые начали заполнять вакансии городничих по мере ухода прежних ветеранов. Практика назначения на эти должности военных с боевым опытом сохранялась. Менялся только состав - место участников войн с Наполеоном и кавказских кампаний занимали те, кто прошёл Крымскую.

Показательный пример: майор Иван Васильевич Кареев, утверждённый городничим Гжатска в июле 1856 года. Он прошёл боевую закалку в походах в Венгрию и в ходе Крымской войны, служа в Бородинском егерском полку. За отличия был удостоен орденов Св. Анны и Св. Владимира 2-й степени с бантами, а также двух медалей. Его назначение продолжало ту же линию, что и у предшественников.

Именной указ 25 января 1856 года «О прикомандировании к военно-учебным заведениям тяжелораненых в настоящую войну штаб и обер-офицеров» прямо разрешал офицерам участникам Крымской войны поступать «в должности Городничих, Полицеймейстеров и вообще на все места, состоящие в распоряжении Комитета 18-го Августа»²¹². Тем самым власть по-прежнему опиралась на проверенных в боевых условиях людей, предпочитая их гражданским чиновникам²¹³.

На основе изученных биографий городничих можно составить коллективный портрет типичного начальника полиции уездного города Смоленской губернии 1820-1850-х годов, который условно делится на два типа.

Первый тип - отставной военный, участвовавший в походах, получивший ранение, но достаточно рано вышедший на пенсию, имеющий большую семью, беспоместный или владеющий незначительным поместьем. Необходимость в доходах заставляла его продолжать службу, поскольку он

²¹² Именной указ от 25 января 1856 года «О прикомандировании к военно-учебным заведениям тяжелораненых в настоящую войну штаб и обер-офицеров» // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXXI. Отд. 1. № 30098.

²¹³ ГАСО. Ф. 1174. Оп.1. Д. 5. Л. 1 об. – 4.

был достаточно молод, но уже опытен²¹⁴. Таких городничих назначали либо в крупные уездные города, либо в самые малые, где не было квартальных надзирателей, способных им помочь, и приходилось выполнять всю работу самостоятельно. Эталонным представителем этого типа служит городничий Поречья штабс-капитан Василий Иванович Кубаровский. Он происходил из дворян Поречья, имел там поместье с 36 душами; у его супруги также были крестьяне в Смоленском уезде (7 душ). С 1812 года находился в действующей армии, из-за ранений оставил службу и в 1817 году был избран в земский суд Поречского уезда. Имел неоднократные благодарности от начальства: в частности, в 1829 году в уезде под его руководством было поймано 229 беглых крестьян и дезертиров, в течение трёх лет произведено 368 следственных и 2045 частных дел. Был назначен городничим в Поречье в 1846 году в возрасте 50 лет и оставался на службе до 1850 года²¹⁵.

Второй тип - пожилые отставные военные в преклонных годах, возраст которых не позволял быстро и эффективно реагировать на экстремальные ситуации, оказавшиеся на своих должностях благодаря протекции свыше. Зачастую они не задерживались на службе долго, уходили в отставку из-за болезней или по старости, а некоторые умирали на служебном посту²¹⁶. Обычно представители этого типа назначались в города средних масштабов, где были квартальные надзиратели, но численность жителей и торговые обороты оставались небольшими. Вторым тип встречался значительно реже: к нему можно отнести лишь каждого четвёртого городничего. Типичным представителем является поручик Василий Фёдорович Шкляревич, городничий Рославля, вступивший в должность в возрасте 69 лет и пробывший в ней пять лет²¹⁷.

²¹⁴ ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 567. Л. 1 об. – 8; Д. 889. Л. 1 об. – 8; Д. 1361. Л. 1 об. – 16; Д. 1944. Л. 1 об. – 22; Д. 2070. Л. 1 об. – 4; Д. 2478. Л. 1 об. – 18; Д. 2566. Л. 1 об. – 8; Д. 2664. Л. 1 об. – 4; Д. 1361. Л. 1 об. – 16; Д. 2664. Л. 1 об. – 4; Д. 1877. Л. 1 об. – 4.

²¹⁵ ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1121. Л. 1 об. – 4.

²¹⁶ ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 576. Л. 1 об. – 9; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1829 г. Д. 20. Л. 1-10 об.; РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. №142. 1837 г. Л. 5-5 об.

²¹⁷ ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 2563. Л. 1 об. – 8.

Таким образом, в начальники городских полиций центральная власть назначала преимущественно людей военных, в большинстве своём участвовавших в военных походах. Такой выбор кадров был обусловлен, во-первых, решением вопроса трудоустройства и социализации отставных военных; во-вторых, расчётом Петербурга на то, что такие люди легко завоюют авторитет как среди местной элиты, так и смогут организовать вверенный им контингент, а недостаток бюрократического опыта компенсируют подчинённые им чины, речь о которых пойдёт ниже.

В Смоленской губернии институт частных приставов существовал только в губернском центре. Продвижение по службе шло поэтапно: от квартального надзирателя к частному приставу, причём повышение зависело прежде всего от того, как чиновник справлялся с текущими поручениями и мог ли он решать задачи разного рода. В этом отношении показательна карьера Павла Климентьевича Грудзинского. Начав службу кварталным надзирателем в декабре 1844 года, он одно за другим выполнял поручения повышенной сложности. Успешно исполнял обязанности городничего Белого — это было публично отмечено благодарностью генерал-губернатора и публикацией в «Губернских ведомостях». Затем обеспечил своевременный набор рекрутов в Рославльском уезде, временно замещал рославльского городничего, организовал поимку семидесяти беглых крестьян со стройки Невельского шоссе. После этого его назначили частным приставом Смоленска. Впоследствии ему не раз поручали ответственные задачи: набор рекрутов, временные исполнения должности городничего в Дорогобуже и другие. В 1848 году, после перевода И.Н. Глинки, он даже исполнял обязанности смоленского полицмейстера. Пример Грудзинского показывает, что при оценке чиновников учитывали не только происхождение и боевой опыт, но и практическую результативность в решении административно-полицейских задач²¹⁸.

²¹⁸ ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 566. Л. 1 об. — 16.

Квартальные надзиратели составляли основное звено служащих городской полиции. Во всех крупных уездных городах именно они выполняли основные правоохранительные и организационные функции. На основе изученных материалов во второй трети XIX века нас удалось составить два собирательных образа квартальных надзирателей.

Первый и самый распространённый тип: квартальный надзиратель - молодой человек, по происхождению из дьяконовских, солдатских, обер-офицерских детей, крайне редко дворян, обученный грамоте. Карьерная лестница начиналась для него с должности копииста в 13-14 лет в одном из местных правлений, к 27-30 годам он достигал должности квартального надзирателя, в которой оставался в течение 5-15 лет. Таким образом, это был молодой, энергичный, грамотный человек, которому, однако, не хватало жизненного опыта и понимания реалий на местах, так как весь его опыт носил канцелярский характер²¹⁹. Достаточно репрезентативным является пример карьеры квартального надзирателя Мартынова Михаила Матвеевича: сирота, воспитанник Смоленского приказа общественного призрения, он поступил на службу в городскую полицию писцом 3-го разряда, через 10 лет перешёл учеником в городскую брандмейстерскую команду, а затем получил должность квартального надзирателя²²⁰.

Второй тип квартального надзирателя встречался реже. Это отставной солдат или унтер-офицер, участвовавший в походах, получивший ранения, обычно в возрасте 45-55 лет. Для активной службы он подходил хуже, в бюрократии разбирался слабо, зато знал военную жизнь, умел командовать нижними чинами, и те его слушались²²¹. Два этих типа сосуществовали одновременно. Молодые канцеляристы тянули административную работу, отставные солдаты держали дисциплину.

²¹⁹ ГАСО. Ф.2. Оп. 42. Д. 724. Л. 1 – 19; Д. 820. Л. 1 об. – 2; Д. 1046. Л. 1 об. – 2; Д. 1193. Л. 1 об. – 2; Д. 1284. Л. 1 об. – 2; Д. 1327. Л. 1 об. – 2; Д. 1739. Л. 1 об. – 2; Д. 1803. Л. 1 об. – 2; Д. 1856. Л. 1 об. – 2; Д. 1912. Л. 1 об. – 2; Д. 1986. Л. 1 об. – 2; Д. 2. Л. 1 об. – 2.

²²⁰ ГАСО. Ф.2. Оп. 42. Д. 1357. Л. 1 об. – 15.

²²¹ ГАСО. Ф.2. Оп. 42. Д. 263. Л. 1 об. – 7 об.; Д. 419. Л. 1 об. – 2; Д. 705. Л. 1 об. – 2; Ф.516. Оп. 1. Д. 111. Л. 65 об. – 66.

Низшую ступень канцелярской службы занимали писцы, разделявшиеся на три разряда: третий, второй и первый. В полиции уездных городов преобладали писцы третьего, низшего разряда. Их жалованье составляло 50–55 рублей²²². Писцы второго и первого разрядов встречались значительно реже. Они служили при полицмейстерах и городничих и получали 85–90 рублей²²³.

Для городской полиции в 1825-1862 гг. было характерно следующее распределение обязанностей. Во главе учреждения обычно стоял отставной офицер 40–50 лет. Он имел опыт командования и служебный авторитет, но зачастую плохо знал гражданское делопроизводство. Квартальным надзирателем мог быть чиновник около тридцати лет, прошедший канцелярскую службу. Зная порядок обращения документов, он помогал начальнику вести дела и разбираться в городском управлении. Писцы приобретали навыки у старших служащих и постепенно пополняли чиновничий состав. Такое сочетание военного опыта начальников и канцелярской подготовки подчинённых поддерживало работу полицейского аппарата в условиях усложнявшихся требований к управлению городом.

В рядовые полицейские преимущественно направляли солдат местного гарнизона, совершивших проступки. При большом объёме обязанностей и значительной ответственности служба оставалась малооплачиваемой и имела невысокий общественный статус, поэтому привлечь в неё людей было трудно. Для улучшения комплектования в 1838 году приняли указ, приравнявший полицейских служащих к унтер-офицерам²²⁴. Жалованье рядовых чинов увеличилось вдвое, а сами они получили освобождение от телесных наказаний. Эти меры улучшали условия службы и должны были повысить её привлекательность²²⁵.

²²² ГАСО. Ф.2. Оп. 42. Д. 472. Л. 1 об. – 2; Д. 609. Л. 1 об. – 18; Д. 805. Л. 1 об. – 4; Д. 1162. Л. 1 об. – 2; Д. 1357. Л. 1 об. – 15; Д. 2717. Л. 1 об. – 2.

²²³ ГАСО. Ф.2. Оп. 42. Д. 349. Л. 1 об. – 12; Д. 778. Л. 1 об. – 2; Д. 2109. Л. 1 об. – 10.

²²⁴ Борисов А.В., Севаницкий В.Е., Скрижов А.Е. Полиция Российской империи в XIX – начала XX в. М., 2001. 224 с.

²²⁵ Борисов А.В., Севаницкий В.Е., Скрижов А.Е. Полиция Российской империи в XIX – начала XX в. М., 2001. 224 с.

В 1846 году А.М. Голицын сообщил Департаменту полиции исполнительной о затруднениях с набором полицейских и пожарных команд. В городах губернии, кроме Смоленска, их пополняли по вольному найму отставными и бессрочноотпускными нижними чинами. Генерал-губернатор указывал, что они, «подчиняясь полицейскому ведомству, не столько, сколько штатные, несут службу с уклонивостью. Попустительные меры над ними нельзя употребить, потому что они, при малейшем взыскании с них за неисполнительность, тотчас удаляются от служительской должности»²²⁶. Частая смена служащих и небрежное обращение приводили также к быстрому износу амуниции. Наконец, вольнонаёмные обходились дороже штатных чинов. Поэтому такой порядок комплектования создавал одновременно дисциплинарные и финансовые затруднения.

Полиция Смоленска комплектовалась по закону 1829 года. Это был единственным городом губернии без наёмных нижних чинов. В остальных городах использовался наёмный труд, оплачивавшийся из городских доходов. Так годовое жалованье нижних полицейских чинов в Вязьме (16 человек) обходилось городу в 612 рублей 80 копеек; в Гжатске и Рославле (по 15 человек) - 504 рубля и 429 рублей соответственно; в Белом (11 человек) - 235 рублей 73 копейки; в Сычёвке (10 человек) - 267 рублей 47,5 копейки в Духовщине (9 человек) - 274 рубля 28,5 копейки; в Поречье (7 человек) - 196 рублей; ; в Ельне (7 человек) - 163 рубля; ; в Юхнове (6 человек) - 240 рублей; в Красном (3 человека) - 72 рубля. В Дорогобуже числилось 18 полицейских служащих, но сумма их содержания неизвестна, часть служащих довольствовалась «от общества натурою» (см. Приложение 3)²²⁷. В среднем один штатный служащий в Смоленске обходился городу в 13 рублей 17 копеек, в то время как в уездном городе вольнонаёмный работник зарабатывал от 21 рубля 43 копеек до 40 рублей в год. Разница между штатным и вольнонаёмным способами комплектования проявлялась не только в

²²⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 10. Д. 738. 1846 г. Л. 1-1 об.

²²⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 10. Д. 738. 1846 г. Л. 3-3 об.; НИАБ. Ф. 1297. Оп. 12. Д. 323. Л. 5.

стоимости, но и в соотношении численности команд с населением городов: Вязьма при населении, сопоставимом со Смоленском, располагала всего 16 нижними чинами - почти в семь раз меньше, а в Дорогобуже с населением 5 500 человек служило 18 чинов - больше, чем в Гжатске и Рославле с сопоставимым числом жителей. Это свидетельствует о том, что штатная численность определялась не столько размерами города, сколько способом комплектования и, вероятно, особыми распоряжениями губернского начальства²²⁸.

Данные о городских доходах позволяют увидеть и экономическую сторону комплектования. Доля расходов на содержание нижних чинов в городском бюджете варьировалась в 1840-е годы от 5,4% в богатой Вязьме (доход 11 300 рублей) до 24% в Юхнове (доход 1 000 рублей). Смоленск тратил на полицейскую команду 1 422 рубля - 23,3% своего бюджета, что было сопоставимо только с Юхновом, но объяснялось не дороговизной найма, а абсолютным размером команды (108 человек). Богатые торговые города, как Вязьма и Гжатск, могли позволить себе содержать наёмные команды без чрезмерного напряжения бюджета. Бедные города были вынуждены либо переплачивать за дефицитную рабочую силу (Юхнов отдавал полицейским почти четверть всех доходов), либо сокращать команды до минимума (Красный - 3 человека)²²⁹. При этом жалованье, очевидно, было недостаточным во всех уездных городах, раз сохранялась текучесть кадров и воздействие через финансовые инструменты было невозможным. Отсюда следует, что вольнонаёмный способ комплектования оказывался дороже штатного при худшем качестве.

Высокие траты и ненадёжность вольнонаёмных нижних чинов заставляли местную власть пытаться сформировать постоянный штат из внутренней стражи, для чего генерал-губернатор и обратился в Департамент полиции исполнительной. Однако центр, не желая увеличивать расходы

²²⁸ Журнал Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. 1843. Ч. 1. С. 287-295.

²²⁹ Журнал Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. 1843, Ч. 1. С. 302-310.

казны, не поддержал эту инициативу, и проблема так и осталась нерешённой. Как итог это негативно сказывалось на всей работе полицейских команд в уездных городах губернии.

Финансирование городской полиции на протяжении всей второй трети XIX века осуществлялось преимущественно из местных бюджетов, что создавало значительную неоднородность в материальном обеспечении служащих. В докладной записке от 1805 года фиксировалось содержание городской полиции Смоленска: жалованье полицмейстера составляло 600 рублей, частного пристава - 300 рублей, квартальных надзирателей - 200 рублей, сторожей, десятских или надвахтеров - 30 рублей. Общие расходы на полицию с учётом полицейской команды, канцелярии и прочего достигали 5 052 рублей, а без учёта пожарной команды - 2 500 рублей²³⁰.

Во время Отечественной войны 1812 года Смоленск сильно пострадал, полиция как институт в городе перестала существовать. В 1813 году на её содержание было потрачено всего 50 рублей из городских средств, а расходы на выплату жалованья взяла на себя казна²³¹. Однако уже к 1817 году расходы выросли до 14 383 рублей (см. приложение 4)²³². В дальнейшем из-за войны государству пришлось прибегнуть к необеспеченной денежной эмиссии, что вело к росту инфляции. Это не могло не отразиться на благосостоянии служащих полиции, и к 1820-м годам возникла необходимость увеличения жалованья.

В 1827 году Смоленским комитетом для уравнивания городских повинностей из-за хронического дефицита бюджета был предложен проект, по которому расходы на содержание полиции планировались в размере 11 637 рублей при общих доходах в 19 340 рублей²³³. Оптимизировать бюджет предполагалось за счёт урезания расходов на полицию. Этот проект не нашёл поддержки в высших кругах, и в конечном итоге в 1829 году жалованье

²³⁰ ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1106. Л. 2 об. - 3.

²³¹ Смоленску - 1160. 2023: Юбилейный стат.сб. / Смоленскстат. 2023. С. 15-16.

²³² Смоленску - 1160. 2023: Юбилейный стат.сб. / Смоленскстат. 2023. С. 19-20.

²³³ НИАБ. Ф.1297. Оп. 1. Т.1. Д. 14543. Л. 126-130.

служащих городской полиции Смоленска было увеличено вдвое: полицмейстер - 1 200 рублей, частный пристав - 600 рублей, квартальный надзиратель - 400 рублей (см. Приложение 5). С учётом увеличившейся полицейской команды городские расходы на полицию составляли в общей сумме 22 922 рубля, без учёта пожарной команды - 9 572 рубля²³⁴.

Расходы на городскую полицию выросли почти в три раза - город их себе позволить не мог. Правительство решило взять расходы на себя на десять лет. Помимо этого, единовременно на устройство пожарной команды отпускалось 16 245 рублей, а на строительство новых домов и полицейских будок - по 35 000 рублей в течение двух лет²³⁵.

По прошествии десяти лет, в 1839 году, Смоленск не восстановился и не смог самостоятельно обеспечивать городскую полицию, о чём сообщил в МВД генерал-губернатор Пётр Николаевич Дьяков. Комитет министров решил продлить субсидию на содержание городской полиции до 1845 года²³⁶, рассчитывая, что после реформ Е.Ф. Канкрин и стабилизации бюджета город сможет обеспечивать свои расходы самостоятельно. По итогу можно заключить, что Смоленск никогда не мог в полной мере самостоятельно содержать полицейский аппарат. После Отечественной войны финансирование на себя взяло государство, что позволило городу и губернии оправиться после Наполеоновского нашествия, однако после завершения дотационного периода полиция вновь стала испытывать хроническую недофинансированность.

²³⁴ Высочайше утверждённый штат Полиции в губернском городе Смоленске // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. IV. №3316. СПб., 1829.

²³⁵ Именной, данный Витебскому, Могилевскому и Смоленскому генерал-губернатору. – О Всемиловитейше дарованном городу Смоленску и жителям оного облегчениях и пособиях // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. V. № 3407. СПб., 1830. Северная пчела. 1830. № 16. Февраль. С. 1-3; № 17. Февраль. С. 3; Журнал Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. 1830, Ч. 4. С. 65-89; Прибавление к Журналу Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. 1831, №2. С. 20-23.

²³⁶ Положение Комитета министров «О продолжении ещё на 5 лет пособия, назначенного городу Смоленску на содержание городской полиции и удовлетворение разных воинских потребностей» // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XIV. №12930. СПб., 1839.

Размеры доходов городничих и сотрудников полиции значительно варьировались в зависимости от того, служили ли они в уездных или в губернском городе. Основной причиной таких расхождений являлись различия в объёмах финансирования управ благочиния из городских средств. Смоленск, будучи крупнейшим городом губернии, содержал больше полицейских команд, нежели уездные центры. В 1833 году расходы казны на обеспечение работы полицейской команды Смоленска составляли 5 498 рублей (без учёта нижних чинов и пожарной команды), что превышало утверждённые по штату 1829 года расходы на 68 рублей. Затраты на содержание городского правления в уездах обычно не превышали 3,5 тысячи рублей²³⁷.

Согласно закону 1802 года «Высочайше утверждённые штаты губерний», все городничие уездных городов имели единый установленный оклад в размере 300 рублей годового жалованья²³⁸. При анализе доходов и расходов необходимо учитывать реформу Е.Ф. Канкрин, затронувшую всю финансовую систему. Был установлен обменный курс: 1 серебряный рубль к 3,5 рублям ассигнациями; с 1843 года начался обмен. Доход городничих возрос, так как стал составлять 285 рублей серебром вместо 300 рублей ассигнациями, и по уездным городам отличался лишь в копейках²³⁹. Помимо этого, им также добавлялась компенсация на оплату жилья в размере 142 рублей 85,2 копейки²⁴⁰. За счёт унификации и увеличения доходов городничих, по задумке властей, должен был вырасти престиж службы и её финансовая привлекательность.

²³⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. 1833 г. Л. 1-6; Ф. 426. Оп. 3. Д. 19. Л. 1-34.

²³⁸ Высочайше утверждённые штаты Губерний: 1) Вятской, 2) Новгородской, 3) Псковской, 4) Калужской, 5) Курской, 6) Киевской, 7) Смоленской, 8) Владимирской, 9) Минской, 10) Ярославской, 11) Костромской, и 12) Тульской // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVII. № 20302. СПб., 1830.

²³⁹ ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 567. Л. 1 об. – 8; Д. 576. Л. 1 об. – 9; Д. 1121. Л. 1 об. – 4; Д. 1361. Л. 1 об. – 16; Д. 1877. Л. 1 об. – 4; Д. 2070. Л. 1 об. – 4; Д. 2478. Л. 1 об. – 18; Д. 2563. Л. 1 об. – 8; Д. 2566. Л. 1 об. – 8; Д. 2664. Л. 1 об. – 4.

²⁴⁰ ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 567. Л. 1 об. – 8; Ф. 1174. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 - 6.

В конце 1840-х годов оклады квартальных надзирателей незначительно различались по уездным городам: самый низкий доход был у квартальных надзирателей в Сычёвке - 84 рубля 90 копеек²⁴¹, при среднем жалованье по губернии 94 рубля 65 копеек (см. Приложение 6). Самый высокий доход ожидаемо был в губернском центре - смоленский квартальный надзиратель получал 114 рублей 28 копеек серебром в год²⁴².

Различия между городами прослеживаются и по сведениям 1830-х годов. В Вязьме было четыре квартала, каждый со своим квартальным надзирателем. В Рославле служили два квартальных надзирателя с годовым жалованьем по 100 рублей и 21 десятский, получавший от 70 до 100 рублей в год. В Белом двум надзирателям выплачивали по 120 рублей. Гжатск делился на два квартала; жалованье каждого квартального надзирателя здесь составляло 175 рублей. Кроме того, 24 полицейских получали в совокупности 1740 рублей ежегодно. В Поречье на трёх квартальных надзирателей приходилось 225 рублей общего годового жалованья. Красный, Юхнов, Сычёвка, Ельня, Духовщина и Дорогобуж по штатному содержанию квартальных надзирателей не имел. По Сычёвке, Ельне, Духовщине и Дорогобужу сведений обнаружено не было²⁴³.

До денежной реформы Канкрин жалованье квартального надзирателя в Смоленске составляло 400 рублей ассигнациями. При пересчёте из соотношения 3,5 рубля ассигнациями за 1 рубль серебром размер оклада сохранялся в соответствующем денежном эквиваленте. Подобным образом пересчитывались и уездные оклады, различавшиеся до реформы. Частный пристав прежде получал 600 рублей ассигнациями, а в 1849 году - 171 рубль 42,75 копейки серебром. Эти суммы также показывают сохранение прежнего оклада после его перевода в новую денежную единицу²⁴⁴.

²⁴¹ ГАСО. Ф.2. Оп. 42. Д. 419. Л. 1 об. – 2; Ф. 516. Оп. 1. Д. 98. Л. 123 – 163.

²⁴² ГАСО. Ф.2. Оп. 42. Д. 1284. Л. 1 об. – 2.

²⁴³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. 1828 г. Л. 20-129 об.

²⁴⁴ ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 566. Л. 1 об. – 16.

Полицейским служащим, не имевшим собственного дома, выдавались квартирные деньги. В изученных делопроизводственных документах такие сведения сохранились только по Гжатску. Здесь квартальный надзиратель получал 85 рублей 71 копейку жалованья, что соответствовало среднему уровню уездной оплаты. На наём жилья доплачивали в пределах 57 рублей в зависимости от стоимости квартиры²⁴⁵. Близость гжатских окладов к окладам других уездных городов позволяет предполагать сходный порядок выплат во всей губернии.

Финансирование городской полиции Смоленской губернии в целом строилось на общих для империи основаниях. Основные расходы несли города, средств которых постоянно не хватало. В 1832 году на полицию было израсходовано 33 674 рубля при общих городских расходах 142 978 рублей 41 копейка, то есть почти четверть всей суммы. Доходы составляли 150 337 рублей 60 копеек и несколько превышали расходы, но это не обеспечивало достаточного содержания полиции²⁴⁶. После реформы Канкрин оклады сохранились в пересчёте на новую денежную единицу, тогда как покупательная способность жалованья оставалась низкой. Такое положение было свойственно многим губерниям. Разница в оплате между Смоленском и уездными городами, квартирные деньги и иные доплаты зависели от служебного положения чиновника и соответствовали сословному порядку. Особенно мало получали нижние чины. Низкое жалованье способствовало частой смене людей, а вольный наём не давал ожидаемых результатов: круг кандидатов фактически ограничивался отставными солдатами, и прежние способы комплектования сохранялись.

Содержание полицейских команд в уездных городах Смоленской губернии обходилось городским бюджетам в суммы, напрямую зависевшие от численности штатов. В Вязьме, где полицейская команда насчитывала 16 нижних чинов, расходы составляли 612 руб. 80 коп. в год, а в Гжатске

²⁴⁵ ГАСО. Ф.2. Оп. 42. Д. 263. Л. 1 об. – 7 об.; Д. 1986. Л. 1 об. – 2.

²⁴⁶ Журнал Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. 1833, Ч. 9. С. 332.

(15 чинов) - 504 руб.²⁴⁷ В Рославле, при той же численности (15 человек), годовые затраты на полицию были ниже - 429 руб., что объясняется и меньшими окладами и более скромной помощью из губернского бюджета. Доходы Рославля в 1843 году составляли всего 3 800 руб., тогда как Вязьма с населением почти вдвое больше (10 400 чел.) имела бюджет в 11 300 руб.²⁴⁸ Небольшие города несли расходы, сопоставимые с затратами крупных центров, и от этого страдали их финансы. Вязьма как крупный торговый центр требовала более серьёзных полицейских сил, чем Рославль, что и отражалось в расходах.

В 1825-1862 годы назначения и перемещения полицейских должностных лиц зависели сразу от трёх сторон: Министерства внутренних дел, губернской администрации и Комитета, Высочайше учреждённого 18 августа 1814 года (далее Комитет о раненых). Комитет трудоустраивал отставных военных, получивших увечья или выслуживших положенные сроки, и через него шло значительное число назначений городничих и полицмейстеров. Боевой опыт, награды, выслуга действовали наряду с протекцией, личными связями и учётом близости к родовым имениям. Поэтому служебные перемещения определялись не только административными нуждами, но и личными обстоятельствами чиновников.

Средний срок службы городничего на одном месте составлял 5-6 лет, а в целом с переводами - 10-15 лет. Чаще всего переводы были связаны с желанием служить поближе к своему поместью, и такие просьбы нередко удовлетворялись. Деятельность Комитета о раненых, регламенты МВД и личные интересы служащих образовывали вместе ту систему, которая определяла кадровую динамику в провинциальной полиции.

Причины назначения новых городничих были разными: уход со службы по состоянию здоровья, увольнение за проступки, смерть на посту.

²⁴⁷ Журнал Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. 1843, Ч. 1. С. 287-295; 302-310.

²⁴⁸ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1836. № 12. С. 27-30.

Конкретные примеры по уездным городам Смоленской губернии это подтверждают. Так, в 1831 году скончался городничий Красного капитан Гедеонов, и встал вопрос о его преемнике. Комитет о раненых выдвинул кандидатуру майора Каменского, офицера с боевым опытом, участвовавшего в войнах с Наполеоном с 1805 года. При выборе учитывался не только послужной список, но и территориальная близость к родовому имению: Каменский происходил из смоленских дворян Бельского уезда, а значит, мог совмещать должность с управлением помещьем. После полугодового испытательного срока, введённого указом 7 марта 1831 года для всех кандидатов на полицейские должности из числа отставных офицеров²⁴⁹, он был утверждён в должности городничего Красного (7 июля 1832 года)²⁵⁰, а позднее переведён на аналогичную позицию в г. Духовщину (1834-1835 гг.)²⁵¹.

Новый случай возник в 1834 году в связи со смертью городничего Белого надворного советника Абруцкого. Майор Каменский подал прошение о переводе на освободившуюся вакансию - теперь уже в Белый, поближе к своему помещью. Губернатор поддержал просьбу, направив представление в Департамент полиции исполнительной, и одновременно предложил кандидатуру подполковника Вергуна на освободившееся место в Духовщине. Министерство удовлетворило просьбу Каменского, а в Духовщину был назначен поручик Холодковский из Осы²⁵².

Комитет о раненых распределял должности между отставными военнослужащими-инвалидами, и его решения нередко расходились с намерениями губернской администрации. Такой спор возник в 1831 году при замещении должности духовщинского городничего. Торговое положение

²⁴⁹ Именной указ от 7 марта 1831 года «О порядке определения Штаб и Обер-офицеров, состоящих в покровительстве Комитета 18 Августа 1814 года, на вакансии Полицеймейстеров и Городничих» // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XVI. Отд. 1. № 4406.

²⁵⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 328. 1831 г.

²⁵¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1834. СПб., 1834.

²⁵² Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1836. СПб., 1836.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 278. 1835 г. Л.19.

Духовщины делало это место привлекательным для претендентов. После смерти подполковника Маркова генерал-губернатор Н.Н. Хованский обратился в МВД с просьбой назначить городничим проживавшего в Смоленске отставного подполковника Брейера²⁵³. Комитет о раненых, однако, выдвинул подпоручика Я.В. Мартьянова, служившего в бельской инвалидной команде. Он относился к тяжелораненым кандидатам: в сражении при Фридланде получил ранение левой руки. В ответе Комитета указывалось, что высочайше утверждённые правила не позволяли предпочесть ему Брейера, «вовсе под покровительством одного не состоявшего»²⁵⁴.

Формальных препятствий к назначению Мартьянова губернатор не находил: кандидату было 34 года, он происходил из дворян Духовщинского уезда²⁵⁵. Возражения касались прежде всего предполагаемого места службы. За время проживания в Духовщине Мартьянов вошёл в «фамильярный круг знакомства» с местными обывателями низкого общественного положения. По мнению губернатора, эти отношения могли ослабить его авторитет после вступления в должность. Кроме того, родной брат кандидата командовал местной инвалидной командой. Сосредоточение связанных между собой служебных обязанностей у близких родственников также вызывало возражения губернского начальства.

Выход из положения губернатор видел в назначении Мартьянова городничим в Красный²⁵⁶ и связанном с этим перемещении майора Каменского²⁵⁷. Таким образом, спор касался не только права кандидата на должность, но и выбора города, где он должен был служить. Комитет отстаивал преимущество состоявшего под его покровительством раненого офицера, тогда как губернская администрация учитывала местные знакомства, родственные связи и условия исполнения обязанностей. Приоритет Комитета

²⁵³ РГИА. Ф. 1286. Оп.5. Д. 385. 1831 г. Л. 1.

²⁵⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп.5. Д. № 385. 1831 г. Л. 3-3 об.

²⁵⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп.5. Д. № 385. 1831 г. Л. 4-5.

²⁵⁶ ГАСО. Ф. 2. Оп.42. Д. 1361. Л. 1 об. - 16.

²⁵⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп.5. Д. 385. 1831 г. Л. 10-11.

в распределении должностей не устранял участия губернатора: согласование назначения требовало учитывать обе стороны.

Деятельность Комитета о раненых соединяла поддержку отставных военных с подбором начальников городской полиции. В 1826 году ельнинский городничий полковник Цибульский подал через гражданского губернатора прошение об увольнении по состоянию здоровья. Ответа он не получил и спустя год обратился непосредственно в Комитет. После запроса необходимых сведений выяснилось, что препятствий к его отставке не было²⁵⁸. Таким образом, вмешательство Комитета позволило разрешить вопрос, который длительное время оставался без движения при прохождении через губернское начальство.

Для замещения освободившейся должности Комитет представил подполковника Никиту Прокофьевича Овсянникова. Его служба началась в 1789 году с рядового чина. Участвуя в Наполеоновских войнах, он дослужился до подполковника и получил сквозное пулевое ранение правой руки ниже локтя. Ранение не прекратило его служебную деятельность: после военной службы он занял должность ельнинского городничего, которую сохранял до смерти в 1845 году²⁵⁹. Его преемником стал отставной капитан Лукьян Степанович Войтюк. Последовательное назначение бывших военных показывает, как Комитет использовал полицейские должности для дальнейшего устройства офицеров. Потребности местного управления при этом соединялись с государственной поддержкой людей, получивших ранения на военной службе²⁶⁰.

²⁵⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп.4. Д. 530. 1827 г. Л. 1-1 об.

²⁵⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп.4. Д. 530. 1827 г. Л. 8-9 об.

²⁶⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп.9. Д. 200. 1845 г. Л. 1; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи ... [по годам]. СПб.: Инспекторский отдел собственной его императорского величества канцелярии, 1765-. Изд-во: 1765-1867 гг. - Имп. Акад. наук; 1868-1894 гг. Департамент герольдии Правительствующего сената. С 1850 г. Алф. указ. приброшюрованы к основному тексту. 1845 год, ч. 2: Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. 1845. С. 188.

Регулярным явлением было переводы городничих и полицмейстеров как внутри одной губернии, так и в другие. Связано это было как с государственной практикой борьбы с коррупцией, так и государственной необходимостью: отправлять способных в более крупные и торговые города, менее – в маленькие уездные. Ещё одной причина могла исходить из запросов самих городничих о переводе их поближе к их имениям, в условиях небольших жалований это позволяло служащим поддерживать своё благосостояние из иных источников дохода и контролировать происходящее в своих владениях. Так или иначе решения о переводе принимались на основании «Устава о службе по определению от правительства»²⁶¹ и циркуляров МВД. Откуда бы не исходила инициатива перевода: от самих начальников полиции, губернской администрации, оно в любом случае должно было проходить согласование с министерством. Но в отдельных случаях губернаторы шли на нарушения этих правил, и министерству приходилось рассматривать уже произведённое перемещение.

Показательным примером являются события 1826 года: капитан Веселовский получил должность городничего Гжатска, однако, по отчетным документам он работал в Рославле, в то время как полковник Давыдов был назначен городничим в Гжатске, хотя его должность официально была в Юхнове. В министерстве о перемещениях узнали фактически случайно постфактум. Губернатор объяснил случившееся тем, что он потребовал поменять местами Давыдова и Веселовского, так как последний не справлялся с произволом местной Думы. Но, так как чиновник, занимавшийся обработкой документов, был уволен к тому времени, когда этот инцидент стал известен, министерство не было проинформировано о произошедшем. В столице выразили поддержку действиям губернатора, однако с тех пор настоятельно потребовали согласовывать все перемещения с МВД, чтобы избежать подобных инцидентов в будущем ²⁶². Для министерства был важнейшим

²⁶¹ Устав о службе по определению от правительства СПб., 1832. С. 237.

²⁶² РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 511. 1826 г. Л. 1-5.

вопрос сохранения авторитета и контроля в ситуации на местах, при этом оно могло идти на встречу местным властям, что иллюстрирует данный пример.

Протекционизм при назначениях был распространенной практикой, что порой вызывало неразбериху в кадровых перестановках. Высокопоставленные особы могли рекомендовать определенных лиц на вакантные должности по своему усмотрению. Так, из-за просьбы Великого князя Михаила Павловича переместить Можайского городничего подпоручика Туринцова в Вязьму или близлежащий с вяземским уездом город, так как у того было в нём имение. Ему обещают эту должность, как только появится вакансия, что и происходит в 1828 году, когда бывший гжатский городничий полковник Давыдов подаёт в отставку²⁶³. Гжатск был достаточно крупным торговым центром, а Туринцов был уже в пожилом возрасте, имел ранения, что в совокупности крайне отрицательно сказалось на его здоровье, а оно в свою очередь отрицательно сказывалось на его работоспособности. Пиком этого стали нарушения, выявленные в исполнении его обязанностей на ярмарке, сведения о которых до графа Бенкендорфа²⁶⁴.

Тогда Туринцова министерство попыталось перевести в Сураж Витебской губернии, но за него вновь вступились покровители. От министра запросили объяснение для представления императору, после чего стали искать должность ближе к Вязьме. Предлагалось освободить Юхнов, переведя служившего там штабс-капитана Яковлева в Сураж. С этим не согласились губернатор Н.И. Хмельницкий и генерал-губернатор Н.Н. Хованский. Они объясняли, что небольшое и небогатое имение Яковлева нуждается в его присутствии и при отъезде владельца хозяйство совсем расстроится. В результате ходатайство Туринцова встретило возражения местного начальства: приближение одного городничего к его имению означало удаление от собственного хозяйства другого служащего.

²⁶³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 511. 1826 г. Л. 3-6.

²⁶⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1829 г. Д. 20. Л. -7.

Другой вариант предполагал назначить Туринцова в Ельню, а занимавшего эту должность Н.П. Овсянникова перевести в Видзы. Однако ни первоначальный, ни последующий план не был осуществлён. Яковлев продолжал служить в Юхнове до 1837 года²⁶⁵. Овсянников оставался ельнинским городничим до 1842 года²⁶⁶. При обсуждении его перемещения принимались во внимание боевые заслуги (служба у графа Штейнгеля) и то, что до назначения городничим он долго жил в Вязьме²⁶⁷. Сведения о дальнейшем служебном пути Туринцова после 1831 года в привлечённых материалах отсутствуют.

Дело Туринцова отражает зависимость кадровых решений от покровительства и личного положения городничих. Просьба о предоставлении одной должности привела к обсуждению перестановок в нескольких городах. Центральным и губернским учреждениям пришлось учитывать интересы служащих, чьи места предполагалось освободить. Назначения в этом случае производились помимо Комитета о раненых. При выборе города принимались во внимание потребности полиции, но наряду с ними учитывалось и расположение имений, поддержка влиятельных лиц и мнение губернского начальства о каждом кандидате.

Комитет о раненых способствовал формированию компетентного управленческого корпуса для долгосрочной службы: Яковлев прослужил в должности Юхновского городничего до 1837 года, и после сорокалетней службы просил «из 1000 рублевого в год оклада, пенсионна, который желает он получать из Вяземского Уездного Казначейства, с удержанием при нем и той пенсии, коею пользуется ныне за службу военную»²⁶⁸. Сам губернатор в своём свидетельстве отмечал, что Яковлеву уже 60 лет и он имел целый ряд ран, которые осложняли ему жизнь, помимо возрастных в виде потери зрения и

²⁶⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 291. 1831 г. Л. 2-7; НИАБ. Ф. 1297. Оп. 12. Д. №3097. Л. 1-6 об.

²⁶⁶ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1830. СПб., 1830; НИАБ. Ф. 1297. Оп. 12. Д. №3065. Л. 1-8 об.

²⁶⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. №530. Л. 8-10.

²⁶⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. 136. 1837 г. Л. 1.

болезни в коленях и суставах. На его место гражданский губернатор ходатайствовал утвердить смоленской городской полиции частного пристава 9-го класса Рогожина. Но на вакансию городничего был утверждён подпоручик Апполон Иванович Арцыбашев с сохранением пенсiona, происходившему из тверских дворян. Хотя ему на момент назначения был 31 год, он успел принять участие в Кавказской войне, где был ранен и получил орден святой Анны 3 степени²⁶⁹.

Арцыбышев успешно служил Юхновским городничим 14 лет и за отличия по службе получил чин поручика²⁷⁰ - в соответствии с именным указом 22 декабря 1835 года, допускавшим зачисление по армии и кавалерии полицмейстеров и городничих, прослуживших в этих должностях не менее пяти лет и «по особым отличиям»²⁷¹. Яковлев же получил удовлетворение по своему ходатайству.

Совершенно иной характер носила перестановка ещё двух городничих: в 1837 году городничим Дорогобужа стал капитан-лейтенант Никанор Григорьевич Каховский, но уже в 1839 году генерал-губернатор Хованский писал в Департамент полиции исполнительной: «Признавая для пользы службы необходимым переместить Дорогобужского городничего Каховского из Смоленской губернии в г. Велиж в Витебской губернии к таковой же должности, а тамошнего городничего коллежского советника Воронца, на место Каховского...»²⁷². Перевод был инициирован Каховским через своих покровителей, связано это было, по всей видимости, с нахождением в Велиже его имений²⁷³. Иван Тимофеевич Воронец прослужил в Дорогобуже до

²⁶⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д 136. 1837 г. Л. 9-18 об.

²⁷⁰ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи ... [по годам]. СПб.: Инспекторский отдел собственной его императорского величества канцелярии, 1765-. Изд-во: 1765-1867 гг. Имп. Акад. наук; 1868-1894 гг. Департамент герольдии Правительствующего сената. С 1850 г. Алф. указ. приброшюрованы к основному тексту. 1848 год, ч. 2: Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. 1848. VIII, 232, С. 170.

²⁷¹ Именной указ от 22 декабря 1835 года «О зачислении по армии и кавалерии Полицеймейстеров и Городничих» // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. X. Отд. 2. № 8702.

²⁷² РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 554. 1839 г. Л. 60.

²⁷³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 554. 1839 г. Л. 63-63 об.

1847 года²⁷⁴. Подобная рокировка, связанная с перемещением городничих поближе к их имениям, произошла в 1838 году. С 1831 года в Гжатске городничим служил капитан Осип Дмитриевич Ржениковский, а в Духовщине с 1836 года - поручик Александр Петрович Холодковский. В 1838 году Холодковский был назначен городничим Гжатска, а Ржениковский переведен на его должность в Духовщину²⁷⁵.

Были случаи перевода чиновников исключительно по личным причинам. Так, в 1828 году майор Смирнов был назначен городничим в Новохоперск²⁷⁶, затем с 1831 года был полицмейстером в г. Воронеж. Однако к 1837 году его сыновья достигли возраста учёбы в высших учебных заведениях (у него было шестеро сыновей, и все в итоге поступили на военную службу), в связи с чем он обратился министру МВД Д.Н. Блудову с просьбой о переводе его «в уездный город ближе коего существует университет»²⁷⁷. Параллельно с этим шло расследование в отношении городничего Вязьмы капитана Викентия Кузьмича Коризны, по итогам которого было принято решение об удалении его от должности и назначении на его место майора Смирнова²⁷⁸. Сам Василий Иванович Смирнов сам незадолго до этого оказался связан с расследованием, касавшимся злоупотреблений при заготовлении хлеба для армии в Воронежской губернии по завышенным ценам в 1832-1834 гг., и что в число чиновников, которым давались взятки, был в том числе и Смирнов. Хотя доказательств его вины найдено не было, но с этого времени за ним стояло повышенное наблюдение и внимание как со стороны местного

²⁷⁴ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи ... [по годам]. СПб.: Инспекторский отдел собственной его императорского величества канцелярии, 1765-. Изд-во: 1765-1867 гг. Имп. Акад. наук; 1868-1894 гг. Департамент герольдии Правительствующего сената. С 1850 г. Алф. указ. приброшюрованы к основному тексту. 1847 год, ч. 2: Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. 1847. С. 176.

²⁷⁵ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1830. СПб., 1830.

²⁷⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 630. 1828 г. Л. 10-11 об.

²⁷⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. 142. 1837 г. Л. 2-3 об.; ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 2070. Л. 1 об. - 4.

²⁷⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. 142. 1837 г. Л. 11.

руководства, так и столичного²⁷⁹. Василий Иванович успешно прошел испытательный срок и в должности вяземского городничего пробыл до 1852 года²⁸⁰.

Таким образом, нормативно-правовая база комплектования городской полиции, заложенная «Учреждениями для управления губерний» 1775 года и «Уставом благочиния» 1782 года, была дополнена указами Александра I и Николая I, которые перевели кадровую политику с местного уровня на централизованное назначение.

Полицмейстеров и городничих назначали и переводили через МВД и Комитет о раненых, но установленный порядок дополнялся личными ходатайствами и протекцией. Комитет обеспечивал поддержку ветеранов и одновременно решал кадровые задачи. Его исключительное положение в распределении должностей между отставными военными порой вступало в противоречие с потребностями губернского начальства. Просьбы о переводе к месту расположения имения, обращения к министру и обмен должностями изменяли намеченные решения, иногда в ущерб интересам службы.

Устройство городской полиции Смоленской губернии соответствовало общим основаниям сословного государства. Должностная иерархия сохраняла порядок, установленный «Уставом благочиния» 1782 года. В малых городах могли отсутствовать квартальные надзиратели, а в Смоленске длительное время полицейские обязанности исполняла комендатура. Однако эти местные особенности не меняли общей организации полиции.

При приёме на службу, назначениях и переводах сохранялись сословные ограничения. Полицмейстерами и городничими преимущественно

²⁷⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. 142. 1837 г. Л. 20-22 об.

²⁸⁰ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи ... [по годам]. СПб.: Инспекторский отдел собственной его императорского величества канцелярии, 1765-. Изд-во: 1765-1867 гг. Имп. Акад. наук; 1868-1894 гг. Департамент герольдии Правительствующего сената. С 1850 г. Алф. указ. приброшюрованы к основному тексту. 1852: Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 2: Власти и места управления губерnsk., областного, окружного, уездн., городского и ведомства их. 1852. С. 148; ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. 931. Л. 99 об.

становились отставные военные дворянского происхождения. Такая практика была распространена по всей империи: она давала ветеранам место в гражданской жизни, укрепляла авторитет власти и восполняла недостаток администраторов. Изучение биографий начальников смоленской полиции позволяет выделить две группы. Около трёх четвертей составляли сравнительно молодые ветераны, нуждавшиеся в средствах; другую группу образовывали пожилые офицеры, получавшие должность по протекции. Единственное назначение смоленским полицмейстером лица без боевого опыта (В.Я. Бобруйко) закончилось его переводом в уездный город. После этого гражданские чиновники на высшие полицейские должности уже не назначались.

Существовавшая система финансирования тормозила профессионализацию кадров городской полиции. Расходы на полицию ложились на дефицитные городские бюджеты. Смоленск после 1812 года десятилетиями получал казённые субсидии; уездные города такой поддержки не имели. Попытки расширить штаты, как в Духовщине в 1828 году, центр блокировал по финансовым соображениям.

Штатный способ комплектования, применявшийся в Смоленске, обеспечивал численность (108 нижних чинов), но обрекал служащих на нищенское жалованье (13 руб. 17 коп. в год). Вольнонаёмный, использовавшийся в уездных городах, давал более высокую оплату (от 21 до 40 руб.), но стоил дороже и не гарантировал качества. Доля расходов на содержание нижних чинов в городских бюджетах варьировалась от 5,4% в Вязьме до 24% в Юхнове. Оба способа имели недостатки: штатный экономил казённые средства, но подрывал мотивацию; вольнонаёмный ложился бременем на городские финансы и не решал проблему текучести.

К середине XIX века городская полиция Смоленской губернии оказалась в двойственном положении: централизованная структура и законодательные нормы позволяли ей соответствовать требованиям времени в традиционном государстве, но сословные принципы комплектования, зависимость от

местных бюджетов и отсутствие профессиональной подготовки сдерживали развитие полиции как правоохранительного института. Этот разрыв между законами и практикой делал реформы 1860-х годов неизбежными.

Глава 3. Деятельность городской полиции Смоленской губернии в 1825-1862 гг.

3.1. Административно-хозяйственные функции городских полиций

Во второй трети XIX века деятельность городской полиции Смоленской губернии охватывала два основных направления: административно-хозяйственное (благоустройство, санитарный надзор, контроль торговли) и следственно-процессуальное (пресечение уголовных преступлений). Эти направления были типичны для полицейских органов империи в целом. Правовой основой административно-хозяйственной деятельности служил «Устав благочиния, или Полицейский» 1782 года, статьи 36, 117-118 которого определяли обязанности полиции по содержанию городских пространств, надзору за чистотой улиц, ремонтом дорог, мостов и мостовых. Дальнейшее развитие эта сфера получила с принятием в рамках кодификации законов «Устава о предупреждении и пресечении преступлений» 1832 года, который подтвердил и систематизировал эти функции, возложив на полицию надзор за соблюдением правил благоустройства и торговли в городах (ст. 417-420). Тем самым административно-хозяйственные функции полиции легитимизировались уже не просто как часть традиционного «благочиния», а как самостоятельная задача по обеспечению «общественного порядка»²⁸¹.

Одной из важнейших сфер деятельности городской полиции были вопросы благоустройства (ст. 36, 117-118 Устава благочиния 1782 года), однако её усилия постоянно сдерживались хроническим недостатком финансирования. Смоленск, сильно пострадавший в ходе Отечественной войны 1812 года, десятилетиями не мог восстановиться. Как отмечалось в предыдущей главе, казна выделяла средства на содержание городской полиции вплоть до 1845 года, но этих денег едва хватало на текущие нужды, а не на масштабное обновление городской инфраструктуры.

²⁸¹ Свод устава о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XIV: Свод уставов благочиния. Ч. 1.

Показательным примером участия полиции в восстановлении города стало создание в 1831-1832 годах, после визита императора Николая I, Комиссии при городской полиции по выдаче денежных ссуд жителям Смоленска на ремонт домов, пострадавших в войну. Именно сотрудники городской полиции проводили оценку обоснованности выдачи ссуды и состояния улиц и зданий. Все документы комиссии визировались смоленским полицмейстером²⁸². Так, в 1831 году в городской полиции было объявлено беднейшим отставным военным и их вдовам, кто и какую финансовую помощь получит из казны²⁸³.

Показательно, что и в последующие десятилетия, например, при пожарах - полиция оставалась ключевым звеном в ликвидации последствий. 30 сентября 1844 года в уездном городе Вязьме сгорело надворное строение коллежского советника Юденича, оценённое в 3000 руб. серебром²⁸⁴. А 31 марта 1845 года в Дорогобуже от неизвестных причин сгорели строения купеческой жены Свечниковой (три амбара, два сарая и надворные постройки) и смежный дом коллежского асессора Сангалина²⁸⁵. Общий ущерб от этих двух пожаров составил 5400 руб. серебром - сумма, весьма существенная для городских бюджетов того времени. В каждом таком случае полиция, как правило, участвовала и в тушении, и в фиксации ущерба для последующих компенсационных выплат. Таким образом, пожарный надзор и участие в ликвидации последствий стихийных бедствий оставались одной из постоянных (и дорогостоящих) функций городской полиции на протяжении всего рассматриваемого периода.

Полиция следила за состоянием, ремонтом и мощением дорог и мостовых на постоянной основе (ст. 31 Устава о предупреждении и пресечении преступлений). Квартальные надзиратели совершали регулярные обходы улиц своего квартала и подавали рапорты городничему или частному приставу о

²⁸² ГАСО. Ф. 916. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 – 112.

²⁸³ Северная пчела. 1831. № 143. Июнь. С. 3.

²⁸⁴ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1845. Ч. 12. С. 334.

²⁸⁵ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1845. Ч. 10. С. 505.

состоянии дорог, требуемых к проведению работ, необходимости привлечения мещан и дополнительного финансирования²⁸⁶.

В вопросах благоустройства полиция далеко не всегда проявляла инициативу, особенно если дело касалось конфессиональной политики. Характерен случай с мостом у католического храма в Смоленске, который долгое время не ремонтировался. В 1837 году полицмейстер Юров в рапорте губернатору писал: «мост устроен из городских доходов никогда не был, и суммы на устройство такового по раскладке не предположено, и посему дума и распоряжения учинить не может»²⁸⁷. За этой формулировкой скрывалось нежелание укреплять позиции католической общины в городе.

Одним из важнейших направлений административно-хозяйственной деятельности полиции являлся санитарно-эпидемиологический надзор, значимость которого особенно отчётливо проявилась в период эпидемии холеры 1831 года. В это время на городскую полицию были возложены комплексные задачи по организации противоэпидемических мероприятий. Полицейские органы организовывали санитарные кордоны на въездах в города и вдоль основных транспортных трактов губернии (ст. 31-36 Устава о предупреждении и пресечении преступлений; ст. 220, 307 Устава о паспортах и беглых). Это позволяло контролировать перемещение населения и сдерживать распространение инфекции.

Особое внимание уделялось контролю за соблюдением карантинных мер и изоляцией заболевших. Полиция действовала в тесной координации с Врачебной управой, выделяя людей для сопровождения врачей и фельдшеров при выездах к очагам заболевания. Это обеспечивало и безопасность врачей, и исполнение санитарных распоряжений на местах. В 1830-1831 годах, во время эпидемии холеры, полиция, в частности, изолировала и контролировала приезжих из Москвы - и в обратном направлении тоже²⁸⁸.

²⁸⁶ ГАСО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 88. Л. 1 – 40.

²⁸⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1837 г. Д. 16. Л. 1.

²⁸⁸ Северная пчела. 1831. № 64. Март. С. 1.

Полиция также дезинфицировала рынки, постоянные дворы, другие места скопления людей. Следила за источниками питьевой воды, за тем, чтобы не загрязнялись водоёмы - от этого напрямую зависела эпидемиологическая обстановка. Вела регистрацию заболеваний и смертности, сводила полученные данные и передавала их в губернское правление. Там эта информация использовалась для оценки масштабов эпидемии и выработки управленческих решений.

Взаимодействие полиции и Врачебной управы строилось на оперативном обмене информацией. Полицейские сообщали врачам о подозрительных случаях заболеваний и о нарушениях санитарных норм. Медики, в свою очередь, инструктировали чинов полиции о мерах профилактики и о правилах поведения в условиях эпидемии. В Смоленске в 1831 году квартальные надзиратели ежедневно докладывали о санитарном состоянии улиц и дворов, отслеживали чистоту и порядок в жилых кварталах. При выявлении больных они незамедлительно извещали городского врача, что позволяло оперативно реагировать на возникающие угрозы и минимизировать риски дальнейшего распространения холеры²⁸⁹.

Не менее важной стороной санитарного надзора было расследование происшествий, связанных с массовыми отравлениями и угрозой эпидемий (ст. 31-36 Устава о предупреждении и пресечении преступлений - о надзоре за чистотой улиц и санитарным состоянием городов; ст. 264 - о надзоре за продажей ядовитых и сильнодействующих веществ). Хотя подобные случаи не были регулярными, они требовали от полиции быстрой мобилизации и взаимодействия с врачебным ведомством. Характерный пример - массовое отравление рекрутов, произошедшее в феврале 1847 года на границе Юхновского и Дорогобужского уездов.

7 февраля из имения князя Юсупова, находившегося в Юхновском уезде, была отправлена в Ельню партия рекрутов с подставными - 52 человека, а

²⁸⁹ ГАСО. Ф. 754. Оп. 2.1831 г. Д. 5. Л. 23-115.

вместе с караульными - 84 человека. В ночь с 7 на 8 февраля партия остановилась на ночлег в сельце Княжем на господском дворе помещика Верхановского. За ужином крестьяне ели купленную у неизвестного прасола сырую солёную белугу с квасом, а при недостатке кваса - с водой; другой пищи у них не было. Утром 8 февраля партия вышла по тракту к Ельне. Уже в дороге несколько человек заболели, жалуясь на сильную боль в животе. Когда около полудня партия прибыла в деревню Ромены Дорогобужского уезда и расположилась на отдых, болезнь усилилась настолько, что многие не могли есть. При этом некоторые вновь ели ту же белугу.

Число больных быстро достигло 43 человек. Трое умерли в тот же день, 8 февраля; в течение следующего дня скончались ещё 14 человек. К вечеру 9 февраля из Дорогобужа прибыл городской врач Папков, но, несмотря на оказанную помощь, к 10 февраля умерло ещё 4 человека. Общее число жертв составило 21 человек - все не старше 30 лет. Ещё 22 человека оставались больными, причём заболели исключительно те, кто ел рыбу; не притрагивавшиеся к ней вовсе не пострадали²⁹⁰.

По получении донесения губернское начальство немедленно командировало на место врача Строганова - как для исследования причин смерти, так и для оказания помощи оставшимся в живых. Проведённое им анатомическое исследование показало характерные признаки отравления животным ядом: тёмный, вплоть до синего, цвет лёгких, скопление чёрной разреженной крови в сердце, воспаление слизистой оболочки дыхательного горла (от густо-розового до темно-вишнёвого цвета), раздутие газами и воспаление желудка и кишок. На основании тождества припадков у всех пострадавших и одинаковых явлений, обнаруженных при вскрытии, был сделан однозначный вывод: смерть наступила «от животного ядовитого вещества, находившегося в употреблённой ими в пищу белуги». Все 22 оставшихся в живых выздоровели; наиболее действенными средствами

²⁹⁰ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1847. Ч. 15. С. 465–466.

оказались слизистые и обволакивающие препараты, а также «разводящие и смягчительные клистиры с большим количеством масла».

В результате этого происшествия Смоленское губернское начальство подтвердило Городским и Земским полициям, а также Градской Думе и Ратушам требование соблюдать правила употребления в пищу солёной белуги, изложенные в предписании управлявшего Министерством внутренних дел от 17 апреля 1839 года (ст. 31-36, 264 Устава о предупреждении и пресечении преступлений - о санитарном надзоре полиции). Кроме того, местному преосвященному было сообщено о необходимости огласить эти правила во всех церквях губернии²⁹¹.

Данный случай показателен в нескольких отношениях. Во-первых, он демонстрирует, что санитарный надзор полиции не ограничивался карантинными мерами во время эпидемий, но включал и оперативное реагирование на чрезвычайные происшествия с массовыми жертвами. Во-вторых, расследование потребовало координации нескольких ведомств. Городская и земская полиция фиксировала происшествие, опрашивала свидетелей, выясняла личность продавца рыбы (ст. 386-388 Устава о предупреждении и пресечении преступлений: об исследовании причин происшествий с массовыми жертвами). Врачебная управа осматривала больных и проводила анатомическое исследование. Губернское правление принимало распорядительные меры и рассылало профилактические предписания. В-третьих, финал дела с подтверждением предписания 1839 года и оглашением его в церквях показывает, что даже единичное происшествие могло заставить полицию и духовенство провести профилактическую кампанию на всю губернию.

Пожары случались чаще и были для городов страшнее холеры, которая приходила волнами, или массовых отравлений, остававшихся единичными. Огонь угрожал постоянно. Правовую основу противопожарной деятельности

²⁹¹ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1847. Ч. 15. С. 465–466.

составляли «Устав благочиния» 1782 года (ст. 8, 12-13, 105) и «Устав о предупреждении и пресечении преступлений» 1832 года (ст. 386-388): от полицейских чинов требовалось не только тушить пожары, но и выяснять их причины, а также привлекать к ответственности виновных в поджогах.

Статистика по Смоленской губернии за 1842-1846 годы показывает масштаб бедствия: 41 пожар в 1842 году, 44 - в 1843-м, 40 - в 1844-м, 55 - в 1845-м, 38 - в 1846-м. В 1845 году пять из 55 пожаров признали умышленными поджогами, и на этот же год пришёлся пик преступлений против личности. Основной удар стихии принимала деревня: из 55 пожаров 1845 года 43 случились в селениях и лишь 12 - в городах²⁹². Это соотношение косвенно указывает на то, что городская полиция, при всех её недостатках, всё же обеспечивала более действенный противопожарный надзор, чем сельская.

Разрушительные пожары в уездных центрах позволяют оценить масштаб ущерба и роль полиции. В ночь на 4 января 1846 года в Вязьме загорелась надворная постройка купеческого сына Ивана Тяполовского. При сильном ветре огонь перекинулся на каменный дом хозяина. Пожарная команда боролась с пламенем, но строение вместе со всем имуществом и хлебными запасами сгорело дотла; убыток составил 8 500 рублей серебром. Причиной признали неосторожность самих хозяев²⁹³. Несколькими месяцами ранее, 31 марта 1845 года, в Дорогобуже от неустановленных причин сгорели три амбара, два сарая и прочие надворные строения купеческой жены Свечниковой, а также соседний дом коллежского асессора Сангалина. Совокупный ущерб достиг 2 400 рублей серебром²⁹⁴. В обоих случаях полиция не только участвовала в тушении, но и производила опись уничтоженного имущества - без этой процедуры пострадавшие не могли претендовать на компенсацию из казны или на сбор добровольных пожертвований. Иногда оперативность полиции позволяла свести ущерб к минимуму. 14 декабря

²⁹² Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1846. Ч. 16. С. 95.

²⁹³ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1846. Ч. 13. С. 462.

²⁹⁴ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1845. Ч. 10. С. 505.

1845 года в Ельне загорелся пол в Соборной Преображенской церкви от упавшего свечного огарка, не замеченного служителями. Благодаря «принятым местною полициею мерам» огонь быстро потушили, повредив лишь часть иконостаса и пола - на сумму 125 рублей серебром²⁹⁵.

Самым разрушительным бедствием за весь рассматриваемый период стал пожар, практически уничтоживший Рославль 18 июля 1855 года. По официальной описи, огонь истребил 142 жилых дома (из них 9 каменных - 1 казённый и 8 частных, 133 деревянных - 1 казённый и 132 частных), 18 лавок (8 каменных, 10 деревянных), 4 питейных дома, казённый мост на шоссе, цейхгауз инвалидной команды с провиантом и амуницией, а также 3 винных подвала с 14 479 вёдрами спирта. Повреждены оказались телеграф (вскоре исправленный) и три каменные церкви: у одной сгорело крыльцо, две малые главы и часть крыши, у двух других - колокольни и купола, а в одной из них - всё деревянное устройство в тёплом пределе. Итоговая сумма ущерба - 519 435 рублей 95 копеек серебром²⁹⁶ - более чем в сто раз превышала годовой бюджет города. Для сравнения: ещё в 1836 году, по данным журнала Министерства внутренних дел, Рославль с населением 4 820 человек имел доходную часть бюджета до 8 тысяч рублей, тогда как расходы (содержание полиции, пожарной команды, Думы, Магистрата, ремонт дорог и мостов, освещение улиц) составляли от 10 до 12 тысяч. Дефицит покрывался за счёт раскладки на купечество и мещанство²⁹⁷.

Пожар начался в доме помещика Полозовых и из-за сильного ветра распространился, как сказано в статье, «в самое короткое время с необыкновенной быстротой». Ветер «бросал на далекое расстояние искры и головни, от которых загорелись строения в разных местах». Помимо городской полиции и местных жителей, в тушении участвовали пленные турки, находившиеся в Рославле. В статье особо отмечено, что они «оказали

²⁹⁵ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1846. Ч. 13. С. 305-306.

²⁹⁶ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1855. Ч. 14. Отделение IV. Современная летопись. С. 28-29.

²⁹⁷ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1836. № 12. С. 27-30.

ревностное пособие и непомерное самоотвержение и заслужили общую благодарность жителей». Для помощи погорельцам местное начальство организовало раздачу добровольных пожертвований. Среди жертвователей - начальник губернии (321 руб. 90 коп.), начальник Смоленского государственного ополчения (315 руб.), начальник III отделения XI округа путей сообщения (200 руб.). Самую крупную сумму - 370 рублей, внёс рославльский городничий. Рославльский купец Мухин, приурочив свой дар ко дню тезоименитства императрицы, пожертвовал 300 рублей, а помещица Новицкая передала погорельцам 50 пудов хлеба. Все деньги были розданы наиболее нуждающимся в тот же день²⁹⁸.

Не менее важным делом для полиции было расследование пожаров. Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1832 года прямо обязывал полицию в случае пожара исследовать его причину, «случайно ли, от неосторожности, или с умысла», и доносить о случившемся начальнику губернии с подробным обозначением сгоревшего (ст. 386-388). Для отыскания виновных в умышленном поджоге полиция должна была надзирать за подозрительными людьми и осматривать, «нет ли у кого с собою каких-либо зажигательных орудий, огнив, кремней, труту, тряпиц, скалы, пороха и тому подобного» (ст. 387). Смоленские материалы показывают, что эта норма исполнялась неукоснительно: по каждому из описанных пожаров в Журнале МВД опубликованы сведения с указанием причин и точных сумм ущерба. Полиция одновременно тушила пожары, эвакуировала людей и координировала службы, а после фиксировала ущерб для последующей компенсации и страховых выплат. В критических ситуациях, подобных рославльской катастрофе, городничий координировал действия всех служб, а его личное участие в пожертвованиях служило примером для горожан.

В рамках административно-хозяйственной деятельности Управа благочиния следила за торговыми операциями в городе (ст. 32-34 Устава

²⁹⁸ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1855. Ч. 14. Отделение IV. Современная летопись. С. 28-29.

благочиния; ст. 417-420 Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1832 года). Полиция пресекала оборот и транзит запрещённых товаров, вела мониторинг цен на хлеб и харчевые продукты, ежемесячно записывая их в специальный реестр, и контролировала соответствие мер и весов установленным стандартам. В Смоленской губернии полиция на постоянной основе следила за откупом и содержанием деревянных лавок на ярмарках и постоянных городских лавок²⁹⁹. В ведении городской полиции находился и учёт мещан, их имущества и внесённых платежей; служащие следили за своевременностью выплат в казну и за погашением недоимок³⁰⁰. В Смоленской губернии в 1833 году находилось особенно много подсудимых по незаконному корчемству³⁰¹.

Пограничное положение Смоленска и наличие в нём таможи приводило к ситуациям, выходившим за рамки повседневной практики. В 1836 году в Смоленск прибыл чиновник по особым поручениям Министерства финансов титулярный советник Соколов для расследования злоупотреблений местных купцов, торговли запрещёнными товарами и контрабанды. Городской полиции было приказано оказывать ему полное содействие (ст. 432-434 Устава о предупреждении и пресечении преступлений - о взаимодействии полиции с таможенным ведомством)³⁰². Соколов действовал энергично, быстро выявив в городе значительное количество контрабанды: помещения опечатывались, полицмейстер выставлял караул, а запрещённые товары отправлялись под стражу. Это вызвало возмущение смоленских купцов, которые жаловались на убытки и утверждали, что досмотры и караулы мешают им работать³⁰³. Сам Соколов докладывал в Москву, что им изъято контрабандных товаров на сумму 80 тысяч рублей - колоссальную по тем временам. Товары были переправлены в Московскую таможню под надзором смоленских полицейских³⁰⁴.

²⁹⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 204. Л. 1 – 25.; Ф. 516. Оп. 1. Д. 63. Л. 1 – 2.

³⁰⁰ ГАСО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 58. Л. 37-43; Д. 87. Л. 1-42 об.

³⁰¹ Северная пчела. 1833. № 102. Май. С. 408.

³⁰² ГАСО. Ф. 1. Оп.1. 1836 г. Д. 58. Л. 1 – 3 об.

³⁰³ ГАСО. Ф. 1. Оп.1. 1836 г. Д. 58. Л. 4 - 20

³⁰⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп.1. 1836 г. Д. 58. Л. 25 – 25 об.

Этот случай обнажает институциональные ограничения провинциальной полиции. В условиях ограниченных кадровых и финансовых ресурсов органы правопорядка в Смоленске (с населением около 10 тыс. человек) объективно не располагали возможностями для выявления и пресечения контрабанды такого масштаба³⁰⁵. Отсутствие документированных мер реагирования на подобные нарушения отражает не столько потенциальное соучастие должностных лиц, сколько институциональную неготовность малочисленной и недостаточно квалифицированной полиции эффективно противостоять сложным экономическим преступлениям.

Управа благочиния обязана была также рассматривать гражданские споры, особенно связанные с долговыми обязательствами, и содействовать их досудебному урегулированию (ст. 30, 37 и др. Устава благочиния). Примером выполнения этой обязанности служит «Дело о взыскании денег по заёмным письмам с штабс-ротмистра Андрея Энгельгардта», тянувшееся с 1857 по 1864 год. Энгельгардт оказался должен крупные суммы нескольким кредиторам, но намеренно не спешил возвращать долги, ссылаясь на отсутствие средств. Опрос сторон проходил в смоленской полиции. Энгельгардт порой специально затягивал процесс, оспаривая подлинность долговых расписок. Однако служащие полиции не отступали, и случай помог благополучно завершить дело: Великие реформы, в частности отмена крепостного права и выкупные платежи, поправили финансовое положение Энгельгардта. Получив значительные средства, он наконец смог полностью рассчитаться с накопившимися долгами, на общую сумму свыше 8 000 рублей, причём у него ещё остались приличные сбережения³⁰⁶.

Полиция рассматривала и более простые гражданские конфликты между мещанами. В 1837 году в Поречье мещанин Чренькович забил корову,

³⁰⁵ Никитина Н.В. Архивный фонд «Сословие попечителей призрения разоренных от неприятеля в 1812 году» как источник изучения истории смоленского купечества в экстремальные эпохи / Н. В. Никитина // *Studia internationalia: материалы VII междунар. науч. конф.*, Брянск, 27–28 июня 2019 г. Брянск: Брян. гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского, 2019. С. 52.

³⁰⁶ ГАСО. Ф. 1183. Оп.1. Д. 2. Л. 60-82 об.

принадлежавшую крестьянину Фёдорову. Поречская городская полиция добилаь от Чреньковича возмещения ущерба в размере 24 рублей. Случай, при всей своей незначительности, показателен: полиция решала здесь мелкий конфликт без суда, и эта возможность была доступна даже податным сословиям³⁰⁷.

Помимо благоустройства и торгового надзора, городская полиция надзидала за отдельными категориями населения, в первую очередь за этноконфессиональными группами. Смоленская губерния находилась на границе черты оседлости, и на её западных окраинах жили евреи, хотя и не всегда на законных основаниях. По «Положению об устройстве евреев» от 9 декабря 1804 года местные власти обязаны были предоставлять списки проживающих на территории губернии представителей иудаизма с обязательным указанием законности их пребывания. Однако официальные данные о проживании евреев на территории губернии или уезда не могут считаться достоверными. С одной стороны, местные власти могли скрывать наличие евреев в городе или уезде; с другой - значительная часть евреев не была заинтересована оказаться в поле зрения властей, так как это влекло за собой уплату налогов и сборов, а также бюрократическую волокиту. Так, согласно данным от 1829 года, в графе «евреи» как по мужскому, так и по женскому населению Смоленской губернии стоял прочерк³⁰⁸, хотя в других отчётах и документах. Начиная с 1780-х годов встречаются регулярные упоминания проживающих на этой территории представителей этого национального меньшинства³⁰⁹.

³⁰⁷ ГАСО. Ф. 516. Оп.1. Д. 53. Л. 8-10.

³⁰⁸ Левитин М.Н. Евреи Смоленщины: документальные очерки (1812—1917 гг.). Смоленск: Маджента, 2010. С. 73; ГАСО. Ф.1. Оп.1. 1834 г.. Д. 4. Л. 7; 1833 г. Д. 28. Л. 1-19; Оп. 2. Д. 147. Л. 2; 4; Оп. 2. Д. 323. Л. 5.

³⁰⁹ Никитина Н.В. Хозяйственные и социальные аспекты жизни еврейского населения в Российской провинции первой половины XIX века (на материалах Смоленской губернии) // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра: сборник материалов II научно-практической конференции, Смоленск, 18 октября 2022 года. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2022. С. 403—411; ГАСО. Ф. 2. Оп. 16 (1815). Д. 16.

Еврейское население попадало в официальные документы, как правило, если нарушало правовые условия своего пребывания или совершало уголовные правонарушения. Особенно усилилось преследование евреев после 1828 года, когда обострилась ситуация в Царстве Польском и вышел Указ о воспрещении евреям, выходцам из этих мест, водворяться в России. Местные власти в своих отчётах в 1833 году лишь отписывались: «евреев на жительстве и временном пребывании не находится»³¹⁰. При этом уже в следующем году до губернатора дошли слухи, что представители еврейской диаспоры не просто пребывают, но живут на территории губернии, причём незаконно. В связи с этим от губернатора городничим и земским судам поступило распоряжение о строжайшем запрещении иметь евреям не только постоянную в губернии осёдлость, но даже временное проживание без узаконенных паспортов (ст. 11, 182-191 Устава о паспортах и беглых); в случае нарушения запрета предписывалось немедленно выслать их за пределы черты оседлости. За исполнением этих предписаний губернатор поручил особенно внимательно следить чиновникам по особым поручениям³¹¹.

Начинается более пристальное отношение к евреям, проживающим на территории губернии, в том числе в городах. Ельнинский городничий подполковник Н.П. Овсянников сообщил в рапорте губернатору, что в Ельне проживает четыре еврейских семейства, занимающихся различными для города «нужными мастерствами». Он писал: «мною неоднократно были высылаемы, но вопли и слёзы их меня от того удерживали». При этом два семейства были высланы в Хиславичи, ещё два оставлены до особого поручения³¹². В этом же деле Овсянников сообщал и о еврее Израиле, жившем у некой Кулаковой, которого он также обязан был выслать, но до последнего пытался оттянуть этот момент. Связано это было с тем, что Израиль был красильщиком ткани, и как предлог городничий использовал и болезнь жены

³¹⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 28. Л. 1-19; Оп. 2. Д. 323. 1853 г. Л. 5.

³¹¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 39. Л. 2-4.

³¹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 39. Л. 11-11 об.

мастера, и незавершённость работ по окраске сукна и материи горожан. Пока все дела Израилом не были закончены, он оставался в городе³¹³.

В губернском Смоленске в этот период евреи находились, на первый взгляд, легально: поверенный второй гильдии проскуравского купца Давида Ландеберга, полоцкий мещанин еврей Зильман Танхельсвич Коц получил разрешение заготавливать припасы и материалы для больных Смоленского военного госпиталя³¹⁴. Также заготовкой припасов занимались ещё два еврея: Ицка Городецкий и Шик. Но в ноябре 1835 года от генерал-губернатора пришло предписание о необходимости высылки евреев, так как помимо всего прочего поступали жалобы от горожан: «под предлогом поставки в госпиталь припасов, помянутые евреи (Городецкий, Коц, Шик) занимаются безбоязненно производством торговли всякого рода и делают другие вредные для местных жителей обороты». Генерал-губернатор был вынужден связаться с Военным министром, чтобы тот по делам о снабжении военного госпиталя сделал зависящие от него распоряжения о недопущении евреев к казённым военным поставкам³¹⁵. В итоге дело было решено в пользу смоленских купцов: Коц был выслан, а Городецкому и Шикю был поставлен предельный срок проживания в Смоленске до августа³¹⁶.

Официальные делопроизводственные документы часто фиксируют случаи, когда власти не знали, что на вверенной им территории находятся евреи, или же делали соответствующий вид. В поле зрения магистрата по поводу жалобы вяземского мещанина попал еврей Ицка Янкелевич: из расследования стало известно, что сделка между помещичьим крестьянином и Янкелевичем по покупке меди прошла в Смоленске и что Ицка, судя по всему, проживал в губернском центре. Соответствующий запрос был направлен губернатором смоленскому полицмейстеру Юрову, на что тот ответил, что Ицка Янкелевич не имеет в Смоленске постоянного жительства, но при этом

³¹³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 39. Л. 73-73 об. 75-75 об. 78-78 об.

³¹⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 39. Л. 21-21 об.

³¹⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 39. Л. 84-84 об.

³¹⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 39. Л. 86-86 об., 140.

часто бывает в городе. Вопрос о легальности нахождения Янкелевича полицмейстер адресовал смоленскому земскому исправнику, на что получил ответ, о содержании которого можно судить по следующему письму начальника полиции: «Г. исправник отозвался, что еврей Ицка весьма часто бывает в г. Смоленске, о квартировании его должно быть ведомо более мне, каков отзыв его явно обнаруживает всю ту несправедливость, которую осмелился он представить на вид вашего превосходительства...». В связи с этим полицмейстер был вынужден провести более доскональное расследование о местопребывании и обстоятельствах жизни еврея Ицки Янкелевича³¹⁷.

Архивные документы не позволяют установить точную численность этой национальной группы на территории региона, тем более что она часто менялась и зависела от целого комплекса причин, среди которых определяющей являлась государственная политика, но не менее важна и реальная реакция местных властей на нормативные предписания правительства. Чаще всего евреи попадали в поле зрения властных структур в связи с нарушением закона или совершением противоправных действий, при этом в западных уездах евреи активно проживали как в городах, так и в уездах губернии, участвуя в экономической жизни и закрывая ряд профессиональных потребностей уездных городов. Городская полиция играла немаловажную роль в жизни евреев. По изученным материалам можно заключить, что местные чиновники в первую очередь исходили из экономических интересов города, а лишь затем - из законодательных требований: высылка евреев начиналась либо под давлением вышестоящих властей, либо в случаях, когда пребывание конкретных евреев и род их деятельности в губернии становились общеизвестными фактами, которые было невозможно игнорировать или замалчивать. При этом необходимо отметить, что в изученных материалах ни разу не встретилось упоминаний о коррумпировании полицейских чиновников

³¹⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 39. Л. 101-101 об., 133-136.

со стороны евреев за право пребывания в том или ином городе.

Помимо контроля за представителями еврейской диаспоры, на городскую полицию возлагались обязанности по надзору за представителями неправославных конфессий. Католическая община на Смоленщине была невелика и сосредоточена в основном в Смоленске и уездных городах на западе губернии - Велиже, Дорогобуже, Красном, Сычёвке, Белом. В 1850-е годы паства римско-католической церкви в губернской столице составляла всего около 500 человек³¹⁸. Ситуация с католиками обострялась тем, что пастырями в основном являлись представители польской национальности, и после восстания 1830 года польский национальный вопрос оставался достаточно острым, а католическая церковь выступала, по мнению властей, как рупор пропаганды национально-освободительной борьбы. В связи с этим по предписанию губернатора в 1854 году был установлен надзор над ксендзом Каменским (ст. 69-81 Устава о предупреждении и пресечении преступлений: о предупреждении привлечения в иновереие). Согласно полученным сведениям, он «по распоряжению митрополита римско-католической церкви Головинского был переведён к исправлению должности администратора Смоленской католической церкви». За время надзора в противоправных деяниях Каменский замечен не был³¹⁹.

При этом представители римско-католической веры становились чиновниками городской полиции. Так, капитан Ржениковский Еремей Дмитриевич был городничим Гжатска с 1831 года, а с 1836 года - Дорогобужа, и исповедовал католицизм³²⁰. Квартальный надзиратель Белого Шанецкий Андрей Михайлович, служивший в 1840-1850-е годы, также был католиком³²¹. Однако их жёны были православными, и дети тоже крестились в православную веру. Чаше католиков назначали для службы в Смоленске, так как именно в губернском центре проживала наиболее крупная община

³¹⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп.2. Д. 97. Л.3; Д. 147. Л. 1.

³¹⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп.2. Д. 355. Л. 1-10.

³²⁰ ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1877. Л. 1 об. – 4.

³²¹ ГАСО. Ф.2. Оп. 42. Д. 2512. Л. 1 об. – 18.

представителей этой конфессии и для взаимодействия с ней, по-видимому, лучше подходили чиновники из их среды. Такими были смоленский квартальный надзиратель Лапинский Иван Иванович³²² и частный пристав Грудзинский Павел Климентьевич³²³. При этом обязательным признаком, объединявшим всех католиков на службе в городских полициях Смоленской губернии данного периода, было дворянское происхождение - сословный характер бюрократического аппарата империи сохранялся на протяжении всего её существования и особенно ярко проявлялся в николаевское время.

Ещё одной христианской конфессией, представленной в регионе, были лютеране. Они в основном проживали в Смоленске и Гжатском уезде. Численность их общины в губернии немногим превышала двести человек в 1850-е годы, при этом основная масса проживала в Смоленске как наиболее торгово-развитом городе: протестанты во многом занимались предпринимательской деятельностью³²⁴. Лютеран власти рассматривали как противовес католическому влиянию, поэтому их положение в губернии было более устойчивым. Так, в 1854 году было принято решение «о постройке смоленской евангелическо-лютеранской церкви на пустопорожном месте, в городе Смоленске, против дома г. Мего, на котором в надлежащее время находится казённый материал, приготовленный к строительству»³²⁵. Со стороны полиции осуществлялся контроль за численностью протестантской паствы. Но в изучаемый период из-за малочисленности общины конфликтных ситуаций не возникало.

Самой же важной конфессией, по мнению царского правительства, за которой требовался особенно тщательный надзор, являлось старообрядчество. Старообрядцы считались наиболее опасными по двум причинам: во-первых, в силу близости обрядов и языка они могли легче обращать православных в свою веру, тем самым ослабляя паству государственной религии; во-вторых, они

³²² ГАСО. Ф.2. Оп. 42. Д. 1193. Л. 1 об. – 2.

³²³ ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 566. Л. 1 об. – 16.

³²⁴ ГАСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 147. Л. 2 — 14.

³²⁵ ГАСО Ф. 1. Оп. 2. Д. 494. Л. 1.

выступали именно против православной церкви, нивелируя её авторитет. Самыми нежелательными из старообрядцев считались беспоповцы

На территории губернии старообрядцев проживало более 5000 человек³²⁶, в основном в сельской местности, так как по преимуществу это были крестьяне. В губернский центр они не допускались, но присутствовали в уездных городах, что говорит об успешном выполнении своих обязанностей городской полицией Смоленска. Небольшая часть старообрядцев была среди купеческого сословия уездных городов³²⁷.

Городская полиция не только учитывала старообрядцев, но и пресекала действия, запрещённые законодательством. Надзор за религиозными общинами, не принадлежавшими к официальной церкви, предусматривался полицейскими уставами (ст. 46–55 Устава о предупреждении и пресечении преступлений). В ст. 262 содержался запрет на «собрания раскольников для совершения богослужений или обрядов без дозволения духовного начальства», а ст. 263 предписывала выявлять тайные общины и прекращать их деятельность. Полиция должна была препятствовать распространению старообрядческих взглядов, устройству молитвенных домов без разрешения и укрывательству беглых.

Уложение о наказаниях 1845 года усилило ответственность за запрещённые формы деятельности старообрядцев. Наказанию подлежали устройство тайных собраний и молелен без разрешения, распространение раскольнических книг. В зависимости от нарушения применялись штрафы, ссылка и конфискация имущества. Организаторам общин могло грозить лишение прав состояния.

На городскую полицию приходился главным образом надзор за купцами и крестьянами, приезжавшими торговать. Основными делами о старообрядцах занимался земский суд, поэтому участие городской полиции часто было второстепенным. Однако и с возложенными на неё обязанностями она

³²⁶ ГАСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 449. Л. 3 об.; Д. 156 Л. 4.

³²⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 13. Л. 1 - 1об.; Д. 391. Л. 1 - 1об.

справлялась не всегда. Так, в 1853 году в Юхнове «записываются в купечество раскольники Калужской губернии», о чём губернатор узнал лишь в 1854 году. Этому предшествовало освобождение должности городничего: в 1852 году поручик Арцыбашев оставил её после четырнадцати лет службы. Преемник появился только к концу года. Пока у полиции не было начальника, местные чиновники поддерживали купцов-старообрядцев, чьи торговые успехи и пожертвования были выгодны городу³²⁸.

Правонарушения в административно-хозяйственной сфере совершались и самими сотрудниками городской полиции. Осенью 1829 года смоленский полицмейстер подполковник Адамович попал под уголовное судебное разбирательство по двум обвинениям, связанным с коррупцией. Первое: «за неисправное выполнение, возложенного на него от Начальства поручения, в исправлении хозяйственным образом, на ассигнованную сумму, тамошнего, за что положено взыскать с него 837 руб. 65 коп.». Второе: «за допущение без разрешения Казённой Палаты существования в Городе Смоленске при питейных домах штофных лавок и трёхведёрных, и другие по сему откупу беспорядки, следствием обнаруженные»³²⁹. По всей видимости, Адамович сэкономил на ремонте здания, а остаток выделенных казной средств присвоил. Аналогичным образом он действовал с питейными домами: откупа должны были поступать в казну города, но подполковник в обход городских властей собирал деньги в свой карман, разрешив работу незаконных питейных заведений. В мае 1831 года уже бывший смоленский полицмейстер Адамович и квартальный надзиратель Баланович были признаны виновными в «допустивших слабым смотрением к побегу из Полиции вора, похитившего у г. Лыкошиной с деньгами шкатулку»³³⁰, а за откупа Адамович получил штраф в размере 25 рублей³³¹.

³²⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 13. Л. 3-3 об.

³²⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 526. 1829 г. Л. 17; ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 933. Л. 70.

³³⁰ Никитина Н.В. Первые полицмейстеры в российской провинции начала XIX века: компетенции и практика работы (на материалах Смоленска) / Н. В. Никитина // Чертковский исторический сборник. М.: ГПИБР, 2020. С. 166.

³³¹ ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 933. Л. 72.

Случаи некомпетентности городничих также фиксировались в делопроизводственных документах. Характерен инцидент на Гжатской ярмарке, о котором смоленскому генерал-губернатору Хованскому сообщил А.Х. Бенкендорф. В письме перечислялись следующие нарушения: будочники собирали с приезжих крестьян деньги и хлеб; в пустых домах незаконно продавалось пиво, и там собирались мужчины и женщины, в том числе «дурного поведения»; жители разводили огонь в жаровнях вблизи жилых домов, что угрожало пожаром; на мосту, по которому проходила большая дорога в Москву и Смоленск, с обеих сторон были построены шалаши, крытые рогожами, где торговки продавали ягоды, калачи и квас, создавая чрезвычайную тесноту. Наконец, гжатский городничий поручик Туринцов «одевался во время ярмарки в сюртук, в фуражку и без шпаги. Такое небрежение к должности и приличию, особенно при большом скоплении людей, производило в некоторых случаях беспорядок, ибо в некоторых случаях происшествия, которое г. Туринцов обязан по должности своей прекратить, надобно было прежде уверить, что он есть Городничий, а потом уже действовать»³³².

Для расследования инцидента в Гжатск был направлен советник Анастасов. Он в своём рапорте решительно защищал гжатские власти, в частности городничего: «Гжатский Городничий Поручик Туринцов действительно иногда ходил по городу в форменном сюртуке и фуражке. Он есть престарелых лет, давно на службе и ранен, во время ярмарки никаких таких не было важных последствий при стечении народа, чтоб ему неудобно было делать разбирательство, и чтобы уверить кроме сюртюка что он есть городничий. Его всяк узнавал, кто в нем имел надобность, он действовал по обязанности как в правилах предначертано...»³³³. По другим нарушениям Анастасов применил ту же логику: раз не указаны конкретные нарушители, то проверить факт невозможно; раз пожара не произошло, то претензия не

³³² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1829 г. Д. 20. Л. 1-1 об.

³³³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1829 г. Д. 20. Л. 10-10 об.

обоснована³³⁴. По мнению Анастасова, городничего Туринцова оболгал местный купец, метивший в должность городского главы, которому городничий мешал в этом предприятии³³⁵. Такой ответ возмутил чиновников III Отделения, Анастасова требовали заменить за некомпетентность³³⁶, однако дело замяли за давностью и, судя по всему, благодаря покровителям Туринцова. Некомпетентность городничего могла быть связана с двумя факторами: преклонным возрастом и наличием существенных увечий и ран военного времени, осложнявших ему жизнь. Туринцов был не единственным таким городничим - подобные ему чиновники рассматривали свою службу как почётный пост с дополнительным доходом, а не как ответственную работу.

В сентябре 1845 года генерал-губернатор князь Андрей Михайлович Голицын по дороге из Тулы в Смоленск осмотрел присутственные места Юхнова, Гжатска, Вязьмы и Дорогобужа. В работе городского начальства и полиции были обнаружены серьёзные недостатки: «в Земских и Городских полициях накопление большого числа дел и арестантов по уездам; пожарные команды состоят из наёмных солдат и мещан, что не соответствует их цели»³³⁷. В октябре он дал оценку и смоленским учреждениям: «Вообще в Смоленской губернии присутственные места по производству дел ограничиваются только одною бесполезною перепискою, которою обременены до излишества, действительное же исполнение по делам неспешно; в Смоленске их (дел) найдено 775; все остроги наполнены арестантами, которых по губернии считалось 1014 чел. Смоленская полиция в неудовлетворительном положении, кроме пожарной команды, которая в совершенной исправности»³³⁸. Получив эти сведения, министр потребовал от губернских властей ускорить завершение накопившихся дел и наказать служащих, допускавших задержки.

³³⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1829 г. Д. 20. Л. 9-10 об.

³³⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1829 г. Д. 20. Л. 11-12.

³³⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1829 г. Д. 20. Л. 16-16 об.

³³⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. №682. Л. 1.

³³⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. №682. Л. 2-3.

В августе 1847 года МВД направило в губернию надворного советника Юкавского для проверки дел. В рапорте он указал на недостатки административно-хозяйственной работы полиции: «дороги в Вяземском и Гжатском уездах весьма посредственные, а мостовая как в Вязьме, так и в Гжатске чрезвычайно дурны и не заметно, чтобы на них было обращено малейшее внимание местного начальства. При том о соблюдении чистоты в городе полиция нисколько не заботится, а жителям позволяет выливать нечистоты из домов прямо на улицу»³³⁹. После проверки местное начальство организовало ремонт дорог и меры по очистке городов. Уже в сентябре оно сообщило об устранении отмеченных недостатков.

Инспекции 1845–1847 годов обнаружили злоупотребления, недостаточную подготовку служащих и запущенность дел. Подобные нарушения встречались и за пределами Смоленской губернии. Провинциальная полиция повсеместно испытывала нехватку людей и средств при большом числе административных обязанностей. Недостаточный надзор со стороны начальства оставлял возможности для личного обогащения и способствовал нарушениям. Однако даже при этих недостатках смоленская полиция обеспечивала основные условия хозяйственной жизни городов и охраны порядка. Её повседневная служба включала решение хозяйственных и социальных вопросов наряду с собственно полицейскими делами.

Рассмотрение административно-хозяйственной службы показывает, что смоленская городская полиция в правление Николая I имела много общего с полицией других губерний. Л.А. Авраменкова на саратовском материале, Е.В. Сичинский на материалах Южного Урала и Д.И. Акбердеева по Тобольской губернии также отмечали совмещение правоохранительных и хозяйственных обязанностей. Полицейские наблюдали за благоустройством, чистотой, торговлей и соблюдением паспортных правил. Те же направления составляли повседневную работу в Смоленской губернии. Исполняя «Устав

³³⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. №682. Л. 14-14 об.

благочиния» 1782 года и последующие законодательные акты, полиция действовала одновременно как орган охраны порядка и как основное учреждение, ведавшее многими сторонами городской жизни.

В сфере благоустройства смоленская полиция занималась тем же, чем и полиции других губерний: следила за состоянием улиц, мостов и мостовых, организовывала ремонт и мощение дорог, надзирала за чистотой городских пространств. Послевоенное восстановление Смоленска после 1812 года лишь сделало более заметными проблемы, типичные для той эпохи - хроническое недофинансирование и нехватку ресурсов. С ними сталкивались полицейские управления не только в Смоленской, но и в других губерниях.

Санитарно-эпидемиологический надзор приобрёл особое значение во время холерной эпидемии 1831 года. Он строился на общих для страны принципах: санитарные кордоны, карантинные меры, дезинфекция общественных мест, координация с Врачебными управами — всё это применялось во всех регионах, затронутых эпидемией, и Смоленская губерния не была исключением.

Противопожарная деятельность отнимала у полиции много сил: пожары случались часто, были разрушительными и требовали быстрой реакции. Данные за 1842-1846 годы и масштаб бедствия, обрушившегося на Рославль в 1855 году, показывают, что местные полицейские команды намного уступали по своим возможностям реальному уровню пожарной угрозы. Но именно полиция координировала спасательные работы, фиксировала ущерб и организовывала помощь погорельцам - без этого городская жизнь после катастрофы просто не могла бы вернуться в нормальное русло.

Торгово-полицейский надзор строился по общей для страны модели. Полиция следила за соблюдением правил торговли, пресекала оборот запрещённых товаров и контрабанду, отслеживала цены на продовольствие, контролировала точность мер и весов. История 1836 года с чиновником Соколовым и изъятием контрабандных товаров на 80 тысяч рублей хорошо показывает, как обычно взаимодействовали центр и местные власти. Но она же

высвечивает и слабость провинциальной полиции: малочисленная и недостаточно квалифицированная, она просто не могла противостоять контрабанде такого масштаба без помощи из центра.

Особое место занимал надзор за евреями, католиками, лютеранами и старообрядцами. Смоленские материалы показывают, что местная полиция соотносила требования центральной власти с хозяйственными интересами города. Это особенно заметно в отношении еврейского населения. Смоленская губерния находилась вне черты оседлости, и проживание рассматриваемых в исследовании евреев расценивалось как нарушение установленного порядка. Тем не менее местные чиновники могли годами не препятствовать торговле и ремеслу, поскольку эти занятия были нужны городу. К высылке приступали после прямого требования губернского или столичного начальства либо тогда, когда присутствие евреев становилось известно и требовало реакции властей. В изученных для диссертации архивных материалах не обнаружено упоминаний о подкупе полицейских еврейским населением. В этом отношении содержание рассмотренных дел отличается от документов по другим направлениям службы, где сведения о злоупотреблениях встречаются регулярно.

Местные обстоятельства учитывались и в отношениях с другими конфессиями. К католикам власти относились настороженно, особенно после польского восстания 1830 года. Лютеранам, напротив, оказывалось содействие, поскольку их рассматривали как противовес католическому влиянию. Наиболее строгим был надзор за старообрядцами, хотя и здесь работа полиции чаще выражалась в учёте и ограничениях, чем в прямом преследовании. При этом дворяне-католики свободно получали полицейские должности в Смоленске, где находилась крупнейшая католическая община губернии. Можно предположить, что принадлежность чиновника к той же конфессии облегчала его отношения с местными верующими и учитывалась администрацией.

Таким образом, исполнение предписаний об этноконфессиональном надзоре зависело от местных условий. Полиция была вынуждена искать решения, позволявшие учитывать хозяйственные нужды города и сохранять спокойствие населения. В ряде случаев эти соображения оказывались сильнее формальных запретов. Смоленские материалы поэтому дают основания уточнить распространённую в историографии характеристику полиции как исключительно карательного учреждения.

В административно-хозяйственной работе встречались и серьёзные нарушения. Дело полицмейстера Адамовича 1829 года отражает коррупционные практики, служба гжатского городничего Туринцова - недостаточную подготовленность к должности, а инспекции 1845–1847 годов выявили запущенность делопроизводства. Подобные недостатки не ограничивались Смоленской губернией. Малые штаты, скудное содержание и слабый надзор начальства создавали условия для нарушений и в других провинциальных полицейских учреждениях.

В целом административно-хозяйственная деятельность полиции в Смоленской губернии в 1825-1862 гг. типичный пример того, как работала общегосударственная модель местного управления. Охрана общественного порядка в николаевскую эпоху означала прежде всего поддержание нормальной городской жизни, а не борьбу с уголовной преступностью.

3.2. Правоохранительная деятельность городских полиций

Правоохранительная деятельность городской полиции опиралась на «Устав благочиния» 1782 года, «Устав о предупреждении и пресечении преступлений» 1832 года и «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года. Городская полиция принимала сообщения о преступлениях, проводила дознание, фиксировала его результаты в протоколах, задерживала подозреваемых и передавала их в суд (ст. 101-105 Устава о предупреждении и пресечении преступлений; ст. 38, 72, 102-104 Устава благочиния). От полиции требовалось установить личность потерпевшего и преступника, суть деяния, способ его исполнения, время,

место, мотивы и умысел. Следовало обратить внимание и на иные значимые детали, способные прояснить картину преступления (ст. 105 Устава благочиния). Таким образом, управа благочиния совмещала пресечение противоправных действий со сбором и оформлением доказательств, которые затем передавались в судебные инстанции.

Архивные фонды городских полицейских органов Смоленской губернии сохранили отчётную документацию, по которой можно судить и об объёмах работы полиции, и о её эффективности, и о криминогенной обстановке в регионе в царствование Николая I. Основная нагрузка ложилась на губернский центр: в 1825 году в Смоленске зарегистрировали почти 5 тысяч дел, из которых закрыли около 90%. Губернское начальство не раз отмечало смоленскую полицию в ежегодных отчётах как одну из лучших. В уездных городах Ельне, Гжатске за тот же период насчитывались лишь десятки дел³⁴⁰.

Надо понимать, что в эту статистику попадали не только уголовные преступления, но и административные правонарушения, проверка паспортного режима, хозяйственные дела, гражданские споры - весь круг обязанностей, возложенных на полицию. Собственно преступления составляли малую часть этого массива. Общий масштаб работы по губернии дают цифры за 1832 год: в полицейское управление поступило 52 098 дел. Из них было решено 42 189 (81%), а 9 909 дел (19%) оставались нерассмотренными на начало 1833 года³⁴¹.

В течение 1832 года полицией было поймано 1 749 «разного рода преступников, беглых, беспаспортных и дезертиров», из которых дезертиров - 144, а всего в тюремных замках губернии на начало 1833 года содержалось 2 777 человек³⁴².

Дополнительную информацию о количестве правонарушений дают публикации «Журнала Министерства внутренних дел». С 1834 года журнал

³⁴⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26.

³⁴¹ Журнал Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. 1833, Ч. 9. С. 332.

³⁴² Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1833. Ч. 9. С. 332.

начал помещать статистические сведения о преступлениях по губерниям, однако эти данные отражали лишь зарегистрированные уголовные и административные правонарушения, то есть только ту часть полицейской работы, которая попадала в официальную отчётность перед МВД (см. Приложение 7). Массив не является абсолютно непрерывным: нет данных за вторую половину 1847 года, за 1848-1852 годы, а также за отдельные месяцы 1844-1845 годов. Эти пробелы, впрочем, не носят системного характера и не связаны ни с изменением принципов учёта, ни с какими-либо социально-экономическими потрясениями в регионе.

В 1844 году в губернии зарегистрировали 432 преступления (без данных за февраль и март). Пик пришёлся на декабрь - 91 случай, меньше всего было в январе - 8 и апреле - 24. Соседние губернии давали в те же месяцы заметно меньше: Витебская - от 2 до 12 правонарушений в месяц, Могилёвская - от 3 до 11, Курская - от 6 до 19, Псковская - от 2 до 13. В Смоленской губернии на уголовные преступления (убийства, кражи, грабежи) приходилось не более 5 - 10% от общего числа, остальное составляли бродяжничество и беспаспортность. Такой перекося был свойствен именно транзитным губерниям: Киевская и Екатеринославская давали сходные цифры (60-80% бродяжничества), а в аграрных губерниях доля административных проступков была заметно ниже³⁴³.

В 1845 году общее число правонарушений снизилось до 260, при этом максимум был зафиксирован в июне (71), а минимум - в декабре (6)³⁴⁴. Год спустя уровень остался почти тем же (262 преступления), но структура начала меняться: если в начале года бродяжничество ещё составляло значительную долю (январь - 18, февраль - 40, март - 13), то к лету она заметно сократилась, а в апреле, октябре и ноябре бродяг не регистрировали вовсе³⁴⁵.

³⁴³ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1844. Ч. 7, 8; 1845. Ч. 9, 10.

³⁴⁴ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1845. Ч. 11, 12; 1846. Ч. 13, 14.

³⁴⁵ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1846. Ч. 15, 16; 1847. Ч. 17, 18.

Кардинальные изменения произошли в 1847 году: за первое полугодие зарегистрировали всего 24 правонарушения - в 10 раз меньше, чем за тот же период 1844 года³⁴⁶. Бродяжничество и дезертирство, составлявшие в 1844-1845 годах до 70% всех правонарушений, к 1847 году оно либо исчезло, либо сократилось до единичных случаев. Это подтверждает, что мы имеем дело не с локальным смоленским феноменом, а с общегосударственным изменением практики учёта.

Показательно, что уголовная преступность при этом никуда не исчезла: кражи, убийства, грабежи продолжали регистрироваться примерно на том же уровне, что и прежде. Исчезновение бродяжничества из статистики при сохранении прочих видов правонарушений убедительно свидетельствует: мы имеем дело не с реальным улучшением криминогенной обстановки, а с изменением практики учёта.

Отчасти это было связано с введением в действие «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года (с 1846 года)³⁴⁷. Новый кодекс впервые дал чёткое юридическое определение бродяжничества, отделил его от смежных составов и существенно ужесточил наказание. Это, с одной стороны, могло оказать сдерживающий эффект, с другой - изменило саму процедуру регистрации: часть случаев, ранее учитывавшихся как «беспаспортность», теперь квалифицировалась иначе. Одновременно с этим было введено клеймение бродяг, скрывающих своё звание; в 1846 году этой процедуре подверглись 939 человек (по всей империи; отдельной статистики по Смоленской губернии не публиковалось)³⁴⁸. За 1848-1852 годы данных в Журнале МВД нет, однако вряд ли структура преступности в это время резко менялась. Войн и реформ губерния не переживала, природных катастроф не случалось, социально-экономические условия оставались прежними, система учёта - той же, законодательные новации уже действовали.

³⁴⁶ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1847. Ч. 19, 20.

³⁴⁷ Высочайше утверждённое Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XX. Отд. 1. № 19283. СПб., 1846.

³⁴⁸ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1847. Ч. 17.

Следующий сдвиг дала Крымская война. В 1853 году (июль-декабрь) было зарегистрировано 42 преступления³⁴⁹, в 1854 году - 84³⁵⁰, а в 1855 году (январь-июль) - 38³⁵¹. Соседние губернии в те же месяцы 1853 года давали меньше: Витебская - от 1 до 10 правонарушений в месяц, Могилёвская - от 4 до 7, Курская - от 4 до 17, Псковская - от 4 до 11. Разрыв между Смоленской губернией и соседями по сравнению с 1844-1845 годами сократился. Бродяжничество и дезертирство в статистике этого периода почти не встречаются: дезертиров учитывало военное ведомство, а бродяги перестали попадать в публикуемые сводки. Примечательно, что и в других губерниях, даже тех, которые в 1844-1845 годах лидировали по бродяжничеству (Киевская, Екатеринославская, Пермская), эта категория в 1853 году уже не фиксировалась или исчислялась единицами. Уголовная преступность (убийства, кражи, грабежи) оставалась стабильно низкой на протяжении всего рассматриваемого периода - не более 5-10% от общего числа зарегистрированных правонарушений.

Таким образом, динамика статистики показывает, что преобладающим направлением работы провинциальной полиции являлся административный надзор, а не борьба с уголовной преступностью. Резкое падение числа бродяг после 1846 года — это не следствие реального снижения преступности, а результат изменения учётной политики, вызванного введением нового законодательства и новой редакционной стратегией «Журнала МВД». Война 1853-1856 годов лишь завершила этот процесс, окончательно выведя бродяжничество и дезертирство из сферы уголовной статистики.

Примером внимания полиции к заявлениям, связанным с восстанием, служит дело, возникшее в Смоленской тюрьме в 1830-х годах. Там содержался поляк Бранштедте, осуждённый за участие в мятеже в Царстве Польском. В 1835 году он сообщил местным властям, что опознал среди арестантов своего

³⁴⁹ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1854. Ч. 4, 5, 6.

³⁵⁰ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1854. Ч. 7, 8, 9; 1855. Ч. 10, 11, 12.

³⁵¹ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1855. Ч. 13, 14, 15; 1856. Ч. 16.

бывшего сообщника по повстанческому отряду - человека, значившегося под именем Ивана Василевского и, по утверждению Бранштедте, участвовавшего в поджоге Москвы. После проведённого расследования выяснилось, что арестант, на которого указал Бранштедте, числился в документах под другим именем и с иным происхождением. Согласно первоначальной версии, он являлся крепостным крестьянином капитана Юшкова из Тульской губернии, с которым в 1831 году оказался в Минске во время польского восстания. Для установления всех обстоятельств биографии арестанта и степени его причастности к мятежу было инициировано судебное разбирательство³⁵².

Повторное расследование не подтвердило версию о том, что задержанный является тульским крестьянином Юшковым. После опознания арестанта Бранштедте отправили для дознания в Санкт-Петербург, где выяснилось, что он - бродяга; по решению императора его зачислили рядовым в войска Отдельного Кавказского корпуса. Арестант Иван Василевский был препровождён для дознания в Минск, затем в Москву. Дальнейшим расследованием занимался чиновник особых поручений надворный советник Богданович. Ему удалось установить следующие обстоятельства: согласно метрической книге, арестант родился в Минске в 1817 году; его отец, Фёдор Василевский, был привезён в Минск в 1798 году епископом (к моменту следствия умершим) и до смерти от холеры в 1831 году служил сторожем в римско-католической консистории. Помимо Ивана в семье было ещё несколько детей. Сословное происхождение установить не удалось, однако было ясно, что к дворянскому сословию семья не принадлежала; в документах римского духовенства они значились как церковники³⁵³.

Первые сведения о правонарушениях Ивана Фёдоровича относятся к его детству. В 1828 году он похитил у консисторского секретаря Тустановского 400 ассигнаций и попал в острог. Сенат постановил наказать его розгами, причём наказание должны были исполнить родители при полицейском

³⁵² ГАСО. Ф. 1. Оп.1. 1831 г. Д. 5. Л. 1-5.

³⁵³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. 1834 г. Д. 351. Л. 16.

чиновнике. Затем ему следовало отработать похищенные деньги у Тустановского. Тот передал его минскому помещику Богдановскому, позднее Иван Фёдорович возвращался к прежнему хозяину и служил у других ремесленников. В это время он украл у еврея Киви 10 рублей серебром. В январе 1832 года Василевский добровольно поступил в Рязанский мушкетёрский полк, стоявший в Минске. Вероятно, таким способом он рассчитывал избежать преследования. По возрасту его первоначально определили в певческую церковную школу. Весной того же года он отправился с полком в поход уже рядовым пятой мушкетёрской роты. В 1834 году, когда полк следовал через Москву в Тулу и остановился у деревни Сноповки, Василевский бежал. На третий день его задержали в первом квартале Москвы. После следствия он был возвращён в полк и наказан 25 розгами. Однако уже через три дня, 22 сентября 1834 года, Василевский снова бежал. В это время полк переходил из Москвы в Могилёвскую губернию. Беглец намеревался добраться до брата и сестры в Минске, но в Смоленске его задержали³⁵⁴.

В ходе этого разбирательства учреждения нескольких губерний и ведомств обменивались сведениями и согласовывали дальнейшие действия. Документы, полученные в одном месте, помогали продолжить расследование в другом и установить обстоятельства преступления. Существенными оказывались и показания заключённых, которые сообщали о лицах и событиях, сведений о которых в остальных материалах ещё не было. Таким образом, розыск зависел и от ведомственной переписки, и от получения новых показаний.

События декабря 1825 года в Санкт-Петербурге усилили внимание правительства к настроениям жителей губерний. Местным властям поступили секретные предписания: требовалось выявлять противников существовавшего порядка и тех, кто мог вызвать недовольство населения³⁵⁵.

³⁵⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. 1834 г. Д. 351. Л. 18-80.

³⁵⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1826 г. Д. 16. Л. 1-4.

В Смоленской губернии городничие и полицмейстер составили рапорты о благонадёжности населения. Губернское начальство передало эти сведения в столицу. Полученные сообщения удовлетворили центральную власть, и дополнительных расследований она не потребовала. Впоследствии обязанности по сохранению спокойствия были систематизированы в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений 1832 года. Статья 148 предписывала пресекать «в самом начале всякую новизну, законам противную», статья 149 – не допускать исполнения покушений, направленных на нарушение спокойствия. Действия властей при бунте и возмущении определялись статьями 162–166. Отдельные нормы касались распространения вредных слухов. Статьи 122–123 устанавливали порядок преследования определённых категорий чиновников и офицеров, в том числе состоявших под полицейским надзором или удалённых со службы за дурное поведение. Статья 124 относилась к составителям и распространителям подложных указов. Таким образом, наблюдение за настроениями населения соединялось с надзором за отдельными лицами и пресечением действий, которые власть считала опасными для общественного порядка³⁵⁶.

Особенно много в пределах Смоленской губернии под надзором полиции находилось поляков после польского восстания 1830 года. Это было связано с тем, что Смоленск выступал как часть этапа для пересылки осуждённых в ходе восстания лиц вглубь страны и обратно в западные губернии. Необходимо отметить и особенность приграничного положения губернии: не особо опасных противников царского режима высылали в Смоленск, так как он был недалеко от родных земель бунтовщиков, но на достаточном удалении, чтобы разорвать их связь с сочувствовавшими. Так, в Ельню и Дорогобуж были высланы два шляхтича Новогонский и Доношкович за подстрекательства к восстанию. Во время пребывания в губернии они вели себя смирно, после чего в конце года были отправлены к месту своего

³⁵⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп.1. 1828 г. Д. 16. Л. 1-7; 1830 г. Д. 19. Л. 1-5; 1831 г. Д. 19. Л. 1-4.

жительства в Могилёв, пробыв в Смоленской губернии меньше года. За отдельными ссыльными был установлен более строгий надзор: так, мещанину Бибко из Витебска было запрещено иметь какие-либо связи с польскими и белорусскими губерниями, сам он был отправлен в Юхнов, на границу Калужской губернии, подальше от великорусской границы³⁵⁷.

Под надзором городских полиций находились и следующие по этапу осуждённые. В 1830-е годы в Смоленском тюремном замке содержался могилевский помещик Борисович, который ратовал на дворянских собраниях за мятеж против власти. В тюрьме он пробыл под надзором квартального надзирателя Каташова только несколько месяцев, так как был признан особо опасным и перемещён в Казань под конвоем³⁵⁸. Ещё одним примечательным арестантом смоленского тюремного замка был губернский секретарь Щука. Он был задержан смоленской городской полицией и помещён в тюрьму «за разные законопротивные поступки, произведённые им в Верховском уезде» Смоленской губернии³⁵⁹. же находясь в тюрьме, отставной штабс-капитан Щука «производил там нестерпимые буйства и даже можно опасаться, чтобы он дерзостью громогласных своих выражений не произвёл между арестантами и пленными мятежниками какого-либо волнения»³⁶⁰. После этого его перевели на гауптвахту в ожидании суда, больше неудобств местным властям он не доставлял.

В 1846-1847 годах под надзором смоленской полиции находилось около двух десятков поднадзорных (ст. 122-124 Устава о предупреждении и пресечении преступлений), рассредоточенных по разным уездным центрам региона. При этом основная масса поднадзорных преступников проживала в Смоленске³⁶¹. Власть после восстания декабристов усиливала контроль над частной жизнью общества, опасаясь распространения революционных идей.

³⁵⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Д. 12. Л. 1-6; 1831 г. Д. 13. Л. 1-14.

³⁵⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Д. 7. Л. 1-5 об.

³⁵⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп.1. 1831 г. Д. 9. Л. 5.

³⁶⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп.1. 1831 г. Д. 9. Л. 13.

³⁶¹ Статистическое обозрение губернского города Смоленска. 1835. С. 27.

Высланным можно было стать и за проявленную неблагонадёжность во время частного обеда, как случилось с помещиком Пузыном, который во время обеда у своего соседа имел неосторожность высказаться неудовлетворительно в отношении властей. В Смоленске он пробыл недолго, вся его переписка читалась, хотя она и велась на французском. Не найдя в ней ничего предосудительного и не видя угрозы в Пузыне, ему было позволено вернуться домой³⁶².

В российском законодательстве XIX века распространение запрещённых сочинений и сведений рассматривалось как угроза государственной безопасности и общественному спокойствию. Усиление революционных настроений в Европе, которые могли перекинуться на Россию, мотивировали власть к ужесточению надзора. Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1832 года запрещал ложные разглашения и слухи, нарушавшие народную тишину. Статьи 119-124 касались запретов на распространение ложных указов, сведений и порядка действий служащих и чиновников в подобных ситуациях. Здесь же находилась категоризация ответственности в зависимости от социального статуса (чин, сословие, звание и т.д.) правонарушителя. Контроль и розыск за распространителями противозаконных пасквилей и подмётных писем возлагался на полицию статьёй 125. По ней правоохранные органы обязаны были задерживать как авторов, так и лиц, подбрасывавших или вывешивавших такие письма. Дальнейшее развитие законодательства отразилось в Уложении о наказаниях 1845 года, содержащем нормы о государственных преступлениях и преступлениях против порядка управления. Состав деяния и наказание определялись содержанием запрещённых материалов и действиями виновного. В случае открытия тайных обществ, планирующих свергнуть правительство, предполагалась рассылка указов о более пристальной слежке

³⁶² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Д. 10. Л. 2-9.

за всеми частными собраниями в регионе, чтобы пресекать создание тайных обществ в зародыше³⁶³.

В Уставе благочиния предусматривалась ответственность за сочинение анонимных ругательных писем и их тайное прибивание или подбрасывание (статья 271, пункт 11). Письма с угрозами рассматривались отдельно (статья 272, пункт 3), так как попадало под действие норм об угрозе расправой и жизни, и поэтому при обнаружении письма полиции предстояло выяснить, кем и для чего оно было написано, кому предназначалось и каким образом попало к задержанному. Эти сведения определяли дальнейший ход дела и его передачу в суд. Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1832 года продолжал эту практику – статьи 125-127. Таким образом, полицейское расследование связывало установление происхождения письма с выяснением участия каждого из причастных к нему лиц для определения состава преступления и мер воздействия.

В 1827 году поводом для такого расследования стало письмо, найденное при обыске ямщика Ивана Рылова. Письмо было написано аккуратным и грамотным почерком. Некие лица, явно происходившие из привилегированных сословий, в своем послании советовали немедленно адресату выехать в Витебск под чужим именем, так как помещица Горожинская узнала о его тайной переписке и подала жалобу в полицию. Перед стражами порядка возникла непростая задача: выяснить, кому предназначалось письмо: ямщику, или он выступал в качестве передатчика, кто его загадочные авторы, откуда у них сведения о поступившей жалобе в полицию и т.д. Выяснилось, что незнакомец, контактировавший с Рыловым, был его беглым двоюродным братом Василием Рылеевым, скрывавшимся под именем Алексея Бондарева. По одной из версий, он намеревался покинуть Россию и уехать в Китай. Смоленские стражи порядка рассчитывали выйти на следы Рылеева-Бондарева через его предполагаемый визит к отцу в Вязьму,

³⁶³ ГАСО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 118. Л. 17-18.

однако он так и не появился там. Для установления почерка копию письма направили в Витебск. По-видимому, эта мера результата также не дала: происхождение писем осталось невыясненным, а «Алексей» найден не был. Ивана Рылова тем не менее предали суду за причастность к сомнительной переписке³⁶⁴. Обнаруженное письмо привело к продолжительной переписке и розыску, в ходе которых полиции пришлось устанавливать и родственные связи задержанного, и обстоятельства передачи сообщения.

Уклонение от правосудия в форме бегства подозреваемых или дезертирства военнослужащих, представляло особую угрозу для правопорядка. С одной стороны, как и сейчас, оно позволяло преступникам избежать ответственности и могло способствовать совершению новых правонарушений. С другой — это был прямой вызов существующему государственному строю. В соответствии со статьями 35 и 104 Устава благочиния полиция была обязана незамедлительно начинать розыск бежавших лиц. Требовалось распространять сведения о них среди подведомственных подразделений, организовывать патрулирование на дорогах и в местах вероятного укрытия, взаимодействовать с соседними губерниями при межрегиональном розыске. Свод уставов о паспортах и беглых 1832 года конкретизировал эти обязанности: статья 367 обязывала городничих и земских исправников «прилагать всевозможное старание» к поимке бродяг; статья 371 разрешала преследование беглых через границы уездов и губерний; статья 375 возлагала на полицию обязанность преследовать дезертиров, а статья 376 устанавливала ответственность полицейских начальств за непринятие мер к поимке. На практике это означало рассылку циркуляров с описанием примет, проверку постоянных дворов, трактиров и других подозрительных мест, опрос свидетелей и сбор агентурных сведений. Рассылка велась во все городские полиции и земские суды. С появлением губернских ведомостей описания преступников и приметы стали

³⁶⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп.1. 1827 г. Д. 14. Л. 1-12.

публиковаться в них, что позволило включить более широкие массы для «пассивного» участия в обнаружении беглецов³⁶⁵.

Из столицы во все губернии поступили предписания о необходимости разыскать некоего Эдуарда Галчевского (он же Галачинский или Головочевский) - поляка, участвовавшего в мятеже. Этот человек был задержан на австрийской границе, но сумел бежать. Циркуляры с его приметами разослали по всем уездам, однако местные полицейские начальники рапортовали об отсутствии следов разыскиваемого на их территориях. Позднее Галчевского якобы обнаружили в Тобольской губернии, но на допросе выяснилось, что это был всего лишь беглый крестьянин. По словам задержанного, ему удалось безнаказанно проехать через Смоленскую губернию, поскольку при себе он не имел никаких документов. Можно предположить, что известие о беспрепятственном проезде беглого через губернию вызвало обеспокоенность местных властей. Однако реальному Галчевскому, судя по отсутствию дальнейших указаний о его розыске, всё же удалось ускользнуть от правосудия³⁶⁶.

Подобные инциденты с побегам разыскиваемых лиц случались регулярно. В 1831 году полиция получила сообщение, что из Гродно тайно выехали маршал брестского повета Немцевич, младший лекарь Щекинский и канцелярист Красовский, причём последние двое не были под надзором полиции, но пропали неизвестно куда в одно время с Немцевичем. В Смоленской губернии ни сбежавший Немцевич, ни Щекинский с Красовским обнаружены не были³⁶⁷. Ещё один случай произошёл в 1846 году, когда полиция Смоленской губернии получила сообщение о бегстве старообрядца Ивана Горбунова из-под стражи в Пермской епархии, куда он был этапирован для религиозного вразумления. Все силы стражей порядка были брошены на

³⁶⁵ Смоленские губернские ведомости. 1838. № 4. Л. 2.; №5. Л. 2. №9. Л. 3; №41. Л. 1; № 43. Л. 3; 1845. № 1. Л. 2; №6. Л. 2.

³⁶⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 54. Л. 3-18 об.

³⁶⁷ ГАСО. Ф.1 Оп. 1. 1831 г. Д. 6. Л. 1-27.

его розыск, но усилия не увенчались успехом³⁶⁸. Из смоленского гарнизонного батальона также дезертировало 7 нижних чинов, но ни внутри губернии, ни в пограничных отыскать их не удалось³⁶⁹.

Были и успешные примеры поимки беглецов и дезертиров. В 1833 году по донесению майора Ранского начался розыск десятерых нижних чинов, дезертировавших из калужского гарнизонного батальона. Поскольку родом они были из Польши, то бежать могли в том числе через Смоленскую губернию. Один сам пришёл в смоленский тюремный замок, ещё четверых схватили 30 сентября - при том, что донесение майора пришло в канцелярию только 7 октября, то есть полиция сработала на опережение. Задержала дезертиров юхновская инвалидная команда во главе с унтер-офицером Фомою Андреевым³⁷⁰. Статья 369 Устава о паспортах и беглых прямо предусматривала преследование беглецов посредством полицейских команд и Внутренней стражи, а статья 377 устанавливала за каждого пойманного беглеца денежное вознаграждение. Другие дезертиры обнаружены не были, по всей видимости, они попытались вернуться на родину другой дорогой. Инвалидная команда выступала частым помощником в поимке преступников³⁷¹.

В случае побега арестантов в период их этапирования объявлялся общероссийский розыск с рассылкой ориентировок. Так, по запросу из Петербурга разыскивались беглецы штабс-ротмистр Чаговец и мещанка Лелина, которые при следовании из столицы в Москву нарушили установленный маршрут. Однако на территории Смоленщины их обнаружить не удалось³⁷². Подобные запросы встречаются в делах городских полиций Смоленской губернии достаточно часто - более пяти-семи ежегодно.

В сфере поддержания общественного порядка городская полиция Смоленской губернии во второй трети XIX века в первую очередь была

³⁶⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп.1. 1846 г. Д. 13.

³⁶⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп.1. 1833 г. Д. 56. Л. 1-23.

³⁷⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп.1. 1833 г. Д. 55. Л. 1-24.

³⁷¹ ГАСО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-2 об.; Д. 3. Л. 1-4.

³⁷² ГАСО. Ф. 1. Оп.2. Д. 115.

призвана пресекать нарушения, подрывающие повседневную безопасность и благочиние в городском пространстве. «Устав о предупреждении и пресечении преступлений» 1832 года прямо предписывал полиции пресекать действия, ведущие к нарушению тишины и спокойствия (ст. 218-222), что создавало правовую основу для борьбы с хулиганством и пьянством. В развитие этих норм Устава благочиния (ст. 214) обязывал полицию пресекать «шум, крик, брань и непристойные слова» в публичных местах, а ст. 256 предусматривала меры воздействия на лиц, злоупотребляющих спиртными напитками и нарушающих порядок в состоянии опьянения. Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1832 года подтвердил и конкретизировал эти нормы: статья 218 объявляла пьянство запрещённым, статья 219 обязывала полицию забирать пьяных с улиц, а статьи 220-222 определяли меры взыскания - от суточного содержания на хлебе и воде до помещения в смиренный дом. Эти нормы позволяли полицейским чинам оперативно реагировать на инциденты, делая замечания, задерживая нарушителей или применяя более строгие меры воздействия.

Ярким примером служит случай с мещанином Михайло Никифоровичем Жуковым, который за постоянное пьянство и ругань в сторону других мещан и властей попал под суд и по ходатайству гжатского городничего Ржениковского был отдан в рекруты³⁷³. Эта крайняя мера должна была, в том числе, показать окружающим неотвратимость наказания за нарушения подобного рода

Не менее актуальной задачей для полиции являлось выявление и пресечение бродяжничества, а также контроль за наличием у населения надлежащих документов, удостоверяющих личность и право на пребывание в городе. Статья 35 Устава благочиния обязывала полицию задерживать «бродяг, беглых и подозрительных людей», а ст. 157 возлагала на домовладельцев обязанность уведомлять квартальных надзирателей о всех прибывающих и

³⁷³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 21. Л. 40-42.

убывающих жильцах. Свод уставов о паспортах и беглых 1832 года сохранил и ужесточил эти требования: статья 221 вновь предписала домохозяевам немедленно извещать квартального надзирателя о прибывших и выбывших, статья 223 установила за неисполнение штраф, а статья 362 впервые дала развёрнутое легальное определение беглых и бродяг, отнеся к ним не только беспаспортных, но и лиц, просрочивших документы или утративших их без уважительных причин. Это позволяло формировать систему учёта населения и минимизировать риски, связанные с пребыванием в городе лиц без определённого места жительства и занятий. На практике эта норма применялась регулярно: бродяги и беспаспортные составляли основную массу заключённых в уездных тюрьмах. Полиция не просто фиксировала такие случаи - она устанавливала личность задержанного, выясняла, как и зачем он оказался в городе, и решала его дальнейшую судьбу: высылка на родину или ответственность за сопутствующие правонарушения. Поимка беглых была одним из самых массовых направлений работы, в год набирались десятки дел. В Поречье, например, поймали беглого крестьянина Родиона Васильева, принадлежавшего помещику Феликсу Маевскому из Бабиновичей³⁷⁴. О поимке беглых писали и губернские ведомости - если не удавалось установить владельца, а задержанный молчал, в публикации перечислялись приметы, чтобы хозяева могли опознать пропавшего³⁷⁵.

Статья 72 Устава благочиния обязывала полицию «пресекать воровство и кражи», а также принимать меры к розыску похищенного имущества и задержанию преступников. При этом на должностных лиц возлагалась обязанность оперативно реагировать на сообщения о преступлениях, проводить первоначальное расследование и документировать все обстоятельства дела (ст. 101-103). Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1832 года в статьях 362-366 конкретизировал эти обязанности применительно к воровству-краже и воровству-мошенничеству, предписав

³⁷⁴ ГАСО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 54. Л. 2-3.

³⁷⁵ Смоленские губернские ведомости. 1838 г. № 5. С. 27; №21. С. 103-104.

полиции руководствоваться общими правилами поимки преступников. В Смоленской губернии в тюрьмах и острогах содержалось множество конокрадов, которых ловили полицейские. Были распространены кражи движимого имущества, в таких случаях полиция делала опись похищенного и искала воров по украденному. Так, в Поречье в 1848 году в ночное время были сломаны два дверных замка и похищено имущество у местных жителей; полиция провела ревизию и отыскивала воров по горячим следам.³⁷⁶ Для более эффективного поиска опись вещей размещалась и в прессе³⁷⁷.

Не менее опасным видом имущественных преступлений являлись грабежи: открытое хищение имущества, зачастую сопровождавшееся насилием. Грабежи в городах были редкостью, в основной своей массе они происходили в уездах, однако сотрудников городских полиций могли использовать для увеличения численности команд по ликвидации разбойничьих шак. Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1832 года в статьях 372-378 подробно регулировал борьбу с разбоем и пристанодержательством: полиция обязывалась употреблять «все возможные способы» к искоренению воров и разбойников (ст. 373), а в случае обнаружения скопища - доносить губернатору и одновременно принимать меры к поимке (ст. 376). Так, в Смоленской губернии в 1838-1839 годах орудовала банда разбойника Тришки: они нападали и грабили помещичьи усадьбы, напугав всю округу. Поимка была возложена на смоленского полковника корпуса жандармов Вепрейского, который использовал солдат гарнизона и сотрудников полиции для обезвреживания преступников³⁷⁸.

Полиция занималась и мошенничеством, которое по мере развития торговли и денежных расчётов принимало разные формы. Статья 214 Устава благочиния предусматривала ответственность за «обман и плутовство»; полиция проверяла сомнительные сделки, выявляла фальшивые документы,

³⁷⁶ ГАСО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 111. Л. 54-55.

³⁷⁷ Смоленские губернские ведомости. 1838 г. № 47. Л. 1. С. 1 – 4.

³⁷⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. 1838 г. Д. 258. Л. 1 – 66.

пресекала деятельность лиц, злоупотреблявших доверием. Отдельного дела о мошенничестве в материалах городской полиции нет, но на практике полиция сталкивалась с ним постоянно: от уличных афер до сложных финансовых махинаций, в которых участвовало и купечество. Чаще всего мошенничество входило в состав более тяжких преступлений.

Фальшивомонетничество угрожало финансовой системе империи и потому представляло для полиции особую сложность. Статья 215 Устава благочиния обязывала выявлять и задерживать изготовителей и распространителей поддельных денежных знаков, а также устанавливать всю цепочку их распространения. Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1832 года в статьях 391 и 398 прямо возложил на городские и земские полиции наблюдение за тем, чтобы монета не подделывалась, и производство следствий по этим делам. При получении сведений о фальшивой ассигнации полицейские чины должны были организовать допросы свидетелей, обыски, экспертизу купюр и координацию с соседними губерниями при выявлении межрегиональных связей преступников. В практике смоленских городских полиций подобные правонарушения встречались достаточно часто. Несколько примеров с диаметрально противоположными результатами демонстрируют всю сложность раскрытия таких преступлений.

В 1833 году при уплате податей в ельнинское казначейство передали поддельную 25-рублёвую ассигнацию 1818 года. Расследованием занялась городская полиция ³⁷⁹. В Ельне были установлены двенадцать человек, через руки которых прошла эта купюра. Всех допросили и обыскали, но приспособлений для изготовления ассигнаций не нашли. Затем выяснилось, что в местное обращение деньги поступили через Прасковью Константиновну Седельникову, жену купца третьей гильдии. Она получила ассигнацию от

³⁷⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 4. Л. 5-5 об.

неизвестного в обмен на серебро³⁸⁰. Продолжить розыск по этой цепочке полиция не смогла, и виновные остались неустановленными.

Расследование подделки денег нередко требовало участия полиции нескольких губерний. Так, в 1828 году в Ржеве обнаружили фальшивую 25-рублёвую ассигнацию. Полиция установила, что её пустил в обращение сычевский мещанин Афанасий Иванович Заворонский. Следствию требовалось выяснить его связь с изготовлением или распространением подделки. Поскольку Сычёвка находилась в Смоленской губернии, тверские власти обратились к смоленскому полицмейстеру. Квартальные надзиратели из Твери и Смоленска совместно с сычевской полицией обыскали Заворонского и допросили его³⁸¹. Дальнейшее разбирательство выявило сеть фальшивомонетчиков, действовавших в нескольких губерниях. Всего арестовали 15 человек³⁸². Этот случай показывает, что согласованные действия местных полиций позволяли раскрывать и сложные дела, в которых преступники действовали организованно и скрытно.

К обязанностям городской полиции Смоленской губернии во второй трети XIX века относилась защита жизни, здоровья и достоинства жителей. Особое место занимало расследование убийств, нарушавших не только права потерпевших, но и спокойствие населения. По ст. 105 и 112 Устава благочиния, получив сообщение об убийстве, полиция должна была осмотреть место происшествия, зафиксировать следы, установить потерпевшего и подозреваемого, опросить свидетелей. Надлежало выяснить время и место преступления, мотивы и наличие умысла. Для этого полицейские взаимодействовали с судебно-медицинскими экспертами, после чего собранные материалы передавались в суд.

Убийств в городах Смоленской губернии регистрировали немного: 15 случаев в 1833 году, 35 осуждённых за убийства разной тяжести

³⁸⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 4. Л. 7-51 об.

³⁸¹ ГАСО. Ф. 451. Д. 290. Л. 1-1 об.

³⁸² ГАСО. Ф. 451. Д. 290. Л. 60.

в 1844-м году³⁸³. Причина в слабом развитии городов, где люди жили скученно, а большинство насильственных преступлений происходило в сельской местности.

Много времени у полиции отнимали телесные повреждения: бытовые драки, нападения с оружием. Статья 105 Устава благочиния обязывала фиксировать характер и степень повреждений, опрашивать потерпевшего и свидетелей, устанавливать виновных и задерживать их. Особенно трудно было со случаями, где насилие совершалось группой или систематически. Квартальные надзиратели то и дело докладывали полицмейстерам и городничим о драках, избиениях, конфликтах, требовавших вмешательства.

Изнасилование стояло особняком. К физическому вреду здесь добавлялась тяжёлая моральная травма, и многие случаи просто не попадали в статистику - мешали стыд и страх огласки. Статьи 105 и 196 Устава благочиния обязывали полицию принимать заявления, осматривать место происшествия, назначать освидетельствование потерпевшей и организовывать розыск преступника. Но на практике эти положения соблюдались не всегда. В 1829 году в сенях бани дьячихи Белкиной в Вязьме был найден мёртвый младенец³⁸⁴. Следствие взял под контроль городничий Коризна. Насильственных действий не обнаружили, но выяснилось, что девица Мария Белкина, дочь дьячихи, была изнасилована неизвестным и 5 ноября родила мёртвого младенца. Семья, опасаясь общественного осуждения, не стала обращаться в полицию, чтобы наказать виновного³⁸⁵. Даже после вскрывшегося факта изнасилования полиция не стала возбуждать уголовное дело и искать виновного, не желая загружать себя дополнительной работой. Более того, инцидент для местных властей исчерпал себя: семья не хотела огласки, а плод насилия родился мёртвым.

³⁸³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 42. Л. 35.

³⁸⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1829 г. Д. 21. Л. 1-2.

³⁸⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1829 г. Д. 21. Л. 3-3 об.

В Уставе Благочиния по статьям 103 и 214 от городской полиции требовалось уделять особое внимание случаям оскотпления и самооскотпления, так как эти процедуры могли быть связаны либо с насильственными действиями в первом случае, либо с сектами старообрядцев во втором. Ярким примером реализации всех предписанных законом следственных мероприятий (опрос свидетелей, анализ противоречий в показаниях и т.д.) стало дело в Гжатском уезде в 1830 году. По распоряжению министра внутренних дел требовалось выяснить обстоятельства, при которых московский мещанин Яков Васильев подвергся кастрации (это выяснилось на медицинском осмотре). Расследование было возложено на городскую полицию Гжатска и нижний земский суд Гжатского уезда.

Следствие началось с допроса Васильева, который рассказал, что до переезда в Москву проживал на территории уезда в качестве крестьянина, где некий человек, называвший себя «советником Семёновым» совершил с ним насилие в виде кастрации. Полиция начала опрос свидетелей и поиск этого Семёнова в родной деревне Васильева, в целом по уезду и в самом Гжатске. Выяснилось, что местные жители никогда не слышали о человеке по фамилии Семенов и не видели никого, соответствующего описанию. Более того, телесные повреждения Васильева имели признаки самонанесения. У потерпевшего были явные увечья, но его показания о личности преступника выглядели сомнительными. Дело, скорее всего, осложнялось психическим состоянием самого Васильева³⁸⁶.

Городская полиция должна была следить за законностью и в собственных рядах. Российское законодательство второй трети XIX века предусматривало ответственность должностных лиц за халатность, злоупотребления властью и взяточничество.

Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1832 года не описывал должностные преступления так подробно, как Уложение 1845 года,

³⁸⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1830 г. Д. 6. Л. 2-14.

но ответственность для полицейских чиновников в нём уже была заложена. Статья 242 грозила строжайшим взысканием за нерадение о призрении нищих, статья 402 - отрешением от должности за нерадивость в надзоре за обращением запрещённой монеты. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года довело эту линию до конца: в статьях 441-442 оно впервые дало чёткое определение халатности - неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей по недобросовестности или небрежению, и установило за неё уголовную ответственность.

Примеры халатного отношения к исполнению своих обязанностей были и в городских полициях Смоленской губернии. В 1837 году по донесению титулярного советника Попова против вяземского городничего Коризны началось расследование по его упущениям и злоупотреблениям, которые по итогу были доказаны. К сожалению, в материалах делопроизводства не сохранились конкретные обвинения против капитана Викентия Кузьмича Коризны, однако можно предположить, что за более чем 15-летнюю службу он мог как вступить в коррупционный сговор с местными элитами, создав систему сбора винных и кормчих платежей в свой карман, так и в силу возраста и здоровья халатно относиться к своим обязанностям.

Предъявленные обвинения и последовавшее увольнение позволяют заключить, что власти признали его виновным. В пределах рассматриваемого периода он был единственным чиновником, уволенным со службы за злоупотребления, соотнесённые со ст. 242 и 402 Устава о предупреждении и пресечении преступлений³⁸⁷.

В российском праве XIX века злоупотребление властью и коррупция связывались с умышленными действиями чиновника, нарушавшего пределы предоставленных ему полномочий ради выгоды для себя или других лиц. Устав благочиния устанавливал запреты на казнокрадство (ст. 209, 210), с которым

³⁸⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. №142. 1837 г. Л. 5-5 об.

рассматривалось и злоупотребление служебной властью. Статья 367 Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1832 года предусматривала ответственность за превышение власти. В Уложении о наказаниях 1845 года эти вопросы получили дальнейшее определение: ст. 317 относилась к злоупотреблению властью незаконное присвоение полномочий, предоставленных лицам на государственной или общественной службе. В зависимости от ущерба применялись штраф либо лишение свободы на срок от шести месяцев до года. Закон преследовал также мздоимство и лихоимство. Первое означало получение взятки за действие, само по себе законное, второе - вознаграждение за действие, нарушавшее закон.

Случаи злоупотребления властью среди служащих городской полиции Смоленской губернии встречались редко, но выявленные нарушения вызывали вмешательство начальства. Так, прусский уроженец Иоганн Фердинанд Апцподин заявил, что при его проезде через Дорогобуж городничий А.Г. Гурьев отобрал «деньги, галстук, английский несессер и породистую легавую собаку». Действия городничего соотносились со ст. 367 Устава о предупреждении и пресечении преступлений о превышении власти. Губернатор Н.И. Хмельницкий потребовал возвратить иностранцу отнятое имущество³⁸⁸.

Ярким примером неисполнения обязанностей и халатности стал инцидент в конце карьеры смоленского полицмейстера Юрова в 1839 году. До графа Бенкендорфа дошли слухи о халатности и злоупотреблениях смоленского полицмейстера: «Дошло до моего сведения, что в г. Смоленске нижние чины тамошнего внутреннего гарнизонного батальона, до 20-ти человек, 8 сентября ночью, напав на караульщика мясницких рядов, прошибли ему голову и когда наехал Жандармский объезд, то стащили двух жандармов с

³⁸⁸ Тихонова А.В. Конфликтные ситуации с участием иностранцев: картинки провинциальной жизни николаевской эпохи / А.В. Тихонова // "Вызов" в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 01–03 апреля 2021 года. Том 2. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. С. 273.

лошадей и били их до того, пока на крик их сбежались обыватели и схватили 4 х человек, в том числе и рядового Борковского, ранившего караульного. Пойманные были представлены в Полицию, но Полицмейстер подполковник, скрыв это происшествие от Губернатора, выпустил их. Последствием сего было, что батальонный командир так же не донес о том начальству и ограничился наказанием сих четырех человек розгами»³⁸⁹.

Такое послание от начальника III Отделения поступило в Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел. Мало того, что уголовных преступников отпустили и они остались фактически безнаказанными, но и «обнаружилось, что подобные беспорядки случались в г. Смоленске и прежде, весьма часто, но всегда были скрываемы полицмейстером Юровым»³⁹⁰. В связи с таким беззаконием и вопиющей халатностью местных чиновников А.Х. Бенкендорф настоял, чтобы расследованием занимался не только чиновник из Министерства, но и штабс-офицер Корпуса жандармов, который подчинялся и отчитывался только перед ним³⁹¹.

Следствие был назначен вести 30 октября 1839 г. чиновник особых поручений Кроллау под надзором губернского стряпчего и депутатах со стороны военной и жандармской. Расследование завершилось быстро и уже «9 ноября отослано на рассмотрение ... Губернского Правления». В ходе следствия были установлены реальные факты случившегося правонарушения, которое при этом сильно отличалось от тех сведений, которые донесли Бенкендорфу. Так, в рапорте говорилось: «В означенное время несколько человек рядовых Смоленского гарнизонного батальона, по выходу из харчевни в пьяном виде, действительно произвели буйство причинением сторожу мясницких рядов побоев, и сопротивлением жандармам, которые унимали их, и из которых одного (по собственным показаниям жандармов)

³⁸⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. 1839 г. Д. 126. Л. 1.

³⁹⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. 1839 г. Д. 126. Л. 1.

³⁹¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. 1839 г. Д. 126. Л. 1-1 об.

скинули с лошади, били и порвали на нем шинель и рубаху, а <...> помянутых гарнизонных солдат четыре человека были схвачены, и представлены в 3-ю часть полиции, но оттуда на другой день отпущены в батальон без всякой бумаги и таким образом происшествие оставлено было без исследования»³⁹².

На допросах ожидаемо началось перекладывание ответственности: смоленский полицмейстер подполковник Юров говорил, что квартальный надзиратель Нарбут (исполнявший должность частного пристава) отпустил солдат «сам собою», и когда он узнал об этом, то сделать уже ничего не мог, кроме вынесения Нарбуту строгого выговора. Также на допросе он утверждал, что докладывал обо всём губернатору, а о «буйствах» и побоях, которые устроили солдаты, не знал. В свою очередь квартальный надзиратель Нарбут оправдывался тем, что отпустил солдат по требованию командира роты, донеся при этом об их «проступках» воинскому командованию.

В итоге расследования виновным в происшествии признали Нарбута: ему в вину было вменено прежде всего то, что он не донёс о беспорядках полицмейстеру, а также своевольно принял решение об освобождении солдат. Наказанием ему стал выговор с занесением в шнуровую книгу и «подтверждением, чтоб на будущее был более осмотрителен, под опасение за подобное распоряжение строгой, но законной ответственности». Но без внимания не оставили и полицмейстера Смоленска подполковника Юрова, которому также был вынесен строгий выговор, так как «начальник города и полиции не мог не знать...».

Губернское правление завершило разбирательство в середине февраля, а затем материалы были переданы в Сенат. Для подполковника Юрова история, казалось бы, сложилась благополучно, так как он отделался выговором, но уже в конце мая 1840 года Юров подал в отставку, ссылаясь на плохое состояние здоровья, и 15 июня его прошение было удовлетворено. При этом «за свыше 34-летнюю беспорочную службу, сверх производимой ему за

³⁹² РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. 1839 г. Д. 126. Л. 8, 10-11.

рану пенсии» он просил пенсию в размере оклада, который получал в должности полицмейстера - 342 руб. 85 5/7 коп. серебром в год. Однако уволен он был с пенсией только в 2/3 оклада - 228 руб. 75 коп. серебром; вероятно, начальство учло полученный им выговор и уменьшило размер пенсии³⁹³.

Примером коррупционного сговора и наиболее ярким свидетельством неблагополучия в правоохранительной сфере Смоленской губернии служит история смоленского полицмейстера майора, барона Семёна Фёдоровича Эльснера, относящаяся к 1858 году. В фондах III Отделения сохранились выписки из частных писем жителей Смоленска в Москву. В деле было несколько писем, оба от 22 декабря 1858 года: первое - от Алексея Рачинского Александру Антоновичу Рачинскому в Москву, второе - без подписи, адресованное Михаилу Ильичу Энгельгардту. Оба адресата принадлежали к кругу помещиков Смоленской губернии: Александр Антонович Рачинский, отец мецената Сергея Александровича Рачинского, на рубеже 1830-40-х годов был предводителем бельского дворянства; Михаил Ильич Энгельгардт - коллежский асессор, секретарь Смоленского дворянского собрания в 1845 году, помещик Краснинского и Духовщинского уездов.

В своих письмах они писали, что губернатор Н.А. Ахвердов ездил в столицу давать пояснения по поводу возросшей преступности в городе Смоленске и губернии. Рачинский писал: «В Смоленске происходят ужасные беспорядки и безобразия (здесь и далее подчёркивания авторские) - смертоубийства: двух барынь зарезали и обокрали, человек трёх на улице убили, беспрестанно слышно, что кого-нибудь обокрали. Полиция смотрит сквозь пальцы: кого поймают, представят в полицию - тотчас и выпустят без всякого наказания. Полицмейстер барон - мерзавец и сам в паю с мошенниками. Мы сами на себе испытали, как к нам пьяная толпа, ночью, стала стучаться в ворота, не известно с какими намерениями, перебудили, перепугали всех, но как у нас людей было много и у князя Друцкого-

³⁹³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 140. Л. 8-16.

Соколинского, который живёт с нами на одном дворе, то выскочили человек 12 на улицу, схватили одного, а остальные уехали на двух санях, представили в полицию пойманного, и как он ничего не украл, то оправдали и отпустили его. Право, не безопасно жить в Смоленске: по ночам все остерегаются ездить»³⁹⁴.

В письме Энгельгардту также была описана ситуация в Смоленске: «Безнаказанность и безбоязненность у нас теперь воров мошенников может поспорить в превосходстве с Турцией»³⁹⁵. В письме Рачинского упоминается князь Друцкой-Соколинский, предводитель Смоленского дворянства, с которым губернатор Н.А. Ахвердов постоянно конфликтовал начиная с 1853 года³⁹⁶. Если в письме Рачинского даётся негативная оценка Ахвердова, то в письме к Энгельгардту автор, наоборот, сочувствует ему и надеется, что Петербург окажет ему поддержку в решении возникших проблем. При этом оба автора сходятся в беспрецедентности масштабов преступности в Смоленске и губернии в 1858 году. В пользу репрезентативности источника указывает и тот факт, что переписка была частной и независимой; вряд ли авторы ожидали, что их письма окажутся в руках чиновников III Отделения.

К сожалению, в деле не было иных документов чиновников III Отделения, и трудно судить, насколько их вмешательство повлияло на судьбу полицмейстера и генерал-губернатора, но оба были переведены со своих должностей. Стоит также отметить, что до этого, 2 сентября 1858 года, в город приезжал царь Александр II, приезд которого, по словам Ахвердова, готовили «на скорую руку», хотя известия о приезде он получил от министра внутренних дел С.С. Ланского ещё 30 апреля³⁹⁷. Поездка царя выявила плохое состояние дорог, неэффективность исполнения земских повинностей и

³⁹⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2843. Л. 1-1 об.

³⁹⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2843. Л. 2.

³⁹⁶ Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711-1917. Смоленск: Маджента, 2004. С. 263-264.

³⁹⁷ Горская Н.И. Местная администрация и "высочайшие путешествия" 1830-1850-х гг. в Смоленской губернии / Н. И. Горская // Российская история. 2020. № 1. С. 35. DOI 10.31857/S086956870008270-8.

деятельности вольных почт, дороговизну перегонов. Высокий уровень преступности ставил под явное сомнение эффективность работы местных начальников. Николай Александрович Ахвердов получил назначение сенатором 27 февраля 1859 года - эта должность не давала реальной власти и была скорее почётной пенсией. Барон Семён Фёдорович Эльснер, герой нескольких войн, перешёл городничим в маленький уездный Поречье - уволить его было невозможно.

Итак, полиция принимала сообщения о преступлениях, вела дознание, разыскивала беглых и дезертиров, надзидала за политически неблагонадёжными - этот круг обязанностей и определял содержание её правоохранительной работы. Уголовная преступность (убийства, кражи, грабежи) оставалась стабильно низкой на протяжении всего рассматриваемого периода - не более 5-10% от общего числа зарегистрированных правонарушений. Работа полиции зависела прежде всего от личности начальника. Нормативная база («Устав благочиния» 1782 года, «Устав о предупреждении и пресечении преступлений» 1832 года, «Уложение о наказаниях» 1845 года) давала общие и достаточно детальные правила. Но применяли их по-разному. Поречский городничий Кубаровский годами держал уезд в образцовом порядке, а полицмейстер Эльснер в 1858 году вошёл в коррупционный сговор с преступным миром. Между этими крайностями - халатность и сокрытие происшествий (Юров, 1839), некомпетентность из-за возраста и увечий (Туринцов), формальное исполнение обязанностей без инициативы (дело об изнасиловании Марии Белкиной, оставленное без расследования). Система держалась не столько на продуманных правилах, сколько на личных качествах людей.

Вторая устойчивая черта - разрыв между нормативными предписаниями и практикой их исполнения. Закон требовал тщательного расследования каждого преступления с фиксацией всех обстоятельств (ст. 105 Устава благочиния), но на деле полиция могла оставить без внимания изнасилование, если семья жертвы не настаивала на огласке. Закон обязывал задерживать и

передавать в суд виновных в буйстве (ст. 272), но солдат, избивших караульного и жандармов, могли просто отпустить обратно в батальон. Закон предписывал высылать евреев за черту оседлости, однако местные чиновники годами закрывали глаза на их присутствие, руководствуясь хозяйственными нуждами городов. Разрыв между нормами и их исполнением был системной чертой дореформенной полиции.

Третья черта - межведомственные конфликты. Вмешательство III Отделения в дела гжатского городничего Туринцова, параллельное расследование жандармского штабс-офицера по делу Юрова, перлюстрация частных писем и передача сведений Бенкендорфу - всё это показывает, что городская полиция действовала не в изолированном ведомственном пространстве, а в плотной среде пересекающихся юрисдикций. При этом не всё сводилось к конфликтам: дело о фальшивомонетчиках (1828) и поимка дезертиров юхновской инвалидной командой (1833), примеры успешной координации. Но доминировали взаимная настороженность и перекладывание ответственности.

Эффективность полиции зависела от нескольких обстоятельств. Главное - кадры: качество работы определялось личностью начальника, его добросовестностью, компетентностью, физическим состоянием. Второе - финансирование: хронический дефицит бюджетов держал штаты на минимальном уровне, а оклады - на низком, что гнало людей из полиции. Дела Адамовича, Юрова и Эльснера показывают: коррупция была не случайным эксцессом, а следствием кадрового голода и скудости бюджета. Недостаток жалованья создавал соблазн к поборам, а слабый контроль сверху оставлял безнаказанными даже самые грубые нарушения - до тех пор, пока не вмешивалось III Отделение.

Таким образом, административно-хозяйственная деятельность городской полиции Смоленской губернии строилась на общих для Российской империи основаниях. Полиция следила за благоустройством, торговлей и санитарным состоянием городов, вела учёт населения, а во время холерной

эпидемии 1831 года участвовала в устройстве карантинных кордонов, противопожарная безопасность. Пограничное положение городов Смоленской губернии способствовало пристальному надзору за этноконфессиональными группами: евреями, католиками, лютеранами и старообрядцами. Смоленские материалы показывают, что местная полиция соотносила требования центральной власти с хозяйственными интересами города в этом вопросе.

Правоохранительная практика городской полиции Смоленской губернии была типичной для провинциальной полицейской системы николаевского времени. Её главная проблема заключалась не в недостатке законов, а в отсутствии механизмов, которые заставляли бы их исполнять. Нормы существовали, но их применение зависело от личности начальника городской полиции, его отношений с губернской властью и способности выдерживать давление местных элит. Полицейская реформа 1862 года стала ответом именно на этот разрыв: она попыталась создать гарантии против произвола и некомпетентности на местах.

Заключение

Устройство регулярной полиции Российской империи складывалось на протяжении более чем столетия, начиная с периода правления Петра I. Городская полиция Смоленской губернии в 1825-1862 гг. действовала в русле общеимперской модели. Становление полицейских органов в губернии началось с отставанием от общероссийского процесса: предусмотренные указом 1733 года полицейские учреждения в Смоленске так и не были созданы, вплоть до губернской реформы 1775 года порядок в городе держали комендант и магистрат. В дальнейшем Смоленская губерния воспроизводила общую модель провинциального полицейского устройства, а её особенности были связаны главным образом с приграничным положением и транзитным характером территории.

В царствование Николая I городская полиция получила единую правовую базу. Свод устава о предупреждении и пресечении преступлений 1832 года определил сферы полицейского надзора, Свод уставов о паспортах и беглых закрепил механизм контроля над передвижением населения, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года систематизировало составы преступлений, включая должностные. Сама полиция как институт при этом почти не изменилась: её структура осталась екатерининской, а создание III Отделения добавило ведомственный конфликт с МВД, который усложнял повседневную работу полиции.

В 1825-1862 гг. порядок комплектования городской полиции сохранял основы, установленные «Учреждениями для управления губерний» 1775 года и «Уставом благочиния» 1782 года. В начале XIX века они были дополнены актами о подчинении полиции МВД, в том числе указом 1803 года «О средствах к исправлению полиции в городах». Однако зависимость от местных бюджетов, сословные ограничения, недостаточное материальное обеспечение и отсутствие систематической профессиональной подготовки так и не позволили полицейской службе стать профессиональной. Кадровая политика городской полиции Смоленской губернии сохраняла сословный характер.

Главным источником кадров были вооруженные силы, что также предопределяло характер правоохранительных органов. Среди смоленских полицмейстеров 1821-1862 годов только один не имел военного прошлого и на посту не задержался. Среди уездных городничих отставные военные составляли до 90%, более 80% из них имели боевые награды. В 1820-1830-е годы это были в основном ветераны Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов, позже их сменили участники русско-турецкой, Кавказской и Крымской войн.

Анализ формулярных списков позволил выделить два типа начальников полиции: относительно молодых ветеранов, шедших в полицию из-за тяжелого финансового положения (около трёх четвертей), и пожилых офицеров, получавших должность по протекции. Первые составляли кадровую основу городской полиции и при всех своих материальных затруднениях нередко добивались хороших результатов, вторые же рассматривали службу как способ дожить век в престижной должности. Квартальные надзиратели также делились на два типа: молодые канцеляристы, начинавшие писцами и к 27-30 годам дослуживавшиеся до надзирателя, и отставные солдаты и унтер-офицеры 45-55 лет, плохо знавшие делопроизводство, но умевшие командовать нижними чинами. Назначения и перемещения шли через Комитет о раненых и МВД, но на практике их корректировали протекция, личные связи и учёт близости к родовым имениям.

Финансирование городской полиции ложилось на городские бюджеты. Смоленск после 1812 года десятилетиями получал казённые субсидии, уездные города такой поддержки не имели. Штатный способ комплектования, применявшийся в Смоленске, обеспечивал численность (108 нижних чинов), но жалованье оставалось нищенским (13 рублей 17 копеек в год). Вольнонаёмный способ комплектования, использовавшийся в уездных городах, давал более высокую оплату (от 21 до 40 рублей), но стоил дороже и не гарантировал качества. Доля расходов на содержание нижних чинов колебалась от 5,4 процента городского бюджета в Вязьме до 24 процентов в

Юхнове. Оба способа имели недостатки и не решали проблему текучести кадров.

Административно-хозяйственная деятельность городской полиции Смоленской губернии строилась на общих для Российской империи основаниях. Полиция следила за благоустройством, торговлей и санитарным состоянием городов, вела учёт населения, а во время холерной эпидемии 1831 года участвовала в устройстве карантинных кордонов. Постоянного внимания требовала борьба с пожарами. В 1842–1846 годах в губернии ежегодно регистрировалось от 38 до 55 возгораний. Из 55 пожаров 1845 года пять были связаны с умышленными поджогами. Большая часть возгораний происходила в сельской местности: в 1845 году в селениях отмечено 43 случая, в городах – 12. В городах противопожарные обязанности составляли постоянную часть полицейской службы и соединялись с наблюдением за застройкой и исполнением установленных правил.

Горожане и жители уезда обращались в полицию также при имущественных спорах, которые можно было завершить соглашением сторон. Чаще всего требовалось определить и возместить причинённый ущерб. Для мещан и крестьян обращение к городничему было доступным способом добиться возмещения и разрешить спор до судебного разбирательства. Такое участие в повседневных отношениях жителей также входило в практику поддержания общественного порядка.

Местные хозяйственные нужды учитывались и при надзоре за этноконфессиональными группами. В рассмотренных смоленских делах высылка евреев в места дозволенной оседлости следовала за прямыми требованиями губернского или центрального начальства. До этого местные власти могли длительное время допускать их занятия торговлей и ремеслом, в которых был заинтересован город. При этом изученные архивные дела не содержат сведений о подкупе полицейских еврейским населением. Характер переписки показывает значение именно хозяйственных соображений:

исполнение общих ограничительных предписаний на местах соотносилось с потребностями городского населения.

В повседневной работе городской полиции значительное место отводилось административному надзору. Служащие проверяли паспорта, выявляли беспаспортных и разыскивали беглых, наряду с этим расследуя кражи, грабежи и убийства. Такое соотношение обязанностей отразилось в составе зарегистрированных происшествий. По значению бродяжничества и беспаспортности Смоленская губерния была близка к Киевской, Екатеринославской и Тобольской. При этом местные условия усиливали надзор за передвижением людей. Через территорию губернии проходили многочисленные проезжие, что требовало проверки документов, обмена сведениями и исполнения присылавшихся розыскных предписаний. Транзитное положение Смоленской губернии придавало этим общероссийским обязанностям городской полиции особое значение.

Правоохранительная деятельность городской полиции Смоленской губернии в 1825 - 1862 гг. включала прием сообщений о преступлениях, проведение дознания, розыск бежавших и осуществление политического надзора. От полиции требовалось установить личность потерпевшего и преступника, суть деяния, способ его исполнения, время, место, мотивы и умысел. Следовало обратить внимание и на иные значимые детали, способные прояснить картину преступления. Городская полиция совмещала пресечение противоправных действий со сбором и оформлением доказательств, которые затем передавались в судебные инстанции. Розыск нередко выходил за пределы губернии и требовал участия нескольких городских полиций. Обмен результатами расследования между губерниями позволял местным полицейским органам согласовывать действия. Таким образом, переписка связывала отдельные розыскные мероприятия в общее расследование. При этом уголовная преступность (убийства, кражи, грабежи) оставалась стабильно низкой на протяжении всего рассматриваемого периода - не более 5-10% от общего числа зарегистрированных правонарушений.

Наряду с расследованием преступлений велись разбирательства по жалобам на самих полицейских. Сведения о нарушениях обсуждались жителями и поступали к высшему начальству. Так, в перехваченных III Отделением частных письмах 1858 года смоленского полицмейстера Эльснера называли «мерзавцем, в паю с мошенниками». Отношение к начальнику сказывалось и на оценке полиции в целом. Жители обращались к ней за защитой своих интересов и ожидали поддержания порядка. Поэтому известия об участии полицейских в нарушениях особенно подрывали доверие к учреждению, на которое была возложена охрана общественного порядка.

Центральная власть получала информацию о состоянии местных дел главным образом из отчётов и материалов ревизий. Проверки 1845 году выявили значительные упущения в делопроизводстве Смоленской губернии. Ревизия же общегосударственная 1847 года показала, что подобные недостатки были практически во всех губерниях, а в Смоленской губернии состояние дел за два года не изменилось. Как и в предыдущем случае были даны указания к исправлению недостатков, которые не были реализованы местными властями. Между ревизиями губернскими и общероссийскими контроль за делопроизводством ложился на местных служащих и начальников городских полиций.

Правоохранительная практика городской полиции Смоленской губернии была типичной для провинциальной полицейской системы николаевского времени. Её главная проблема заключалась не в недостатке законов, а в отсутствии механизмов, которые заставляли бы их исполнять. Нормы существовали, но их применение зависело от личности начальника городской полиции, его отношений с губернской властью и способности выдерживать давление местных элит.

Дореформенная служба дала опыт, к которому правительство обращалось при подготовке преобразований 1860-х годов. После отмены крепостного права изменения в государственном управлении и общественных отношениях потребовали пересмотреть и устройство полиции. Реформа

1862 года положила начало следующему этапу её развития, связанному с преобразованием местного управления и постепенным становлением профессиональной полицейской службы. Однако прежние обязанности сохраняли своё значение. Наряду с изменением организации полиции продолжалась работа по тем направлениям, которые сложились в предшествующие десятилетия и были связаны с повседневным управлением городом.

Охрана общественного порядка в российском провинциальном городе в 1825-1862 гг. предполагала участие полиции в решении многочисленных хозяйственных и административных вопросов, которые выражались за наблюдением цен на рынке, принятием мер противопожарной безопасности, слежкой за состоянием мостов, улиц и т.д. Борьба с уголовной преступностью составляли важную, но малую часть всей её деятельности. Сама городская полиция Смоленской губернии существовала в рамках общероссийской модели, внутри которой преобразовывала свою деятельность под местные условия. Транзитное положение губернии усиливало значение надзора за проезжими, последствия войны 1812 года сказывались на городском хозяйстве и средствах содержания учреждений. Поэтому повседневная работа полиции определялась одновременно распоряжениями центральной власти, нуждами городов и возможностями местной администрации. В этом проявлялась связь общего устройства городской полиции Российской империи с условиями её службы в Смоленской губернии.

Таким образом, городская полиция Смоленской губернии в 1825-1862 гг. оставалась органом традиционного государства. Она и формировалась, и действовала как институт, главной задачей которого было сохранение феодально-крепостнических отношений. Правовая модернизация, принесённая кодификацией 1832-1845 годов, не изменила этой сути: сословное комплектование, зависимость от местных бюджетов, неформальные практики назначений, личная власть начальника — всё это воспроизводило прежний уклад. Реформа 1862 года, начавшая переход к

профессиональной полиции, стала возможной только после отмены крепостного права, когда прежняя модель охраны порядка исчерпала себя вместе с тем строем, ради сохранения которого она существовала.

Список источников и литературы

Нормативно-правовые акты:

1. Воинский Устав. О полевой пехотной службе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXII. № 17588.
2. Временные Правила об устройстве полиции в городах и уездах губернии, по общему учреждению управляемых // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXXVII, ч. 2. № 39087.
3. Манифест об Учреждении Министерств // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVII. № 20406.
4. Манифест, опубликованный 22 июня. О порядке приобретения дворянства службою // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XX. № 19086.
5. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / под редакцией Н. Д. Чечулина. Санкт-Петербург, 1907. 174 с.
6. Наказ чинам и служителям земской полиции от 1 июня 1837 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XII. № 10306.
7. О бытии в Москве Обер-Полицмейстеру // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. VI. № 3883.
8. О бытии Генералу Корфу Директором над всеми Полициями // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XV. № 11478.
9. О Всемиловитейше дарованном городу Смоленску и жителям оногo облегчениях и пособиях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. V. № 3407.
10. О градском благочинии. Наказ 6 апреля 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. I. С. 164.
11. О даче находящихся в Канцелярии и у Полицмейстера унтер-офицерам и рядовым жалованья, провианта и соли наравне с гарнизонными солдатами // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. V. № 3216.

12. О десятинах, судах и людях церкви // Российское законодательство X-XV вв. : в 9 т. Т. 1. Москва, 1984. С. 139-140.
13. О дозволении военным офицерам разных чинов поступать на службу в штат С.-Петербургской и Московской полиции // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXXII. № 31981.
14. О замещении мест, показанных в приложенной у сего записке, ранеными Офицерами // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXIII. № 26255.
15. О замещении полицейских мест в Кавказской области военными офицерами // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XII, отд. 1. № 10241.
16. О зачислении по армии и кавалерии Полицеймейстеров и Городничих // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. X, отд. 2. № 8702.
17. О мерах для исправления неслужащих чиновников развратного поведения // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. IV. № 2698.
18. О назначении сторожей и Полицейских служителей из нижних воинских чинов военного ведомства // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXIII. № 27699.
19. О неопределении в городах полицмейстеров, где до сего времени оных не было, впредь до рассмотрения о Губерниях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XVI. № 11628.
20. О неопределении в С.-Петербургскую городскую полицию отставленных от военной службы за дурное поведение // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXI, отд. 2. № 20270.
21. О оставлении пенсионов, пожалованных уволенным от военной службы Чиновникам, при определении их к должностям по части Полицейской // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXII. № 25361.

22. О порядке определения Штаб и Обер-офицеров, состоящих в покровительстве Комитета 18 Августа 1814 года, на вакансии Полицеймейстеров и Городничих // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XVI, отд. 1. № 4406.

23. О прикомандировании к военно-учебным заведениям тяжелораненых в настоящую войну штаб и обер-офицеров // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXXI, отд. 1. № 30098.

24. О присоединении Министерства Полиции к Министерству Внутренних Дел // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXVI. № 27964.

25. О присоединении Особенной Канцелярии Министерства Внутренних дел к Собственной Его Императорского Величества Канцелярии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. I. № 449.

26. О распорядке воинской повинности, внутреннего Полицейского и хозяйственного управления в селениях однодворцев и граждан Западных Губерний // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. IX. № 6734.

27. О смотре, чтоб никто против указу и без чертежа Архитекторского нигде не строить // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. V. № 2932.

28. О средствах к исправлению полиции в городах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVII. № 21007.

29. О строгом подтверждении, чтобы сборища для запрещённой картёжной игры местными Начальствами были открываемы, и все найденные игроки были предаваемы суду, для строго по законам наказания, без всякого различия званий и чинов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. VII. № 5227.

30. О учреждении особого Комитета для вспомоществования неимущим изувеченным Генералам, Штаб и Обер-Офицерам // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXII. № 25642.

31. Об определении в полицейские должности из чиновников по избранию губернаторов и комендантов, с положением жалованья из городских доходов и о разрешении неудобств, могущих встретиться при учреждении полиции от 25 июля 1799 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXV. № 19047.

32. Об оставлении пенсионов Штаб и Обер-Офицерам из числа отставленных за полученными в последнюю войну ранами, при определении их по гражданской службе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXII. № 25931.

33. Об устройстве Полиции в Губернских городах и в особенности пожарной части // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXIII. № 27221.

34. Об учреждении в Провинциях и городах, где нет Полиции, Полицмейстеров // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XV. № 11477.

35. Об учреждении полиции в городах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. IX. № 6378.

36. Об учреждении Полиции в городе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. IX. № 6378.

37. Образование Государственного совета // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVII. № 24064.

38. Положение для Внутренней Стражи // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXI. № 24704.

39. Положение для Жандармов внутренней стражи от 1 февраля 1817 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXIV. № 26650.

40. Положение Комитета министров «О продолжении ещё на 5 лет пособия, назначенного городу Смоленску на содержание городской полиции и удовлетворение разных воинских потребностей» от 28 ноября 1839 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XIV. № 12930.

41. Положение Комитета Министров, опубликованное 29 июля. Об устройстве в городах полицейских команд // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXVIII, ч. 2. № 27372.
42. Положение о земской полиции от 1 июня 1837 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XII. № 10303.
43. Положение о порядке производства в чины по Гражданской службе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. IX. № 7224.
44. Пункты, данные С.-Петербургскому Генерал-Полицмейстеру // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. V. № 3203.
45. Разделение Государственных дел по Министерствам // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXI. № 24326.
46. Регламент или Устав Главного Магистрата // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. VI. № 3708.
47. Резолюция на доклад по делам Полицмейстерской Канцелярии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. V. № 2909.
48. Резолюция на доношение по делам Полицмейстерской Канцелярии. О строении в Санкт-Петербурге // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. V. № 3019.
49. Свод законов Российской империи. Т. XIV : Свод уставов благочиния. Ч. 1 : Свод устава о предупреждении и пресечении преступлений ; Ч. 2 : Свод уставов о паспортах и беглых. Санкт-Петербург, 1832.
50. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XX, отд. 1. № 19283.
51. Устав Благочиния или Полицейский // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXI. № 15379.
52. Устав о службе по определению от правительства. Санкт-Петербург, 1832.

53. Устав о Цензуре // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. III. № 1979.

54. Утверждённое расписание городов, где стоят крепости и порты в отношении к Полицейскому их управлению, составленное на основе указа 24 октября 1803 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVIII. № 25551.

55. Учреждение Министерства Полиции // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXI. № 24687.

56. Учреждения для Управления Губерний Всероссийской Империи // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XX. № 14392.

57. Штат Полиции в губернском городе Смоленске // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. IV. № 3316.

58. Штаты Губерний: 1) Вятской, 2) Новгородской, 3) Псковской, 4) Калужской, 5) Курской, 6) Киевской, 7) Смоленской, 8) Владимирской, 9) Минской, 10) Ярославской, 11) Костромской, и 12) Тульской // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVII. № 20302.

59. Штаты Департаментов: Министра Военных Сухопутных Сил, Министра Юстиции, Министра Внутренних дел, Министра Финансов, Министра Коммерции и Министра Народного Просвещения // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVII. № 20582.

*Делопроизводственные источники
(неопубликованная документация)*

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ):

60. ГАРФ. Ф. 109. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Оп. 3а. Д. 2843.

61. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. 1834 г. Д. 351.

Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ):

62. НИАБ. Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора витебского, могилевского и смоленского. Оп. 12. Д. 323.

63. НИАБ. Ф. 1297. Оп. 12. Д. №3065.

64. НИАБ. Ф. 1297. Оп. 12. Д. №3097.

65. НИАБ. Ф.1297. Оп. 1. Т.1. Д. 14543.

Российский государственный исторический архив (РГИА):

66. РГИА. Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной МВД.
Оп. 7. Д. 511. 1826 г.

67. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 530. 1827 г.

68. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 202. 1828 г.

69. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 630. 1828 г.

70. РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 526. 1829 г.

71. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 291. 1831 г.

72. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 328. 1831 г.

73. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 385. 1831 г.

74. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 278. 1835 г.

75. РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. 136. 1837 г.

76. РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. 142. 1837 г.

77. РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 258. 1838 г.

78. РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 126. 1839 г.

79. РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 554. 1839 г.

80. РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 140. 1840 г.

81. РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. 200. 1845 г.

82. РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. 682. 1845 г.

83. РГИА. Ф. 1286. Оп. 10. Д. 738. 1846 г.

84. РГИА. Ф. 1349. Формулярные списки чинов гражданского
ведомства (коллекция). Оп. 4. Д. 99.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО):

85. ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Смоленского губернатора. Оп. 1. 1826 г.
Д. 16.

86. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1826 г. Д. 26.

87. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1827 г. Д. 14.

88. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1827 г. Д. 16.

89. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1828 г. Д. 16.
90. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1828 г. Д. 18.
91. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1829 г. Д. 20.
92. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1829 г. Д. 21.
93. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1830 г. Д. 6.
94. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1830 г. Д. 19.
95. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Д. 5.
96. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Д. 6.
97. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Д. 7.
98. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Д. 9.
99. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Д. 10.
100. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Д. 12.
101. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Д. 13.
102. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Д. 19.
103. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831 г. Д. 33.
104. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1832 г. Д. 16.
105. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 4.
106. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 21.
107. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 28.
108. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 39.
109. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 42.
110. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 54.
111. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 55.
112. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 56.
113. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 70.
114. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1833 г. Д. 81.
115. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1834 г. Д. 4.
116. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1836 г. Д. 58.
117. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1837 г. Д. 16.
118. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1844 г. Д. 102.

119. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1846 г. Д. 13.
120. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 13.
121. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 97.
122. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 115.
123. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 147.
124. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 156.
125. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 323.
126. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 355.
127. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 391.
128. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 405.
129. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 449.
130. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 494.
131. ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. 1862 г. Д. 241.
132. ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1830 г. Д. 6.
133. ГАСО. Ф. 2. Смоленское губернское правление. Оп. 16. Д. 16.
134. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 263.
135. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 349.
136. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 419.
137. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 472.
138. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 563.
139. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 566.
140. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 567.
141. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 576.
142. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 609.
143. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 705.
144. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 724.
145. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 778.
146. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 805.
147. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 820.
148. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 889.

149. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1046.
150. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1121.
151. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1162.
152. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1193.
153. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1284.
154. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1327.
155. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1357.
156. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1361.
157. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1739.
158. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1803.
159. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1856.
160. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1877.
161. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1912.
162. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1944.
163. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1986.
164. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 2070.
165. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 2109.
166. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 2478.
167. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 2512.
168. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 2563.
169. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 2566.
170. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 2664.
171. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 2717.
172. ГАСО. Ф. 10. Смоленская губернская казённая палата. Оп. 3.
Д. 165.
173. ГАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 547.
174. ГАСО. Ф. 18. Канцелярия Смоленского губернского прокурора.
Оп. 1. Д. 931.
175. ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 933.
176. ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1106.

177. ГАСО. Ф. 341. Сычевская уездная инвалидная команда. Оп. 1. Д. 2.
178. ГАСО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 3.
179. ГАСО. Ф. 426. Ельнинское городническое правление. Оп. 1. Д. 66.
180. ГАСО. Ф. 426. Оп. 3. Д. 19.
181. ГАСО. Ф. 451. Сычевское городническое правление. Оп. 1. Д. 290.
182. ГАСО. Ф. 451. Оп. 1. Д. 291.
183. ГАСО. Ф. 516. Поречское городническое правление. Оп. 1. Д. 53.
184. ГАСО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 54.
185. ГАСО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 58.
186. ГАСО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 87.
187. ГАСО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 88.
188. ГАСО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 111.
189. ГАСО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 118.
190. ГАСО. Ф. 916. Смоленское городское полицейское управление.
Оп. 1. Д. 1.
191. ГАСО. Ф. 916. Оп. 1. Д. 2.
192. ГАСО. Ф. 1174. Гжатское городническое правление. Оп. 1. Д. 5.
193. ГАСО. Ф. 1183. Смоленское городническое правление. Оп. 1. Д. 2.

Делопроизводственные источники

(опубликованная документация)

194. История полиции России в XVIII-XIX веках: хрестоматия / составители С. С. Зенин, М. А. Некрасов. М.: Проспект, 2020. Т. I. 464 с.
195. Служить Отечеству честь имею: документы по истории органов внутренних дел Ярославского края в конце XVIII - начале XXI вв. Ярославль, 2002. 631 с.
196. Собрание законов о полицейском управлении или наказы губернаторские и устав управы благочиния со включением Законов, им предшествовавших и последовавших с 1708 по апрель 1823. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1823. 460 с.

Справочные материалы:

197. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 гг. : в 4 т. Т. 1 : Высшие государственные учреждения. Санкт-Петербург : Наука, 2000. 302 с.

198. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1825. Санкт-Петербург, 1825. С. 70-77.

199. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1826. Санкт-Петербург, 1826. С. 69-77.

200. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1827. Санкт-Петербург, 1827. С. 69-78.

201. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828. Санкт-Петербург, 1828. С. 73-81.

202. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1829. Санкт-Петербург, 1829. С. 75-85.

203. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1830. Санкт-Петербург, 1830. С. 58-66.

204. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1831. Санкт-Петербург, 1831. С. 59-66.

205. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1832. Санкт-Петербург, 1832. С. 60-67.

206. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1833. Санкт-Петербург, 1833. С. 60-67.

207. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1834. Санкт-Петербург, 1834. С. 60-68.

208. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1835. Санкт-Петербург, 1835. С. 60-67.

209. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1836. Санкт-Петербург, 1836. С. 60-68.

210. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1837. Санкт-Петербург, 1837. С. 69-77.

211. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1838. Санкт-Петербург, 1838. С. 70-78.

212. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1839. Санкт-Петербург, 1839. С. 66-74.

213. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1840. Санкт-Петербург, 1840. С. 62-70.

214. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1841. Санкт-Петербург, 1841. С. 39-44.

215. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1842. Санкт-Петербург, 1842. С. 39-44.

216. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2 : 1843. Санкт-Петербург, 1843. С. 40-45.
217. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2 : 1844. Санкт-Петербург, 1844. С. 33-38.
218. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2 : 1845. Санкт-Петербург, 1845. С. 184-189.
219. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2 : 1846. Санкт-Петербург, 1846. С. 176-180.
220. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2 : 1847. Санкт-Петербург, 1847. С. 173-177.
221. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2 : 1848. Санкт-Петербург, 1848. С. 166-170.
222. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2 : 1849. Санкт-Петербург, 1849. С. 164-167.
223. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 2 : 1850. Санкт-Петербург, 1850. С. 132-135.
224. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 2 : Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. 1851. Санкт-Петербург, 1851. С. 144-147.
225. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 2 : Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. 1852. Санкт-Петербург, 1852. С. 143-149.
226. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 2 : Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. 1853. Санкт-Петербург, 1853. С. 147-151.
227. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 2 : Власти и места управления губернского, областного,

окружного, уездного, городского и ведомства их. 1854. Санкт-Петербург, 1854. С. 148-152.

228. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 2 : Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. 1855. Санкт-Петербург, 1855. С. 149-153.

229. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 2 : Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. 1856. Санкт-Петербург, 1856. С. 149-153.

230. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 2 : Власти и места управления губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. 1857. Санкт-Петербург, 1857. С. 151-154.

231. Памятная книжка Смоленской губернии на 1855 год / издание Смоленского губернского статистического комитета. Смоленск, 1855. 88 с.

232. Памятная книжка Смоленской губернии на 1856 год / издание Смоленского губернского статистического комитета. Смоленск, 1856. 96 с.

233. Памятная книжка Смоленской губернии на 1857 год / издание Смоленского губернского статистического комитета. Смоленск, 1857. 228 с.

234. Памятная книжка Смоленской губернии на 1858 год / издание Смоленского губернского статистического комитета. Смоленск, 1858. 159 с.

235. Памятная книжка Смоленской губернии на 1859 год / издание Смоленского губернского статистического комитета. Смоленск, 1859. 254 с.

236. Памятная книжка Смоленской губернии на 1860 год / издание Смоленского губернского статистического комитета. Смоленск, 1860. 162 с.

237. Памятная книжка Смоленской губернии на 1861 год / издание Смоленского губернского статистического комитета. Смоленск, 1861. 344 с.

238. Памятная книжка Смоленской губернии на 1862 год / издание Смоленского губернского статистического комитета. Смоленск, 1862. 271 с.

239. Смоленску - 1160. 2023 : юбилейный статистический сборник / Смоленскстат. Смоленск, 2023. 121 с.

240. Статистическое обозрение губернского города Смоленска. [Б. м.], 1835. 52 с.

Материалы периодической печати

241. Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1830. Ч. 2, кн. 2; Ч. 4; 1831. Прибавление. № 2; 1833. Ч. 9; 1836. № 12; 1843. Ч. 1; 1844. Ч. 7, 8; 1845. Ч. 9, 10, 11, 12; 1846. Ч. 13, 14, 15, 16; 1847. Ч. 15, 17, 18, 19, 20; 1854. Ч. 4, 5, 6, 7, 8, 9; 1855. Ч. 10, 11, 12, 13, 14, 15; 1856. Ч. 16.

242. Северная пчела. 1830. № 16, 17; 1831. № 64, 143; 1833. № 102.

243. Смоленские губернские ведомости. 1838г. №4; №5; №9; №10; №16; №21; №34; №41; №42; №45; №46; №51. 1845 г. №1; №3; №5; №6; №7; 1850 г. №3.

Библиография

244. Абдрахманов А.И. Предварительное следствие в первой половине XIX в.: историко-правовой аспект / А.И. Абдрахманов, А.Н. Никитин, А.П. Яцкова // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predvaritelnoe-sledstvie-v-pervoy-polovine-xix-v-istoriko-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 07.06.2025).

245. Авраменкова Л.А. Основные направления деятельности полиции Саратовской губернии в XVIII - первой половине XIX века // Молодежная инициатива: сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 21 мая 2021 года / под редакцией Г.В. Синцова. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2021. С. 3-6.

246. Аказеев Д.М. Развитие системы работы с кадрами полиции Российской империи (XVIII - начало XX века). Историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / Аказеев Дмитрий Михайлович. М., 2017. 179 с.

247. Акбердеева Д.И. Деятельность полиции в Тобольской губернии в XVIII - середине XIX веков (по материалам Государственного архива в

г. Тобольске). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-politsii-v-tobolskoy-gubernii-v-xviii-seredine-xix-vekov-po-materialam-gosudarstvennogo-arhiva-v-g-tobolske> (дата обращения: 25.11.2020).

248. Анучин Е.Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с 1775 года до последнего времени / Е.Н. Анучин. СПб., 1872. 238 с.

249. Белявский Н.Н. Полицейское право. (Административное право). Конспект лекций (вместо литографированных записок) / Н. Н. Белявский. 3-е изд., доп. СПб.: Тип. Екатерингоф. печ. дело, 1915. 409 с.

250. Берендс Э.Н. Опыт системы административного права. Т. I, вып. I / Э.Н. Берендс. Ярославль: Тип. Э. Г. Фальк, 1898. 263 с.

251. Бикташева А.Н. Казанская полиция в период становления Министерства внутренних дел в первой половине XIX века / А.Н. Бикташева // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 1 (31). С. 6-11.

252. Бойкеева С.Е. Кадровое обеспечение полицейских органов в Российской империи: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бойкеева Светлана Евгеньевна. СПб., 2001. С. 11-98.

253. Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 - октябрь 1917 / А.В. Борисов. СПб., 2002. 347 с.

254. Борисов А.В. Полиция Российской империи: монография / А.В. Борисов, А.Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев ; под редакцией Р.С. Мулукаева. М.: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2013. 318 с.

255. Борисов А.В. Полиция самодержавной России в первой четверти XIX века : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Борисов Александр Владимирович. М., 1982. 206 с.

256. Борисов А.В. Российская Империя. История полиции / А.В. Борисов, А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев. Москва : Рипол Классик, 2014. 605 с.

257. Борисов А.В. Подготовка и воспитание кадров полиции России (XVIII век - 1917 г.) / А.В. Борисов, Ю.В. Гончарова. М., 1999. 51 с.
258. Борисов А.В. Полиция и милиция России: страницы истории / А.В. Борисов, А.Н. Дугин, А. Я. Малыгин [и др.]. М., 1995. 316 с.
259. Борисов А.В. Становление и развитие юридического образования в дореволюционной России / А.В. Борисов, Л.М. Колодкин. Москва, 1994. 318 с.
260. Борисов А.В. Полиция Российской империи: монография / А.В. Борисов, А.Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. 318 с.
261. Борисов А.В. Актуальные проблемы истории органов внутренних дел / А.В. Борисов, Ю.В. Рыжкова, С.Н. Кужахметова. М.: Академия управления МВД России, 2020. 87 с.
262. Борисов А.В. Полиция Российской империи в XIX - начале XX в. / А.В. Борисов, В.Е. Севаницкий, А.Е. Скрижов. Москва, 2001. 224 с.
263. Борисов А.В. История полиции России (1718-1917 гг.). Вып. 2: Полиция Российской империи XIX - начала XX веков / А.В. Борисов, М.И. Сизиков, А.Е. Скрипилев. М., 1992. 56 с.
264. Вицин А.И. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств / А.И. Вицин. Казань, 1855.
265. Воропанов В.А. Роль и значение городской и земской полиции как органов административной юстиции в контексте интеграции Сибири в состав Российской империи в 1782-1862 гг. / В.А. Воропанов // Журнал Фронтирных Исследований. 2023. № 4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-gorodskoy-i-zemskoy-politsii-kak-organov-administrativnoy-yustitsii-v-kontekste-integratsii-sibiri-v-sostav> (дата обращения: 07.06.2025).
266. Высоцкий И.П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703-1903 г.): краткий исторический очерк / И.П. Высоцкий. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 326 с.

267. Галай Ю.Г. Законность в деятельности нижегородской полиции первой половины XIX столетия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonnost-v-deyatelnosti-nizhegorodskoy-politsii-pervoy-poloviny-xix-stoletiya/viewer> (дата обращения: 09.11.2020).
268. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 2 / М.Н. Гернет. 3-е изд. Москва, 1961. 582 с.
269. Гомонова С.А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851-1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Гомонова Светлана Анатольевна. Ижевск, 2012. 23 с.
270. Гонюхов С.О. Российская полиция в мундире / С.О. Гонюхов, В.И. Горобцов. М., 2000. 112 с.
271. Горлова Н.И. Полиция российской провинции в XIX веке: на примере Курской губернии: дис. ... канд. ист. наук / Горлова Наталья Ивановна. Курск, 2005. 240 с.
272. Горская Н.И. Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830-1850-х гг. в Смоленской губернии / Н.И. Горская // Российская история. 2020. № 1. С. 26-36. DOI 10.31857/S086956870008270-8.
273. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. 9 / А.Д. Градовский // Собрание сочинений. Санкт-Петербург, 1899. 602 с.
274. Гуляев П.Н. Права и обязанности градской и сельской полиции и всех вообще жителей российского государства, по их состояниям в отношении к полиции. Ч. 1-2 / П. Н. Гуляев. М.: Унив. Тип., 1824. 224 с.
275. Гурлев И.В. Создание и развитие полиции при Петре I. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-i-razvitie-politsii-pri-petre-i/viewer> (дата обращения: 23.08.2023).
276. Евтехов Р.А. Верхнеудинская городская полиция в системе административно-управленческого аппарата Забайкалья: становление и развитие в XVIII - начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Евтехов Роман Александрович. Улан-Удэ, 2017. 26 с.

277. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. Москва : Высш. шк., 1983. 352 с.
278. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты / Н.П. Ерошкин. Москва, 1981. 252 с.
279. Жандармы России / составитель В. С. Измозик. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. 640 с.
280. Звягин С.П. Российская политическая полиция: совершенствование розыскной деятельности в центре и на местах XVI - начало XX века / С.П. Звягин, С.В. Макачук. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politicheskaya-politsiya-sovershenstvovanie-rozysknoy-deyatelnosti-v-tsentre-i-na-mestah-xvi-nachalo-xx-veka/viewer> (дата обращения: 12.11.2020).
281. Игошин Н.А. Особенности комплектования и профессиональной подготовки органов полиции в России XIX - начала XX века: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Игошин Николай Александрович. Санкт-Петербург, 2004. 165 с.
282. Исеев Б.Д. Историко-правовой анализ становления и развития полиции России и ее деятельность по профилактике преступлений в XVII-XIX веках : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Исеев Борис Дмитриевич. СПб., 2004. 158 с.
283. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1913. 42 с.
284. Карнович Е.П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных / Е. П. Карнович. СПб., 1873. 504 с.
285. Карпов В.Ю. Министерство полиции в правоохранительной системе России (1810-1819 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук / Карпов Владимир Юрьевич. М., 2000. 185 с.
286. Кодан С.В. Полицейское законодательство России. Развитие, становление, система: вторая половина XVII - первая треть XIX в. /

С.В. Кодан, И.Ю. Поляков. Екатеринбург: Уральская академия гос. службы, 2000. 220 с.

287. Колодеев Е.П. Деятельность полиции по надзору за торговыми и питейными заведениями в России в XVIII-XIX веках. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-politsii-po-nadzoru-za-torgovymi-i-piteynymi-zavedeniyami-v-rossii-v-xviii-xix-vekah/viewer> (дата обращения: 05.11.2020).

288. Колонтаев К.В. История русской полиции / К.В. Колонтаев. Севастополь: Сварог, 2009. URL: <https://ekniga.org/istoriya/197340-istoriya-russkoj-policii.html> (дата обращения: 23.08.2023).

289. Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711-1917 / В.А. Кононов. Смоленск : Маджента, 2004. 400 с.

290. Кручинин В.Н. Становление и развитие законодательства о полиции в России в XVIII - начале XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кручинин Владимир Николаевич. М., 1998. 23 с.

291. Кудин В.А. От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации: два века истории. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-politsii-rossiyskoy-imperii-k-politsii-rossiyskoy-federatsii-dva-veka-istorii/viewer> (дата обращения: 08.11.2020).

292. Лазарева, О. В. Регламентация деятельности губернской полиции Российской Империи в XIX - начале XX вв. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reglamentatsiya-deyatelnosti-gubernskoy-politsii-rossiyskoy-imperii-v-xix-nachale-xx-vv/viewer> (дата обращения: 09.11.2020).

293. Левитин М.Н. Евреи Смоленщины: документальные очерки (1812-1917 гг.) / М.Н. Левитин. Смоленск : Маджента, 2010. 184 с.

294. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39 : О государстве / В.И. Ленин. 622 с.

295. Лобанов А.В. История полиции России / А.В. Лобанов, Г.Г. Широков. СПб.: Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России, 2015. С. 8. URL:

https://dep_pd.pnzgu.ru/files/dep_pd.pnzgu.ru/istoria_politsii_rossii.pdf (дата обращения: 23.08.2023).

296. Лукоянов К.В. Эволюция понятия «бродяжничество» в Российском законодательстве (вторая половина XVII - первая половина XIX века) / К.В. Лукоянов, Д.М. Усманова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-brodyazhnichestvo-v-rossiyskom-zakonodatelstve-vtoraya-polovina-xvii-pervaya-polovina-xix-veka> (дата обращения: 08.05.2025).

297. Лушин А.Н. Институт городничих в Нижегородской губернии в первой половине XIX века (организационно-исторические особенности) / А.Н. Лушин, К.А. Чудецкая // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 1 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-gorodnichih-v-nizhegorodskoy-gubernii-v-pervoy-polovine-xix-veka-organizatsionno-istoricheskie-osobennosti> (дата обращения: 09.01.2026).

298. Магомедов А.А. Отношение российского общества к полиции и ее служащим в первой половине XIX века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): материалы XVIII международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 430-433.

299. Марасанова В.М. Комплектование кадров чиновников губернских учреждений в первой четверти XIX в: опыт Верхнего Поволжья / В.М. Марасанова, И.Г. Мельникова // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. С. 36-40.

300. Материалы Первой республиканской научно-практической конференции, посвященной 200-летию МВД России «История охраны правопорядка в Карелии. 1600-2000 годы»: тезисы докладов (Петрозаводск,

19.09.2002). URL: https://10.мвд.пф/upload/site14/document_file/1-ya_Konferenciya_MVD_RK_-_2002.pdf (дата обращения: 03.11.2020).

301. Мещерский А.В. Николай I. Портрет на фоне империи / А.В. Мещерский. М.: Фонд Сергея Дугова, 2011. 514 с.

302. Микитюк Ю.В. Органы полиции Таврической области (Губернии) в конце XVIII - начале XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organy-politsii-tavrisheskoj-oblasti-gubernii-v-kontse-xviii-nachale-xix-veka/viewer> (дата обращения: 07.11.2020).

303. Милиция Сибири: история и современность: материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной 200-летию МВД, 26 марта 2002 г. / редактор С.П. Звягин. Кемерово: Притомское, 2002. 173 с.

304. МВД России, 1802-2002 : исторический очерк : в 2 т. Т. 1 / автор и руководитель проекта, редактор В. П. Сальников. СПб.: Фонд «Университет», 2002. 528 с.

305. МВД России, 1802-2002 : исторический очерк : в 2 т. Т. 2 / автор и руководитель проекта, редактор В.П. Сальников. СПб.: Фонд «Университет», 2002. 272 с.

306. Москвитин, Ю. Н. Полиция Томской губернии в 1867-1917 гг.: устройство, численность и материальное обеспечение служащих: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Москвитин Юрий Николаевич. Барнаул, 2004. 25 с.

307. Мочалова А.А. Основные направления развития полиции России в первой половине XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-razvitiya-politsii-rossii-v-pervoy-polovine-hih-veka/viewer> (дата обращения: 08.11.2020).

308. Мулукаев Р.С. История отечественных органов внутренних дел в материалах их информационных подразделений: МВД-200 лет / Р.С. Мулукаев. Волгоград: Юрид. ин-т, 1997. URL: http://gruppa206.narod.ru/olderfiles/1/Istoriya_OVD_Rossii_po_redakcciei_-49119.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

309. Мулукаев Р.С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. Ее классовый характер: лекция / Р.С. Мулукаев. М.: Акад. МВД СССР, 1979. 27 с.
310. Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX - нач. XX вв.) / Р.С. Мулукаев. Нижний Новгород, 1993. 286 с.
311. Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России : пособие / Р.С. Мулукаев. М.: Высш. школа МООП РСФСР, 1964. 28 с.
312. Мулукаев Р.С. Система органов внутренних дел дореволюционной России : лекция / Р.С. Мулукаев. Москва, 1978. 31 с.
313. Мулукаев Р.С. История отечественных органов внутренних дел / Р.С. Мулукаев, А.Я. Малыгин, А.Е. Епифанов. М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компани, 2005. С. 36.
314. Мулукаев Р.С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер : лекция / Р.С. Мулукаев. М.: РИО Акад. МВД СССР, 1976. 31 с.
315. Невский С.А. Кадровое обеспечение деятельности полиции в Российской империи / С.А. Невский // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 1 (45). С. 12-18.
316. Немцы в России: энциклопедия: т. 3: П-Я / редколлегия: О. Кубицкая (пред. редкол.) [и др.]. М.: ЭРН, 2006. 893 с.
317. Нижник Н.С. 300 лет на службе отечеству: специфика регионального развития органов полиции в Российской империи (по материалам юбилейной международной научной конференции в Санкт-Петербургском университете МВД). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/300-let-na-sluzhbe-otechestvu-spetsifika-regionalnogo-razvitiya-organov-politsii-v-rossiyskoy-imperii-po-materialam-yubileynoy/viewer> (дата обращения: 07.11.2020).

318. Никитина Н.В. Архивный фонд «Сословие попечителей призрения разоренных от неприятеля в 1812 году» как источник изучения истории смоленского купечества в экстремальные эпохи // *Studia internationalia* : материалы VII междунар. науч. конф., Брянск, 27-28 июня 2019 г. Брянск: Брян. гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского, 2019. С. 48-53.

319. Никитина Н.В. Становление института полицмейстеров в конце XVIII - первой трети XIX века в городах российской провинции (на материалах Смоленской губернии) / Н.В. Никитина, А.А. Костин // *Известия Смоленского государственного университета*. 2019. № 4 (48). С. 290-303. DOI 10.35785/2072-9464-2019-48-4-290-303.

320. Никитина Н.В. Первые полицмейстеры в российской провинции начала XIX века: компетенции и практика работы (на материалах Смоленска). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44795975&selid=44796001> (дата обращения: 10.12.2020).

321. Никитина Н.В. Смоленские коменданты в конце XVIII - первой половине XIX вв. // Научный сборник Государственного музея «Смоленская крепость»: материалы III Международной научно-практической конференции и I Международной конференции, Смоленск, 01 февраля - 01 марта 2023 года. Смоленск: ООО «Свиток», 2023. С. 136-137.

322. Никитина Н.В. Хозяйственные и социальные аспекты жизни еврейского населения в Российской провинции первой половины XIX века (на материалах Смоленской губернии) // *Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра: сборник материалов II научно-практической конференции*, Смоленск, 18 октября 2022 года. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2022. С. 403-411.

323. Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк / А.В. Борисов, М.Г. Детков, С.И. Кузьмин [и др.]. М.: Объединенная редакция Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1996. 464 с.

324. Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826-1880 гг.) / И.В. Оржеховский. М., 1982. 207 с.

325. Пасечников И.А. Становление и развитие органов политической полиции Севастополя в XIX веке. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-organov-politicheskoy-politsii-sevastopolya-v-xix-veke/viewer> (дата обращения: 05.11.2020).

326. Плех О.А. Исправление дорог в Вологодской губернии в дореформенный период / О.А. Плех // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispravlenie-dorog-v-vologodskoy-gubernii-v-doreformennyy-period> (дата обращения: 20.06.2025).

327. Плех О.А. Кадровое обеспечение городской полиции на Европейском Севере России в последней четверти XVIII - первой половине XIX в. / О.А. Плех // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 63-74.

328. Плохой Д.С. Расследование общей полицией религиозных преступлений и деятельности религиозных объединений негативной направленности в первой половине XIX века (на материалах Симбирской и Казанской губерний) / Д.С. Плохой // Наука. Общество. Оборона. 2023. № 3 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rassledovanie-obschey-politsiey-religioznyh-prestupleniy-i-deyatelnosti-religioznyh-obedineniy-negativnoy-napravlenosti-v-pervoy> (дата обращения: 07.06.2025).

329. Плохой Д.С. Расследование преступной деятельности религиозных сект в первой половине XIX века (на материалах Симбирской губернии) / Д.С. Плохой, В.А. Некрасов // Наука. Общество. Оборона. 2024. № 1 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rassledovanie-prestupnoy-deyatelnosti-religioznyh-sekt-v-pervoy-pолоvine-xix-veka-na-materialah-simbirskoy-gubernii> (дата обращения: 07.06.2025).

330. Пресняков А.Е. Апогей самодержавия / А.Е. Пресняков. М.: Брокгаузен-Ефрон, 1925. 98 с.

331. Реент Ю. А. История правоохранительных органов: полицейские и тюремные структуры России / Ю.А. Реент. Рязань: Акад. права и упр. Минюста России, 2002. 208 с.

332. Российская полиция: три века служения Отечеству: в 2 ч.: сборник статей. М.: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. 530 с. ; Ч. 2. 364 с.

333. Рязанов Д.В. Российская полиция и её методы в контексте противодействия революционному терроризму (XIX - начало XX века). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politsiya-i-ee-metody-v-kontekste-protivodeystviya-revolutsionnomu-terrorizmu-xix-nachalo-xx-veka/viewer> (дата обращения: 12.11.2020).

334. Салтык Г.А. Стражи «Благочиния и порядка» курского городского управления полиции в XIX - начале XX века / Г.А. Салтык, С.В. Федосова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strazhi-blagochiniya-i-poryadka-kurskogo-gorodskogo-upravleniya-politsii-v-hih-nachale-hh-veka/viewer> (дата обращения: 08.11.2020).

335. Седунов А.В. Псковская городская полиция в XVIII - начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Седунов Артур Валерьевич. СПб., 2004. 26 с.

336. Сизиков М.И. История полиции России (1718-1917): становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII в. / М.И. Сизиков. М.: АПО, 1992. 66 с.

337. Сичинский Е.В. Региональные особенности структуры полиции Южного Урала в конце XVIII - первой половине XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-osobennosti-struktury-politsii-yuzhnogo-urala-v-kontse-xviii-pervoy-polovine-xix-veka/viewer> (дата обращения: 05.11.2020).

338. Сичинский Е.В. Становление полиции на Южном Урале: последняя четверть XVIII - начало XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Сичинский Евгений Павлович. Челябинск, 2006. 49 с.

339. Соборнов П.Е. Торговая полиция Российской Империи XIX века: из опыта обеспечения экономической безопасности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovaya-politsiya-rossiyskoy-imperii-xix-veka-iz-opyta-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti/viewer> (дата обращения: 10.11.2020).

340. Степанова Е.И. Эволюция деятельности уездной полиции Курской губернии во второй половине XIX - начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Степанова Елена Ивановна. Курск, 2012. 25 с.

341. Сунгуров П.А. Полиция Тобольской губернии в 1867-1917 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Сунгуров Павел Александрович. Тюмень, 2014. 30 с.

342. Сысоев А.А. Уголовный сыск Восточной Сибири в 1730-х - 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Сысоев Алексей Анатольевич. Иркутск, 2004. 27 с.

343. Сысуев Ю. Б. Полиция Симбирской губернии во второй половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук / Сысуев Юрий Борисович. Саранск, 2002.

344. Тарасов И.Т. История русской полиции и отношение ее к юстиции / И.Т. Тарасов // Юридический вестник. 1884. № 2. С. 178-200.

345. Тарасов И.Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ч. 2: Полицейский арест в России. Отд. 2: Период Императорский / И.Т. Тарасов. Ярославль: Типография Г. В. Фальк, 1886. 405 с.

346. Тимошевская А.Д. Государственно-правовой статус национального региона Российской империи как основа формирования его полицейской системы (XIX - начало XX в.). URL: <http://regiment.ru/Lib/C/352.htm> (дата обращения: 10.01.2021).

347. Тихонова А.В. Конфликтные ситуации с участием иностранцев: картинки провинциальной жизни николаевской эпохи // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 01-03 апреля

2021 года. Т. 2. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. С. 273.

348. Тихонова А.В. Иностранцы на Смоленщине: 1812-1861 / А.В. Тихонова, О.В. Козлов. 2-е изд. Смоленск: Свиток, 2023. 308 с. ISBN 978-5-907495-81-4. DOI 10.54016/SVITOK.2023.11.19.001.

349. Тот Ю.В. Комиссия составления законов и проблема реформы полиции в начале XIX века // Российская полиция: три века служения Отечеству : юбилейная международная научная конференция, Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 23-25 апреля 2018. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2018. С. 239-250.

350. Троцкий И.М. Третье отделение при Николае I / И.М. Троцкий. М., 1930. 139 с.

351. Ушмаева К.А. Структура и функции провинциальных полицейских учреждений Российской империи XIX - начала XX вв.: по материалам Ставропольской губернии / К.А. Ушмаева, Д.И. Состин. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-funktsii-provintsialnyh-politseyskih-uchrezhdeniy-rossiyskoy-imperii-xix-nachala-xx-vv-po-materialam-stavropolskoy-gubernii/viewer> (дата обращения: 12.11.2020).

352. Чеджемов С.Р. Взаимоотношения полиции и органов здравоохранения в борьбе с инфекционными заболеваниями в XIX веке в Терской области / С.Р. Чеджемов, А.Ю. Чеджемов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-politsii-i-organov-zdravoohraneniya-v-borbe-s-infektsionnymi-zabolevaniyami-v-hih-veke-v-teraskoy-oblasti/viewer> (дата обращения: 10.11.2020).

353. Ченкова В.И. Полиция и органы местного управления в феодальной России XVIII века (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ченкова Валентина Ивановна. СПб., 2001. 22 с.

354. Чернова И.В. Томская городская полиция в конце XVIII - начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Чернова Ирина Викторовна. Томск, 2005. 26 с.

355. Чукарева А.Г. Тайная полиция России: 1825-1855 / А.Г. Чукарева. М.: Жуковский, 2005. 704 с.
356. Чурсина М.В. Методы политического сыска, применяемые офицерами Отдельного корпуса жандармов по защите государственного строя Российской империи в XIX веке / М.В. Чурсина // Наука. Общество. Оборона. 2025. № 4 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-politicheskogo-syska-primenyaemye-ofitserami-otdelnogo-korpusa-zhandarmov-po-zaschite-gosudarstvennogo-stroya-rossiyskoy> (дата обращения: 15.12.2025).
357. Шиловский Д.М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867-1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Шиловский Дмитрий Михайлович. Новосибирск, 2002. 24 с.
358. Эриашвили Н.Д. Полиция, МВД и правовое регулирование печати Российской империи в XIX веке / Н.Д. Эриашвили, Н.Л. Феднева // Закон и право. 2024. № 11. С. 43-48. DOI 10.24412/2073-3313-2024-11-43-48.

Приложения

Приложение 1

Таблица 1

Сравнение фактической численности полицейских команд в Смоленской губернии и по утверждённым нормативным штатам

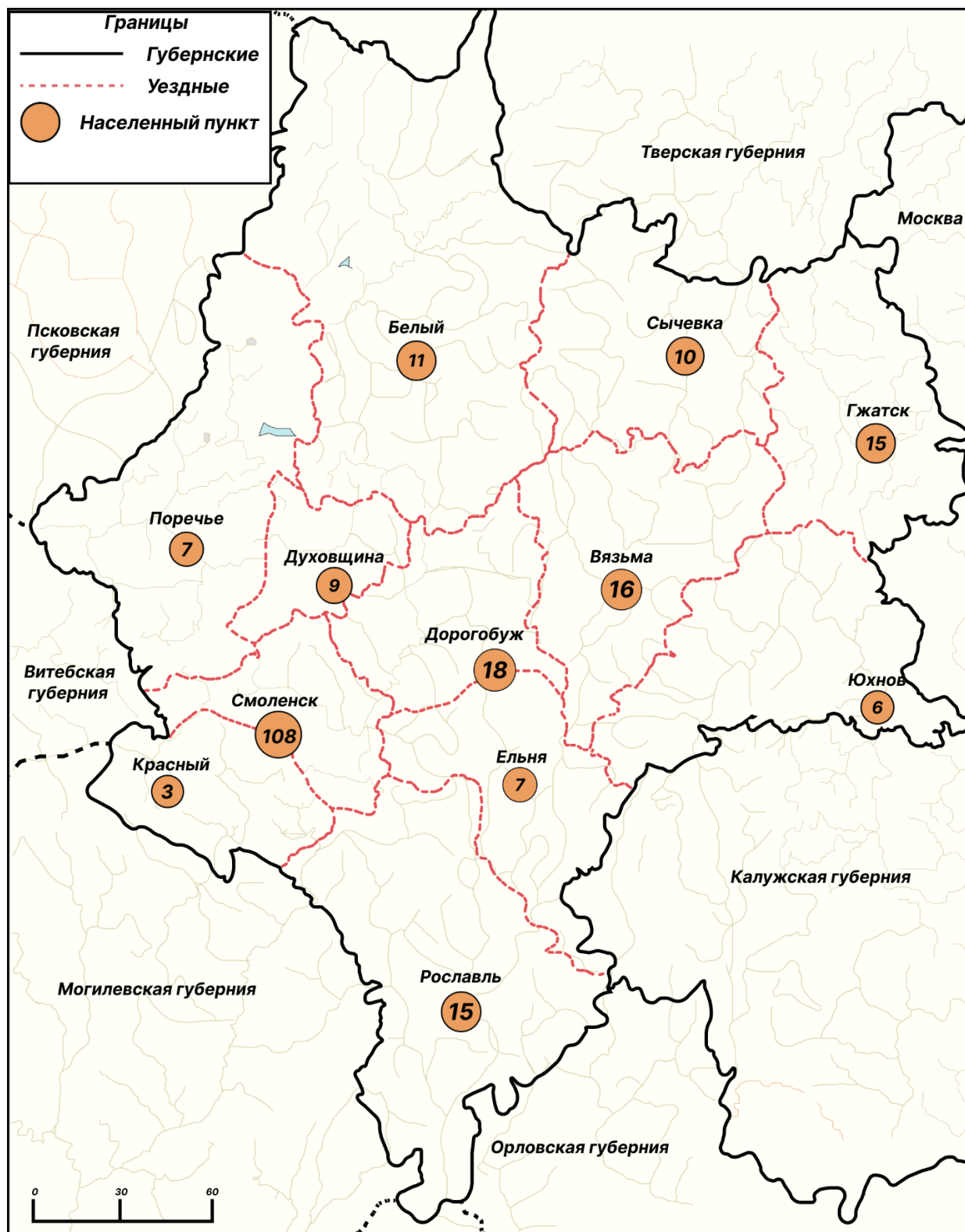
Город	Число жителей 1859	Число жителей по общему штату 1853	Кол-во нижних чинов по общему штату 1853	Унтер-офицеров по общему штату 1853	Всего по общему штату	Кол-во нижних чинов в 1862	Унтер-офицеров в 1862	Всего в 1862 г.	Разница между особой и штатной численностью	Разница между особой и штатной численностью (в %)
Смоленск	21134	20000-25000	45	5	50	41	6	47	-3	6%
Белый	6602	5000-10000	18	2	20	8	1	9	-11	55%
Вязьма	10891	10000-15000	27	3	30	15	3	18	-12	40%
Гжатск	4913	2000-5000	9	1	10	8	0	8	-2	20%
Дорогобуж	7477	5000-10000	18	2	20	9	1	10	-10	50%
Духовщина	2881	2000-5000	9	1	10	5	0	5	-5	50%
Ельня	3936	2000-5000	9	1	10	6	0	6	-4	40%
Красный	2816	2000-5000	9	1	10	3	0	3	-7	70%
Поречье	4298	2000-5000	9	1	10	6	0	6	-4	40%
Рославль	7077	5000-10000	18	2	20	10	1	11	-9	45%
Сычевка	4468	2000-5000	9	1	10	6	0	6	-4	40%
Юхнов	2878	2000-5000	9	1	10	3	0	3	-7	70%

Источники: ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. 1862 г. Д. 241. Л. 34; Об устройстве в городах полицейских команд // ПСЗ Собр. 2. Т. XXVIII. № 27372. СПб., 1854. Наш подсчёт.

**Численность глав городских полиций - выходцев из военных чинов
в Смоленской губернии (вторая треть XIX века)**

Города	Численность глав городских полиций (1825-1862 гг.)	Из них военных чинов	% военных от общего числа
Белый	6	5	83%
Вязьма	6	5	83%
Гжатск	11	11	100%
Дорогобуж	7	6	85%
Духовщина	7	7	100%
Ельня	6	5	83%
Красный	5	5	100%
Поречье	5	5	100%
Рославль	9	9	100%
Смоленск	8	7	88%
Сычёвка	4	4	100%
Юхнов	5	4	80%
Всего:	79	73	92%

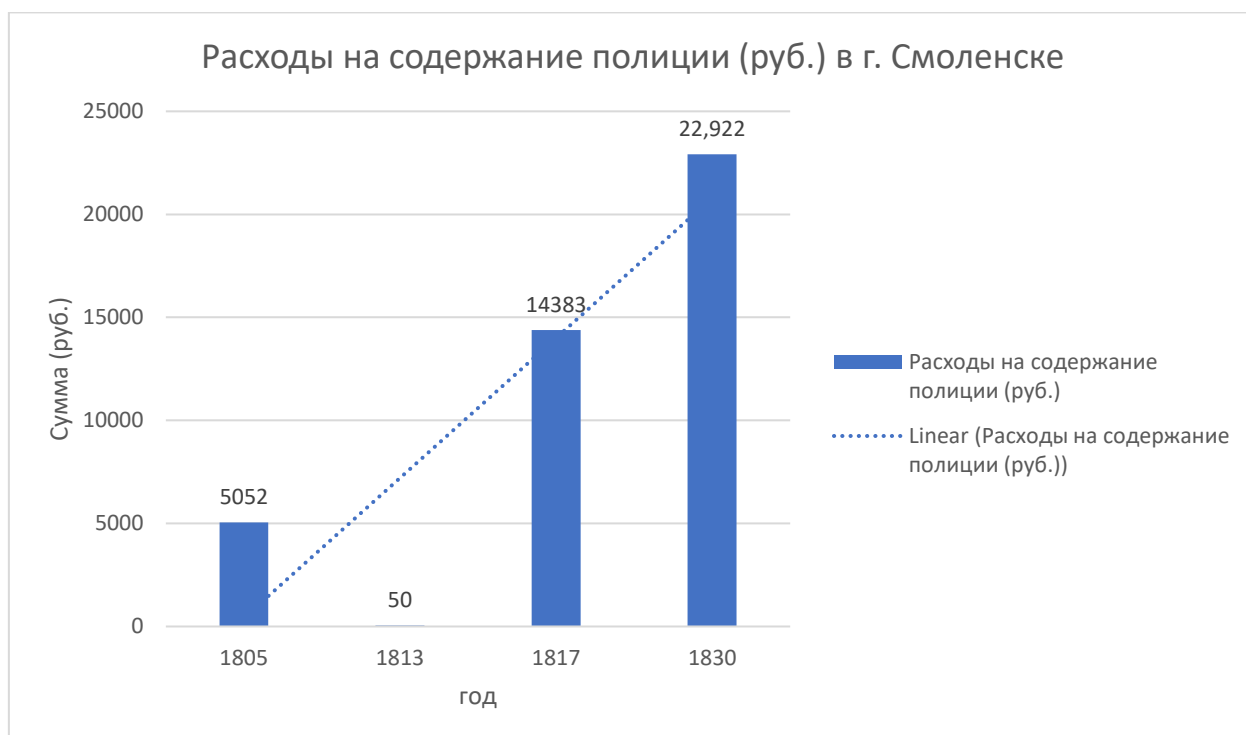
Источники: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1825 - 1842. СПб., 1825 - 1842; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи ... [по годам]. СПб.: Инспекторский отдел собственной его императорского величества канцелярии, 1765. Изд-во: 1765-1867 гг. Имп. Акад. наук; 1868-1894 гг. Департамент герольдии Правительствующего сената; Памятная книжка Смоленской губернии... [по годам] / изд. Смолен. губ. стат. ком. 1855-1913. Наш подсчёт.

**Сравнительные данные о содержании нижних чинов полиции,
численности населения и доходах городов Смоленской губернии
(на 1840-е гг.)**

Город	Кол-во нижних чинов	Сумма содержания из доходов города (руб. коп.)	средняя сумма содержания одного служащего (руб. коп.)	Численность населения города (по состоянию на 1843 год)	Доходы городов (по состоянию на 1843 г.) руб. сер.
Смоленск	108	1422	13,17	11000	6100
Вязьма	16	612,8	38,30	10400	11300
Гжатск	15	504	33,60	3700	7400
Рославль	15	429	28,60	5500	3800
Белый	11	235,73	21,43	4400	2400
Поречье	7	196	28,00	3800	2200
Красный	3	72	24,00	1400	1100
Юхнов	6	240	40,00	1400	1000
Сычевка	10	267,42	26,74	3400	2800
Ельня	7	163	23,29	2700	1300
Духовщина	9	274,28	30,48	2300	-
Дорогобуж	18	-	-	5500	3700

Источники: РГИА. Ф. 1286. Оп. 10. Д. 738. 1846 г.; Высочайше утверждённый штат Полиции в губернском городе Смоленске // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. IV. №3316. СПб., 1829.; Журнал Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. 1843, ч. 1. С. 287-295; 302-310. Наш подсчёт.

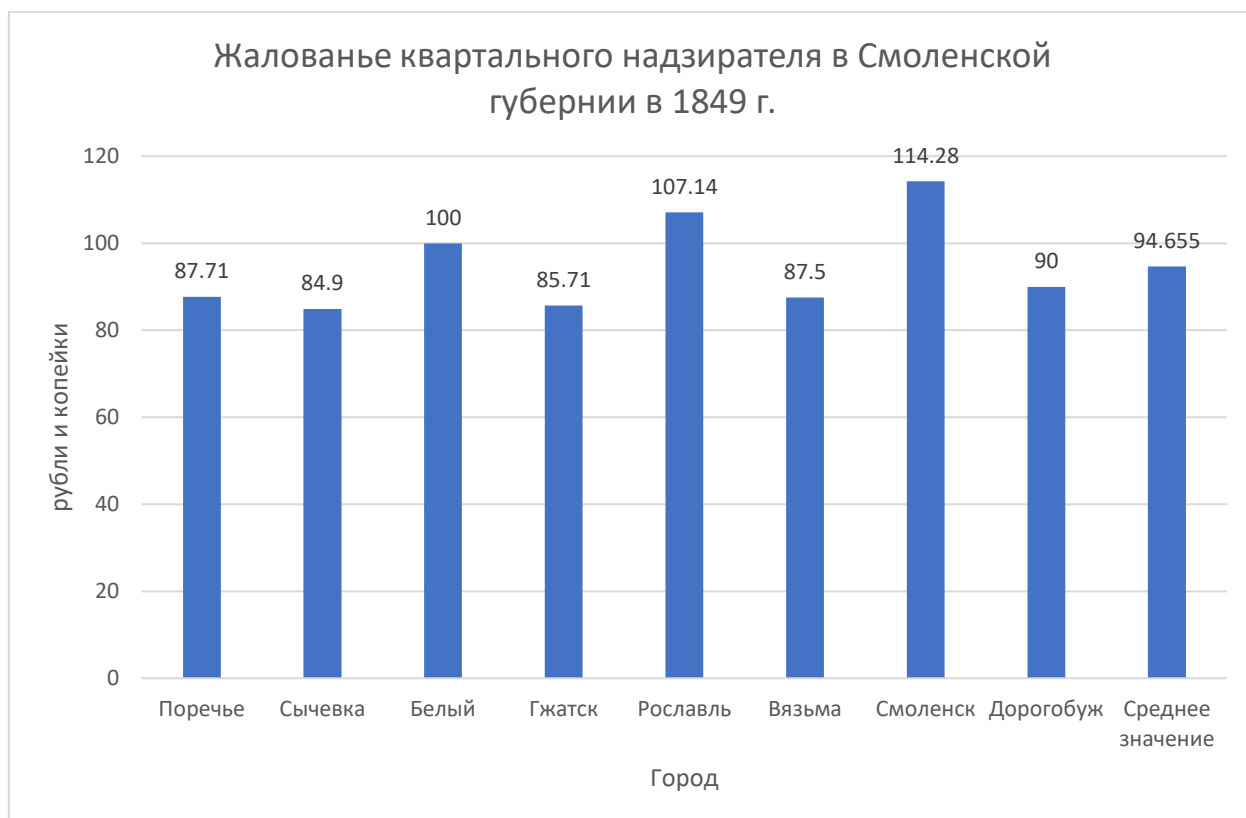

Источники: Высочайше утверждённый штат Полиции в губернском городе Смоленске // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. IV. №3316. СПб., 1829; ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. № 1106. Л. 2(об.) - 3; О Всемилоостевийше дарованному городу Смоленску и жителям оного облегчениях и пособиях // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. V. №3407. СПб., 1830; НИАБ. Ф. 1297. Оп. 12. Д. 25285.365.84. Л. 1-10; Положение Комитета министров «О продолжении ещё на 5 лет пособия, назначенного городу Смоленску на содержание городской полиции и удовлетворение разных воинских потребностей» // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XIV. №12930. СПб., 1839; Смоленску - 1160. 2023: Юбилейный стат.сб. / Смоленскстат. 2023. С. 15-16. Наш подсчёт.

Штат Полиции в Губернском городе Смоленск			
А. В Городской Полиции	Число людей	Им в год жалованья	
		Одному	Всем
		Рубли	
Полицмейстер	1	1200	1200
В Полиции присутствовать Полицмейстеру вместе с Частными Приставами и двумя Ратманами Городового Магистрата			
Секретарь	1	500	500
Столоначальник	1	400	400
Журналист, он же и Архивариус	1	300	300
Казначей, он же и Экзекутор	1	300	300
Канцелярских служителей:			
Среднего разряда	1	150	150
Нижнего	2	120	240
Им на паяк и одежду по 60 рублей			180
На канцелярский расход, в том числе на дрова и свечи			200
Итого в Полиции:	8		3470
Б. В частях города, коих полагается три.			
Частных приставов	3	600	1800
Квартальных надзирателей по числу кварталов	6	400	2400
Письмоводителей из канцелярских служителей среднего разряда по одному в каждую часть	3	150	450
Им на паяк и одежду по 60 рублей			180

На канцелярский расход, в том числе на дрова и свечи по 200 руб в каждую часть, а во все три			600
Итого на три части:	12		5430
В. Полицейская нижняя команда			
Городовых унтер-офицеров в каждый квартал по одному	6	30	180
Рядовых, т.е. рассыльных в Полиции два, в каждую часть по одному и будочников	41	12	492
Размещение сих людей предоставляется Полицмейстеру, по усмотрению надобности, с утверждения Гражданского Губернатора			
Г. Пожарная команда			
Брандмейстер	1	500	500
При нем ученик	1	200	200
Унтер-офицер	1	30	30
Рядовых, т.е. собственно пожарных служителей, трубочистов и фурманов	60	12	720
Всем нижним чинам, коих число 108, на провиант и амуницию примерно			6000
О провианте и амуниции для сих чинов должны быть составлены подробно табели и представлены на утверждение в МВД			
На фураж для пожарных лошадей, так же по особо имеющей составляться табели примерно			4000
На ковку их, сбрую, ремонт для них и пожарных инструментов			1900
Итого на Полицейскую и Пожарную команды	110		14022
А всего на Полицию в Смоленске	130		22922

Источники: Высочайше утверждённый штат полиции в губернском городе Смоленске // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. IV. №3316. СПб., 1829.

Источники: ГАСО. Ф.2. Оп. 42. Д. 724. Л. 1 - 19; Д. 820. Л. 1 об. - 2; Д. 1046. Л. 1 об. - 2; Д. 1193. Л. 1 об. - 2; Д. 1284. Л. 1 об. - 2; Д. 1327. Л. 1 об. - 2; Д. 1739. Л. 1 об. - 2; Д. 1803. Л. 1 об. - 2; Д. 1856. Л. 1 об. - 2; Д. 1912. Л. 1 об. - 2; Д. 1986. Л. 1 об. - 2; Д. 263. Л. 1 об. - 7 об. Д. 419. Л. 1 об. - 2; Д. 705. Л. 1 об. - 2; Д. 1357. Л. 1 об. - 15. Наш подсчёт.

Сводная таблица по преступлениям и арестантам (1834-1855) в Смоленской губернии

Год / Период	Всего	Бродяжничество	Кражи	Убийства	Самоубийства	Дезертирство
1834 (арестанты)	742	445	172	7	-	2
1835 (преступления)	~80	-	19	4	43	-
1844 (июль-дек.)	302	209	16	18	8	12
1845 (полный год)	282	189	13	14	18	5
1846 (июль-дек.)	~58	10	2	2	6	6
1847 (январь-июнь)	24	0	-	7	3	-
1853 (июль-дек.)	42	0	1	3	3	0
1854 (полный год)	84	0	1	8	10	0
1855 (январь-июль)	38	0	1	2	3	0

Источники: Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1835-1856. Наш подсчет.

Таблица 6

Месячная динамика преступлений (1844-1855) в Смоленской губернии

Год	Янв	Фев	Мар	Апр	Май	Июн	Июл	Авг	Сен	Окт	Ноя	Дек	Итого
1844	8	-	-	24	54	44	34	28	56	48	45	91	432
1845	44	17	29	-	15	71	11	26	13	10	18	6	260
1846	32	54	24	5	36	45	23	6	6	10	5	16	262
1847	4	4	4	2	7	3	-	-	-	-	-	-	24
1853	-	-	-	-	-	-	4	9	8	10	8	3	42
1854	13	8	8	9	8	5	5	6	6	13	3	0	84
1855	1	5	2	10	11	4	5	-	-	-	-	-	38

Источники: Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1844-1856. Наш подсчёт.